ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Каневчане

№18 • 2018

Станица Новодеревяковская. Казаки. Впереди Иван Матвеевич Кваша.
Начало 1960-х годов. Фото из архива Александра Дейневича.

Каневчане

№18 • 2018

СОДЕРЖАНИЕ:

Владимир САЯПИН
Последнему солдату. Стихотворение.... 2

Колонка главного редактора
Владимир САЯПИН
Вступительное слово 3

Приёмная администрации
Александр ГЕРАСИМЕНКО
Слово главы Каневского района 4
Владимир РЕПИН
Слово главы Каневского поселения 5

Поздравляем!
В Союзе писателей России — пополнение 6
С юбилеем! 7

О друге слово
Елена БУТЕНКО
Ушла не попрощавшись 8

Нас читают
Лариса ЯКИМЕНКО
Отзывы наших читателей 10

Фестивали. Конкурсы
«Поэзия русского слова» 12

ЛЕТОПИСЬ КАНЕВСКОЙ СТАРИНЫ
Валентин ЦВЕТКОВ
Данию и Россию объединил Тимофей Ящик 14
Николай ЛЕМИШ
Год 1937. Историческая хроника 16
Валерий КОСТРОВ
Каневские атаманы 26

КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЭВОДУ
Николай МРИНСКИЙ
Казаки-пластуны (окончание) 30
Андрей ЛЯХ
Митькины вечера 38
Владимир САЯПИН
Тёмный омут глубокий... Стихотворение .. 42

ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ ВОЙНЫ
Николай ЧЕРНОГОРЕЦ
Имеют право на память 44
Николай ЛЕМИШ
Женская доля 48
Владимир КАПУСТА
Военный переводчик 58
Наталья ДУЛЕНКО
Пожелтевшие страницы 60
Георгий БОЙКО
Слово об отце. Бойко А. А. 64
Константин БАНДИН
Слышит Родина их «позывной» 68
Зоя СИЗОВА
Дети войны 70

КУБАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ
Виктор ЛИХОНОСОВ
Запонка с гербом 74

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «РОДНИК»
Степан ДЕРЕВЯНКО
Погост. Чарлёнок. Рассказы 80
Валентин ЦВЕТКОВ
Участник куликовской битвы 84
Стихотворения 85
Владимир САЯПИН
«На жареного горобца». Рассказ 86
Стихотворения 87
Ольга СЕРГАНЬ
Шёл 1922 год... 90
Стихотворения 91
Василий МАКУХИН
Переселенцы (продолжение) 92
Татьяна ГРЕЧАНАЯ
Старый летний сад. Стихотворение 106
Ольга ЗОРИНА
Майка. Рассказ 107
Татьяна КУН
Гуси-забияки. Рассказ 108
Стихотворения 111
Зоя СИЗОВА
Стихотворения 111
Жанна ОМЕЛЬЧЕНКО
Встреча друзей. Рассказ 112
Владимир ПОЛТОРЖИЦКИЙ
Стихотворения 113
Ольга ЗОРИНА
Кошачь лапки. Сказка 114
Андрей НИКИФОРОВ
Стихотворения 115
Люблю тебя, моя Кубань!
Детские стихотворения..... 116

Наш гость
Ирина ХАНАНИНА
Стихотворения 118

ВЕРА МОЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
Ольга ЗОРИНА
Пахло ёлкой и ладаном.
Рождественская сказка 120
Пред Рождеством. Стихотворение 120
Анна КУЛИК
Стихотворения 121
Андрей ЛЯХ
Стихотворения 121

Красна земля каневская талантами
Наталья ДУЛЕНКО
«Бог дал Художнику кисти и краски» ... 122

Владимир САЯПИН

ПОСЛЕДНЕМУ СОЛДАТУ

Стакан гранёный, а на нём горбушка.
И чувство незамоленной вины...
Откуковала русская кукушка
Последнему солдату ТОЙ войны.

Глаза старушек с горестною жалью —
Осталось их с пяток, его девчат.
Всем хутором сегодня провожали
Дядь Федю с местным прозвищем Сержант.

Здесь не было чужих и посторонних,
Смотрел солдат с портрета, как живой,
И, хоть уже без музыки хоронят,
Оркестр собрался бывший духовой.

Сменилось время, вместе с ним обряды:
Всем на могилы нынче — крест простой,
Но бывший столяр бывшей стройбригады
Его уважил тумбой со звездой.

Синичьей стайкой сгорбились старушки,
Придавленные общею бедой,
И правнук нёс на маленькой подушке
Его медали с Красною Звездой...

Потом накрыли вскладчину поминки,
До темноты не уходил никто,
И патефон со старою пластинкой
Пел с хрипотцой про синенький платок.

Потом была пластинка та, что скромно
На день Победы ставилась всегда,
И в песне той просил певец негромко,
Чтоб не будили соловьи солдат.

А соловьи в саду, как прокажённые,
Словно хрусталь бросали на гранит,
И новым смыслом песни поражённые
Все хуторяне плакали навзрыд.

А на столе при свете свечек зыбком
Смотрел с портрета старый ветеран,
Сержант дядь Федя, с грустною улыбкой
На свой накрытый хлебушком стакан...

Каневчане 2018

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

№18 • 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
Владимир САЯПИН,
член Союза журналистов России,
член Союза писателей России
тел. +7 (918) 977-79-29
e-mail: sayapin-58@mail.ru

Зам. главного редактора –
Татьяна КУН,
член Союза журналистов России

Ольга ЗОРИНА,
член Союза журналистов России

Валерий КОСТРОВ,
член Союза журналистов России

Николай ЛЕМИШ

Зоя СИЗОВА,
член Союза журналистов России

Степан ДЕРЕВЯНКО,
член Союза писателей России

Компьютерная вёрстка и дизайн –
Андрей НИКИФОРОВ,
член Союза журналистов России

Фотографии:
Михаил МОРГУН
Валентин ЦВЕТКОВ
Николай МРИНСКИЙ
из архива Сергея ЖЕБРОВСКОГО
и из открытых источников

Учредитель:
Администрация Каневского сельского поселения

Издатель:
Творческий коллектив журнала

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Подготовлено к печати и отпечатано в НАО «Кубанское полиграфическое объединение»

Ст. Каневская,
ул. Черноморская, 21
Заказ № 17 649.
Тираж 999 экз.

Колонка главного редактора

Как быстро летит время… Кажется, совсем недавно, в 1995 году, сидели мы с Владимиром Тощевым за столом и колдовали над первым номером нашего журнала, а сегодня ему — без полутора лет 25...

Перед вами новый номер, детище творческого коллектива, редколлегии. Выглядит он, по сравнению с первым, как роскошный «Лимузин» на фоне «Москвича»: и внешний вид, и содержание под капотом, то бишь внутри журнала. Но если альманах наш «молодеет», то его создатели — увы, нет. Ушла из жизни Валентина Моторная — опытнейший журналист, у которой, по сути, мы все учились мастерству пера. Уход её и Валентина Цветкова для журнала — невосполнимая потеря. И, тем не менее, творческий костяк остаётся постоянным.

Членами Союза журналистов России стали практически все члены редколлегии, а ваш покорный слуга к этому званию добавил и членство в Союзе писателей России. Короче, «заматерели». Будем стараться, чтобы творческий уровень публикаций также неуклонно рос.

Завершается год — непростой, как для страны в целом, так и для нашей маленькой родины. Неспокойно в мире, неспокойно в стране. И лишь чаянья простых людей о мире, о благополучии остаются жизненными. И нам приятно, что, делая свою скромную работу, мы таким образом на своём уровне стремимся содействовать оптимистичному восприятию народом не самой, скажем так, позитивной действительности.

Мы желаем всем вам, дорогие земляки, здоровья, счастья в семьях, благополучия, спокойствия в мире и стране.

С уважением,
главный редактор
Владимир САЯПИН.

УВАЖАЕМЫЕ КАНЕВЧАНЕ!

Увидел свет очередной номер альманаха «Каневчане». Это своеобразный рупор нашего исторического прошлого, казачьей старины. Благодаря журналу мы слышим балачку, на которой говорили наши предки. Мы знаем о важных событиях минувших лет, вошедших в летопись, мы помним наших героев, своими ратными подвигами и добросовестным трудом снискавших заслуженный почёт у жителей муниципалитета.

Прошлое нельзя просто перелистнуть, как страницу в учебнике истории. Оно является отправной точкой для событий, которые происходят сегодня. Минувший год тоже ушёл в прошлое, но он запомнился нам знаменательной для всего региона, и Каневского района в частности, датой — 75-летием освобождения края от немецко-фашистской оккупации.

Муниципалитет достиг хороших показателей в экономике, в урожае зерновых, колосовых, в животноводстве и других отраслях. Немало славы принесли району победы тружеников и учащихся в различных конкурсах, спортивных соревнованиях.

Неотъемлемой частью жизни каневчан являются культура, её духовное богатство, казачий колорит. Именно эта сфера служит связующим звеном разных поколений, бережно сохраняя для потомков бесценное наследие их предков. С этой задачей и помогает справляться творческий коллектив журнала «Каневчане», в котором трудятся историки, краеведы, писатели и журналисты, преданно любящие свою малую родину.

От всей души благодарю за кропотливый труд в деле сохранения нашего исторического прошлого.

Всем каневчанам желаю мира и добра, благополучия в семьях, уюта в домах, счастья и здоровья.

С уважением,
глава Каневского района
Александр Герасименко.

УВАЖАЕМЫЕ ЗЕМЛЯКИ!

Ещё один год канул в Лету. Как и все предыдущие, он был неоднозначным — много было и позитивного, и не очень. Наряду с непростой обстановкой в мире, жители Каневской и района прожили этот год довольно стабильно, спокойно. Хочется пожелать всем вам в новом году счастья, здоровья, достатка.

В свою очередь, хочу поздравить редколлегию журнала, которая в полном составе вошла в Союз журналистов России. Главного редактора поздравляю со вступлением в Союз писателей России и шестидесятилетним юбилеем. Желаю творческому коллективу дальнейших успехов на их благородном поприще.

С Новым годом!

Владимир РЕПИН,
глава Каневского
сельского поселения.

Председатель правления Краснодарского регионального отделения Союза писателей России Светлана Макарова и Владимир Саяпин. Заседание правления СП России, принятие в Союз.

Поздравляем!

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ – ПОПОЛНЕНИЕ

7 октября 2018 года в городе Краснодаре состоялось очередное заседание Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, на котором главный редактор журнала «Каневчане» Владимир Саяпин был принят в члены Союза писателей России.

Творческий коллектив журнала и многочисленные друзья поздравляют Владимира Юрьевича с этим знаменательным событием.

Заместитель председателя правления Союза писателей России, генеральный директор Союза писателей России Василий Дворцов.

С ЮБИЛЕЕМ!

21 мая 2018 года главному редактору историко-литературного альманаха «Каневчане» Владимиру Саяпину исполнилось 60 лет

* * *

До введения новой судейской системы в фигурном катании наивысшая оценка была 6.0, означающая «безукоризненно». Такую же оценку в его 6.0-летие я смело ставлю моему большому, во всех смыслах, другу Владимиру Саяпину!

6.0 — за его многогранное творчество: Владимир Юрьевич хорош как в художественных и журналистских жанрах, так и в поэзии. Промолчу уже о его музыкальности и певучести.

6.0 — за его работоспособность, плодовитость, желание поделиться жизненным багажом.

6.0 — за саяпинские сумасбродство и хулиганство (в хорошем смысле слова), роскошное чувство юмора, которые помогают ему создавать «вкусные», «живые» вещи, помогают держать команду альманаха «Каневчане» в тонусе и самому держаться на плаву.

6.0 — за каждодневное желание Володи жить ярко, полно, искристо, чувственно. В общем, «любить — так любить, стрелять — так стрелять» — это про него, про Владимира Саяпина, дружбой которого я очень дорожу.

Заслуженный журналист Кубани
Наталья ИВАНОВА.

* * *

З днэм народжэння, мий друже,
Пощастыло у жытти.
Шлях нэлэгкий та тэрныстый
Разом нам з тобой итты.

Лыш вэлыкойи удачи
Побажання ти прыймай.
Для добра, тэпла, кохання
Сэрце щирэ видкрывай.

Будэ успих хай з тобою
В починаннях твойих всих.
І в гостынний твойий хати
Хай лунае друзив смих.

Зоя СИЗОВА.

* * *

Володя! Поздравляю с юбилеем! Желаю здоровья, воплощения творческих замыслов. Пусть во всех начинаниях тебе сопутствует удача. Твоя энергетика способствует плодотворной работе коллектива, результатом которой является издание классного журнала. Благодарю за возможность прикосновения к этому процессу.

Лариса ЯКИМЕНКО.

* * *

Поздравляю Владимира Юрьевича с этим замечательным юбилеем от всего коллектива нашего историко-литературного альманаха «Каневчане» и творческого объединения «Родник»!

Владимир Саяпин — автор поэтических сборников «Не гони меня ветер» (2004 г.), «Саксофон на ветру» (2012 г.), «Всё шире круги по воде» (2017 г.). Стихи, стихи — они всегда рядом…

Владимир Юрьевич — любимец наших читателей, особенно женщин, так как всё его творчество пронизано любовью и нежностью.

Желаем крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов, радости, счастья, благополучия этому Человеку с большой буквы!

Как хорошо, что есть друзья на свете —
Я не устану это повторять.
И пусть Любовь летит по всей планете —
Нам этот мир никак нельзя терять!

Пускай Любовь укутает всю Землю,
Добро пусть побеждает зло!
Я только эту истину приемлю —
Жизнь торжествует всем смертям назло!

Татьяна КУН.

* * *

Уважаемый Владимир Юрьевич! Примите искренние, добрые слова поздравления с Вашим юбилейным днём рождения!

Счастья, творческого порыва, любви, жизненного позитива!

Пусть даты остаются в документах,
А в памяти — попутные ветра,
Дорог нелёгких вьющиеся ленты
Да солнце, обласкавшее с утра!
Но главное — сердечное вниманье
Людей, что повстречались на пути,
Любовь большая, близких пониманье,
И… ПЕСНЯ! С ней вперёд легко идти.
Что прожито — нетленное богатство,
Что впереди — волнует и зовёт.
В пути не страшно, ведь людей забота
Не покидает Вас, не предаёт.
Что отдали, вернётся Вам сторицей:
Звенящим смехом, дымкой на заре…
Вам можно всем, что прожито, гордиться
И радоваться следующей поре.

С уважением,
директор Музея
песни XX века
Людмила АНТОНОВА.

Елена БУТЕНКО

УШЛА НЕ ПОПРОЩАВШИСЬ

7 ноября 2018 года скоропостижно ушла из жизни ветеран каневской журналистики, заслуженный журналист Кубани Валентина Моторная.

В свои 77 лет, несмотря на пошатнувшееся здоровье, Валентина Григорьевна продолжала жить жизнью Каневского района, продолжала творить, публиковаться. «Я не принадлежу к ортодоксам, но уважаю правду и принципиальность», — кратко, но ёмко характеризовала себя журналист и до последнего вздоха не изменяла своей жизненной позиции.

Талантливый учитель, Моторная оставила значимый след в истории системы образования и масс-медиа муниципалитета. «Поставила на крыло» треть каневских журналистов.

Родилась Валентина Григорьевна 28 апреля 1941 года в семье коренных каневчан Жуваковых, окончила станичную 1-ю школу. С дипломом выпускницы педучилища начинала профессиональную деятельность в 40-ой школе хутора Средние Челбассы учителем русского языка и литературы, вела уроки рисования, пения, была вожатой.

После пятилетней практики в школе каневчанка вошла в методическую службу районного Дома пионеров, впоследствии возглавила это учреждение. Без отрыва от производства и общественной деятельности окончила филологический факультет Армавирского государственного пединститута.

Неравнодушный человек, Моторная одновременно была членом районного комитета ВЛКСМ, сотрудником детской комнаты милиции, внештатным корреспондентом районной газеты, диктором районного радио.

Вторую четверть века трудовой деятельности она посвятила журналистике. Мастер слова, человек глубоко сопереживающий, деликатный и одновременно твёрдый в убеждённости «честно служить народу», уверенно заняла своё место в журналистской нише. В 1986 году Моторная возглавила отдел писем редакции районной газеты «Заря коммунизма» (ныне — «Каневские зори»), была заведующей общественно-политическим отделом, заместителем главного редактора.

В 2002 году стала главным редактором общественно-политической газеты «Каневская неделя». В течение пятилетней жизни издания грамотно использовала эту информационную площадку для решения ряда проблемных вопросов, касающихся жизни района в целом и судеб героев газетных публикаций в частности. Искренне радовалась успехам малой родины и достижениям земляков, что также находило отражение в творчестве Валентины Григорьевны и целой плеяды взращённых ею журналистов.

Последнее десятилетие Валентина Григорьевна не «наслаждалась прелестями заслуженного отдыха», а вела активную общественную деятельность средствами масс-медийного пространства муниципалитета. Публиковалась в районной газете «Каневские зори», на страницах «10-го канала» Каневской телестудии, историко-литературного альманаха «Каневчане», участвовала в издании корпоративных газет фирмы «Калория» и сельхозпредприятия «Победа».

Литературную копилку Каневского района Моторная пополнила авторскими книжными изданиями «Ступени» (1998 г.), «Там, где текут молочные реки» (2001 г.), «В моей судьбе ты стала главной» (2008 г.). Значим её вклад как редактора и мудрого советчика в издание книг публицистов и историков-краеведов, заслуженных журналистов Кубани Валентина Цветкова и Нохи Султханова, заслуженного работника культуры Кубани и отличника просвещения Александра Дейневича.

Валентина Григорьевна передала свои лучшие человеческие качества дочери и двум внукам. Человек широкой души, она оставила двери своего дома открытыми для родных и близких, друзей. Моторная прожила жизнь ярко и стремительно. Ушла из жизни в одночасье, «не обременив своей слабостью близких людей» — как жила, как хотела уйти…

Невосполнима утрата каневчанки Моторной — Патриота, Матери, Учителя, Журналиста. Такие неординарные звёзды загораются редко, но именно они своими лучами освещают жизненный путь человечества. И оставляют след в памяти современников на долгие годы.

Лариса Якименко (справа) и поэтесса Нелли Василинина (город Краснодар).

Ведущая рубрики Лариса ЯКИМЕНКО

* * *

Спасибо за журнал! Хороший номер к юбилею Победы. Мне нравятся все выпуски вашего издания «Каневчане».

С возрастом стала понимать: меня интересует история родного края, и это здорово, что в школах изучают такой предмет.

Какой подвиг совершили казаки — ведь на пустом месте строили станицы, хутора, возникшие из куреней, и Кубань очень быстро стала житницей России, какой остаётся и по сей день. И вся эта история находит отражение на страницах журнала, бесценного кладезя для молодого поколения.

Основательностью и исторической достоверностью увлекают публикации Николая Лемиша. Спасибо за стихи Василию Кравченко. Передай Владимиру Саяпину пожелание здоровья, сил, финансов, чтобы продолжать это благое дело. Редактор он толковый, как и талантливый в литературе.

С уважением,
Людмила ЗАЙЦЕВА,
народная артистка России,
город Москва.

* * *

Спасибо за журнал. Это ты хорошо придумала — об открытках написать. Много интересной информации о станичниках и станице.

Н. П. ХИЖКИНА,
город Волгодонск.

* * *

Здравствуйте! Журнал «Каневчане» находится на нашем выставочном стенде. Я прочитал ваш альманах — впечатления, конечно, остались. Тронули меня воспоминания о голоде. И не только меня. Журнал ваш, конечно, солидный, прекрасное оформление, интересное содержание. К сожалению, у нас нет такого издания.

В. КРАПИВКИН,
Слободская библиотека,
Воронежская область.

* * *

Сегодня познакомилась с журналом «Каневчане». Он вызвал у меня бурю эмоций, читается легко и с интересом.

Листая страницы альманаха, как будто листаешь страницы истории.

Стихи вызвали воспоминания о том, как я, шестнадцатилетняя сибирская девчонка, приехала в трудовой лагерь на Кубани. О первых впечатлениях от утопающих в цветах городах и станицах, о бесконечных полях помидоров и арбузов, о пруде с необыкновенной «прыгающей» рыбой (она подпрыгивала, когда стучишь по воде). И, конечно же, о первой любви.

Произведение «Прощались старики с коровой» Владимира Саяпина напомнило, как отец уехал из деревни в город и целый день просидел там на автостанции только для того, чтобы не видеть, как забивают его кормилицу, корову Майку.

Огромное спасибо редактору за предоставленные эмоции, за труд. Желаю вашему альманаху творческих успехов, благодарных читателей. Вы занимаетесь нужным и полезным делом.

С уважением, В. В. ЗАИКИНА,
Турманская сельская библиотека,
Иркутская область.

* * *

Увидела ваш альманах и была, мало сказать, удивлена. Такие издания и в больших городах мало кто выпускает! Изуми-

тельное качество! В Приморском крае, где мы живём, я такого журнала не видела. Прочитала полностью. Каждая страница заставляет остановиться, перечитать, задуматься. Интересно всё! И все темы вообще, и те, что затрагивают меня лично.

Для меня это тема коллекций открыток. И статья об открытках мне очень близка и интересна. Спасибо Ларисе Якименко за интересный рассказ, и за новые для меня подробности (к своему стыду, о том, что сестра царя Великая княгиня Ольга Александровна выполняла рисунки к открыткам, не знала), и за сам журнал, присланный любезно, и за открытки.

Более полувека собираю открытки, но мне кажется, что они со мной и больше. Я могу рассматривать их часами, перекладывая в альбомах, могу и рассказывать о них тоже долго. Не все понимают, для чего собирать открытки, для чего всю жизнь тратить на них деньги. Даже подсчитывают, на какую сумму моя коллекция. А для меня это радость, спокойствие, счастье!

И. А. ЛЁВА, коллекционер,
Дальний Восток, Приморский край.

* * *

Здравствуйте, дорогие друзья! Привет всем из далёкого Вятского края! Я состою в переписке с Ларисой Анатольевной Якименко, благодаря которой познакомилась с вашим историко-литературным альманахом «Каневчане».

Вы делаете великое по своей значимости дело. Сохраняете и приумножаете память о прошлом, заставляете задуматься о жизни, понимать её ценность.

На страницах вашего журнала мы читаем слова тех, кто имеет Божий Дар нести людям глубину своих чувств, мыслей, которые трогают душу, сердце, заставляя нас, читателей, думать, размышлять, становиться лучше, чище. Ведь мы приходим в этот мир, чтобы совершенствовать себя, и вы в этом помогаете нам.

Творчество Владимира Юрьевича Саяпина, его проза, имеют огромную силу, глубину. Несомненно, каждый из нас испытывает счастье, волнение при чтении его произведений, как от прикосновения к чему-то очень настоящему. Рассказы его нельзя читать без душевного переживания, они восхищают любовью к Родине, достоверностью, правдивостью, глубиной сопереживания автора к воссоздаваемым им событиям.

История, описанная в рассказе «Волчица», настолько волнует и пронизывает, что происходящие события со всей яркостью предстают перед глазами, а прочитанное ещё долго не отпускает. Гордыня, непримиримость, бессердечие привели к предательству, погубившему родных Семёновны — внучки Наташеньки и сына Василия. О чём думала эта женщина остаток своих дней? Зачем прожита её жизнь? Осознала ли всю пропасть своей бездушности и бесчеловечности? Каждый читатель сам себе ответит на эти вопросы.

Даже дикий зверь наделён большей человечностью и преданностью. Волчица — мать, бьётся до последнего за своё дитя... Мы слышим призыв автора: люди, опомнитесь, остановитесь! Кто дал вам право лишать человека жизни?

Нравственный, воспитательный посыл рассказа потрясает. Именно такие произведения необходимо включать в программу школ, для изучения нашим детям, тем самым взращивая в них духовность, сострадание, осознание последствий своих поступков.

Современный читатель, истосковавшийся по настоящим, подлинным ценностям, с упоением, нетерпением, желанием быстрее прочесть, а затем снова и снова перечитать, погружается в произведения Владимира Саяпина. Его творчество дарит нам счастливые минуты прикосновения к прекрасному, чистому, помогающему понять смысл человеческого предназначения.

Е. Г. ЗОРИНА,
заведующая домом-музеем Яна Райниса,
город Слободской, Кировская область,
Вятский край.

* * *

Научные сотрудники Геленджикского историко-краеведческого музея познакомились с историко-литературным альманахом «Каневчане» (№ 14, 2015 год). Ваш альманах выполняет благородную просветительскую миссию: знакомит читателей с историей, интересными и знаменитыми людьми родного района, которые внесли большой вклад в его развитие.

Читая журнал, узнаёшь об интересных фактах истории и жизни жителей, которые долгое время были преданы забвению. Это показывает историю вашей станицы более полной и интересной.

Ваш журнал очень своевременен, так как в XXI веке утрачивается подлинность исторических фактов. Очень много публикаций в СМИ, где наша история преподносится полной вымысла. Поэтому ваш альманах необходим.

Мы благодарны редакционной коллегии за подвижнический труд, который вносит большой вклад в патриотическое воспитание молодого поколения жителей вашего района.

Общая история страны без истории малой родины является неполной. Только познавая историю места, где человек родился и вырос, он проникается любовью к своей Родине.

От имени членов коллектива
Геленджикского
историко-краеведческого музея
Т. А. НЕБИЕРИДЗЕ,
старший научный сотрудник
отдела фондов, заслуженный
работник культуры Кубани.

«ПОЭЗИЯ РУССКОГО СЛОВА»

Так назывался Всероссийский литературный фестиваль-конкурс, который проходил в городе-курорте Анапа три дня — с 28 по 30 сентября 2018 года.

В 2018 году на конкурс поступило свыше 130 заявок из 30 регионов России. Возглавил жюри Василий Дворцов, президент фестиваля — заместитель председателя правления Союза писателей России, лауреат Международных и Всероссийских премий. В жюри работали С. Н. Макарова, В. А. Динека, Н. А. Зиновьев, Н. А. Ивеншев, Е. Е. Пиетиляйнен, С. А. Лёвин.

В программе фестиваля — конкурсные выступления, творческие встречи, мастер-классы поэзии и прозы, круглые столы по проблемам развития современной литературы и возможностям книгоиздания, литературные чтения «Свободный микрофон», выставка-продажа книжной продукции участников.

Фестиваль-конкурс проводился в номинациях «Поэзия», «Малая проза», «Литература для детей» и «Литературный перевод».

В конкурсе «Поэзия русского слова» участвовали и авторы нашего историко-литературного альманаха «Каневчане»: Владимир Саяпин, Зоя Сизова, Владимир Капуста, Ольга Сергань, Ирина Хананина. Владимир Саяпин и Зоя Сизова уже стали дипломантами этого конкурса в 2017 году, а в 2018-ом участвовали в нём во второй раз.

Мы не приводим полный список победителей, отметим только авторов нашего историко-литературного альманаха «Каневчане».

«МАЛАЯ ПРОЗА». КАТЕГОРИЯ «МАСТЕР»

ЛАУРЕАТЫ

- 1 место — не присуждалось.
- 2 место — **Владимир Саяпин** с рассказом «Случайный вальс».

«МАЛАЯ ПРОЗА». КАТЕГОРИЯ «ОТКРЫТИЕ» (с 35 лет)

ЛАУРЕАТЫ

- 1 место — **Владимир Капуста** с рассказом «Военный переводчик».

«ПОЭЗИЯ». КАТЕГОРИЯ «ОТКРЫТИЕ» (с 35 лет)

ЛАУРЕАТЫ

- 2 место — **Владимир Саяпин** с подборкой стихов.
- 3 место — **Ирина Хананина** с подборкой стихов.

ДИПЛОМАНТЫ

- **Ольга Сергань** с подборкой стихов.

НОМИНАЦИЯ «ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДЕТЕЙ»

ДИПЛОМАНТЫ

- **Ольга Сергань** с подборкой стихов для детей.

Слева направо: Ольга Сергань, Ирина Хананина, Владимир Капуста.

Летопись
каневской
старины
1926 год
ст.Каневская

Валентин ЦВЕТКОВ

ДАНИЮ И РОССИЮ ОБЪЕДИНИЛ ТИМОФЕЙ ЯЩИК

В апреле 2016 года исполнилось сто лет со времени назначения новоминчанина Тимофея Ящика телохранителем императрицы М. Ф. Романовой.

Известный в Каневском районе краевед Ноха Алаудинович Султханов много лет занимается исследовательской работой, изучает историю станицы Новоминской, в которой живёт, биографии людей, пишет статьи в газеты и журналы, книги. В одной из них — «Люби любовью светлою» — опубликован очерк «Кубанский казак — царский летописец». Он — о камер-казаке Императрицы Марии Фёдоровны Тимофее Ксенофонтовиче Ящике.

«На военную службу поступил в 1900 году в 1-й Ейский полк, был командирован в г. Тифлис в конвой главнокомандующего на Кавказе князя Голицина, — писал Т. К. Ящик в дневнике, который вёл регулярно. — *В 1904 году поехал с ним в Петербург, где при отставке князя я остался в собственном Его Императорского Величества конвое в лейб-гвардейской 2-й Кубанской казачьей сотне. В 1907 году уволился...»*

Далее Н. А. Султханов пишет в своей книге об известном земляке: *«Пять лет Тимофей Ящик прожил в Новоминской, занимаясь землепашеством и воспитанием детей, а затем в 1912 году вновь был призван в конвой Его Величества. С первых дней Первой мировой войны находился на фронте, куда ушёл добровольцем. В апреле 1916 года был неожиданно вызван в столицу и назначен лично царём камер-казаком к Её Величеству Императрице Марии Фёдоровне».* О жизненном пути Т. К. Ящика и матери-царицы подробно рассказывается в книге новоминского краеведа.

Но не только его, оказывается, интересует судьба Тимофея Ксенофонтовича Ящика. Датчанка русского происхождения Ирина Демидова, живущая в Копенгагене, прогуливаясь как-то по своему городу, зашла в бакалейную лавку и увидела там мастерской кисти икону Богоматери. Присмотрелась, приценилась. И хоть цену попросили немалую, купила.

Икона, как оказалось, принадлежала царскому телохранителю и летописцу, уроженцу кубанской станицы Новоминской Тимофею Ящику. Как русский человек, хоть и в четвёртом поколении, датчанка Ирина Демидова заинтересовалась судьбой русского казака, вынужденного, как и её прародители, эмигрировать из России. Пошла она на русское кладбище в Копенгагене, отыскала могилу Т. К. Ящика, со временем за свои средства установила новое надгробие, пригласила православного священника, освятила место захоронения.

Т. К. Ящик с женой Ниной (Агнесс), Копенгаген, 1926 год.

А потом были посещения музеев, библиотек, поиск и сбор материалов о Тимофее Ксенофонтовиче. Удалось Демидовой разыскать и родственников второй жены казака, через которых она и вышла на новоминского краеведа Н. А. Султханова, занимающегося такими же исследованиями.

Весной 2004 года Ирина Демидова совершила частный визит из Дании в Россию. Восемнадцатого — девятнадцатого мая она гостила в Новоминской у Нохи Алаудиновича Султханова. Этим людям было о чём поговорить. Дело в

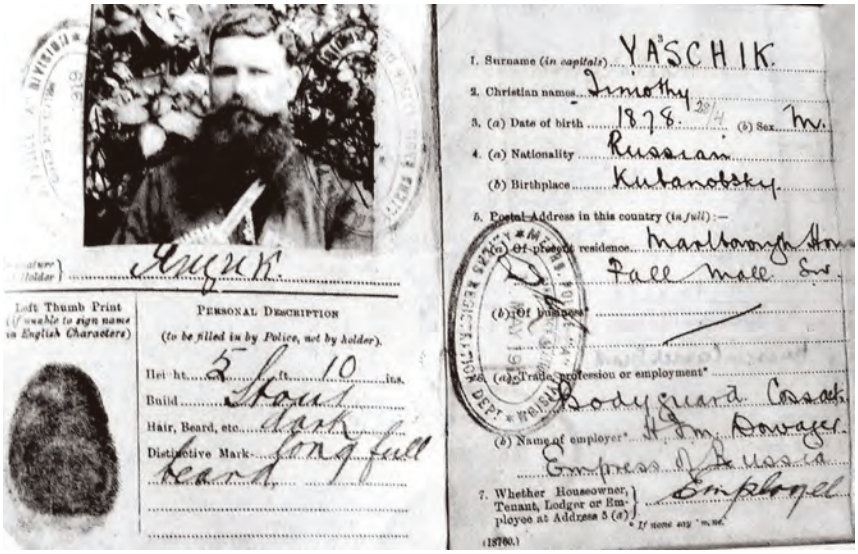
Встреча Николая II с президентом Франции Р. Пуанкаре в июле 1914 года. На запятках — Т. К. Ящик.

том, что каждый из них в отдельности готовит к изданию книгу о Тимофее Ксенофонтовиче Ящике. В результате взаимовыгодного обмена Ирина увезла в Данию серию фотоиллюстраций, книгу «Люби любовью светлою» с очерком о царском телохранителе, а Ноха получил в подарок редкие фотографии, на которых запечатлены некоторые экспонаты музея: казачья форма и оружие Т. К. Ящика, золотые запонки, подаренные Тимофею Ксенофонтовичу самим Николаем II, предметы быта.

Гостья из Дании совершила по Новоминской в дни визита несколько ознакомительных экскурсий. Она побывала на месте, где стояли жилые дома Т. К. Ящика, и где в 1919 — 1920 годах жила родная сестра последнего русского царя Ольга Александровна Романова-Куликовская с мужем и двумя сыновьями, познакомилась с предприятиями кубанской станицы, с социально-культурными объектами акционерного общества «Урожай», в котором член Союза журналистов России Ноха Султханов работает редактором многотиражной газеты «Кировец».

Ирина Демидова привезла и вручила проживающим в станице Новоминской родственникам Тимофея Ксенофонтовича Ящика горсть земли с его могилы.

Прошёл год, и в Санкт-Петербурге увидела свет книга «Рядом с императрицей». Её автор — Тимофей Ящик, верный царский телохранитель, кубанский казак, награждённый за преданность и отвагу двумя медалями Святой Анны — золотой на Анненской и Станиславской лентах, юбилейной — в память о Бородинском сражении и Романовской — в честь 300-летия царствования дома Романовых, а также французской, японской и эмира Бухарского медалями. Книгу подготовили журналисты Ирина Демидова (Дания, Копенгаген) и Ноха Султханов (Россия, Новоминская), а издана она Датским институтом культуры.



Удостоверение личности Т. Т. Ящика, выданное в Лондоне в мае 1919 года.

Первые комсомольцы станицы Новодеревянковской у сооружённого ими первого памятника Владимиру Ильичу Ленину.

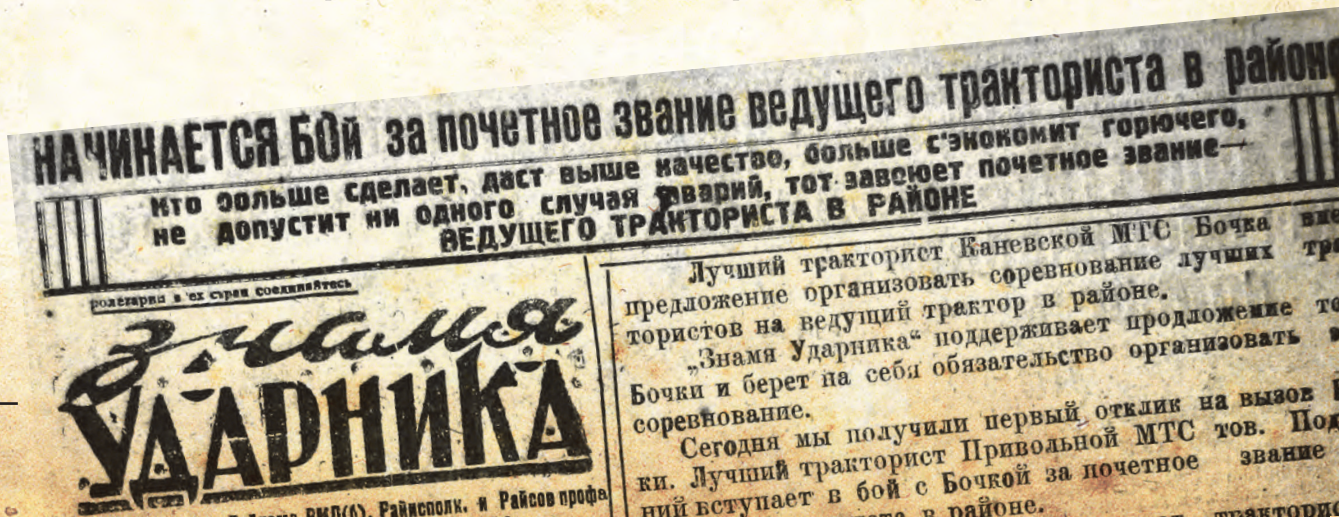
Николай ЛЕМИШ

ГОД 1937. ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Продолжение. Начало в № 17.

Страна в восторге от новых межконтинентальных перелётов. **18 августа** со Щёлковского аэродрома дан старт авиаперелёту на самолёте Н-209, который взял курс на Архангельск, потом на Северный Полюс, Аляску. Огромный самолёт, экипаж — шесть человек. Командир — Герой Советского Союза Леваневский С. А., второй пилот — Каманаев Н. Г., штурман — Левченко В. И.. Бортмеханики — Побежимов, Годовиков. В составе экипажа и воентехник I ранга Голдовский.

«Задержание в советских территориальных водах вооружённого японского катера». И следом идёт скупое сообщение о потере связи с самолётом Леваневского. А ещё сообщение о нападении пиратов на советские торговые суда в акватории Средиземного моря. Нарком иностранных дел выступил по этому поводу на конференции средиземноморских держав. В стране проходят митинги с осуждением действий пиратов. На это реагируют не только центральная пресса, но и республиканские,


НАЧИНАЕТСЯ БОЙ за почетное звание ведущего тракториста в районе

Кто больше сделает, даст выше качество, больше сэкономит горючего, не допустит ни одного случая аварий, тот завоюет почетное звание ВЕДУЩЕГО ТРАКТОРИСТА В РАЙОНЕ

пролетарии всех стран соединяйтесь

Знамя Ударника

Лучший тракторист Каневской МТС Бочка вы предложение организовать соревнование лучших тр тористов на ведущий трактор в районе.

„Знамя Ударника" поддерживает продолжение То Бочки и берет на себя обязательство организовать соревнование.

Сегодня мы получили первый отклик на вызов ки. Лучший тракторист Привольной МТС тов. Под ний вступает в бой с Бочкой за почетное звание

областные газеты. Об этом пишет и наша районная газета «Знамя ударника».

А пока проходили митинги и дипломатические реляции, международная пресса запестрила тревожными сообщениями. **1 сентября** в 15 км от острова Скирос в Средиземном море подводной лодкой франкистов был затоплен советский пароход «Благоев». Команда спаслась, но погиб один матрос. А ведь ранее также был потоплен другой наш теплоход «Тимирязев», шедший **30 августа** из английского порта Кардифф в Порт-Саид с грузом угля. **2 сентября** была попытка нападения на ещё один советский пароход. За всеми нападениями стояли испанские и итальянские фашисты.

В то же время, **1 сентября 1937 года**, в Москве открылся пятый советский культурный фестиваль. По сути, молодая ещё советская республика смело занимала своё место в мировой культуре. На фестиваль съехалось очень много иностранных гостей. Праздник открылся грандиозным концертом мастеров национального искусства СССР.

6 сентября посол СССР в Италии по поручению правительства СССР препроводил министру иностранных дел Чиано ноту протеста, обвинив итальянский военный флот в гибели судна «Тимирязев», вёзшего самый мирный продукт — уголь. А «Благоев» вёз груз асфальтового пека.

Центральные газеты СССР, а вместе с ними и региональная пресса, сообщили о поисках самолёта Леваневского. Главное управление гражданского воздушного флота направляет в распоряжение начальника экспедиции по поискам самолёта лётчика, Героя Советского Союза Шевелева, самолёт П-5 под управлением лётчика Бицкого. Самолёт своим ходом долетит в Архангельск, там его разберут и доставят на ледоколе «Русанов» на остров Русанова. Отсюда он летит на станцию «Северный Полюс».

…Сообщения с фронтов Испании. Идут упорные бои.

И вновь сообщения о поиске самолёта Н-209. Газеты пишут, что советское правительство для поисков пропавшего самолёта задействовало пароходы, Северную авиацию. Свою помощь оказывают и американские лётчики. В поисках участвуют П-207 лётчика Грицановского, П-206 лётчика Головина, они держат курс на остров Диксон.

10 сентября — открытие сессии Совета Лиги Наций, где представлен и Советский Союз.

11 сентября — заканчивается строительство московского метро, 2-ой очереди. Осталось пройти 245 м.

Вышло постановление Совнаркома СССР «О мероприятиях по улучшению работы хлопчатобумажной промышленности». Наркомзем поместил в газетах разъяснение, что ранее принятая в сельском хозяйстве программа закладки силоса только с учётом внутренней потребности показала, что составлена она без учёта интересов колхозников и рабочих МТС. Поэтому увеличивается закладка силоса на 30%, что должно удовлетворить спрос и дать возможность выдавать сено и силос на трудодни.

13 сентября вышло Правительственное Постановление о разделении Азово-Черноморского края на Краснодарский край и Ростовскую область, в состав которой отошли 7 городов и 61 район. **13 сентября** стало днём образования Краснодарского края, юбилей которого мы недавно отметили.

14 сентября. Женева. Подписано средиземноморское соглашение о принятии особых мер по предотвращению пиратских нападений.

С **20 сентября** в Средиземном море вступает в действие контроль, установленный Нионским соглашением. Он будет вестись 150 судами, 100 гидросамолётами, а Англия ещё до вступления в действие соглашения направила свои суда в контролируемую акваторию.

Полномочный представитель СССР Славуцкий передал в Японии министру МИД Хирота ноту протеста по факту бомбардировки с воздуха китайского города Нанкина, находившегося в сфере интересов СССР. Бомбардировке подверглись советское консульство и граждане СССР, жившие в городе. Ответственность за происходящее правительство СССР полностью возложило на правительство Японии.

25 сентября газеты сообщили, что поверенный в делах СССР в Вашингтоне Уманский дал обед в честь австралийских лётчиков, оказывавших помощь в поиске самолёта Н-209 Леваневского, и поблагодарил их за титанический труд в условиях Арктики. Уманский выразил вместе с пилотами сожаление, что самолёт найти не удалось. В то же время лётчик Вилкинс высказал предположение, что экипаж жив и находится на льду, возможно, в районе поиска. Их поисковая операция проходила в условиях низкой облачности.

Сводки из театра военных действий Китая сообщили о крупных победах китайских войск.

Сообщения местной прессы: в «Знамени ударника» появился призыв — «Ни одного зерна спекулянту!» Колхозников призывают сдавать зерно в потребкооперацию. А там предлагают разнообразные льготы сдатчикам зерна. Колхозники Каневского района, рабочие предприятий перечисляют деньги на строительство новых пароходов взамен тех, что были потоплены пиратами.

«Буду командиром». Призывник Сергей Гармай сказал: «Мои мечты сбылись, я получу звание воина РККА и иду в полковую школу. Окончу её и буду красным командиром».

Готовясь к выборам в Верховный Совет СССР, президиум Каневского райисполкома наметил создание 19 избирательных участков в Каневской. Заканчивается подбор председателей и агитаторов избирательных участков.

24 сентября в «Знамени ударника» вышла статья о золозаготовках. С учётом большого урожая подсолнечника на колхозных полях газета призывает колхозы напрячь все силы,

Улица Ленина станицы Новодеревянсковской. Весна 1941 года.

чтобы получить как можно больше золы. Наладить повсеместно сжигание подсолнечных будыльев с максимальной отдачей. По простым подсчётам суммарный доход по району может составить 86 тысяч рублей.

И вновь на страницах районной газеты серия критических статей. Это критика хозяйственной неорганизованности и других безобразий в колхозах им. XVII Партсъезда, им. Фрунзе, «Красный колос», им. Ворошилова. Не обошли вниманием и колхоз «Память Ильича», Привольненскую МТС, Куйбышевскую МТС. Особенно «прошлась» газета по колхозу им. Ворошилова, где председатель и завхоз погрязли в пьянке, воровстве, совершаемых на фоне бесхозяйственности, административного произвола. Газета потребовала от Райзо освободить их от работы.

Футбольный матч между командами станиц Каневской и Тимашевской закончился победой каневчан — 2:1.

Газета «Знамя ударника» произвела перепечатку из центральных газет: «Рекордный полёт дирижабля СССР В-6». Оказывается, утром с московского аэродрома в длительное путешествие отправился гигантский дирижабль. В воздухе он держался пять с половиной суток, пролетев за 130 часов расстояние в 5000 км. Несмотря на встречные ветры, туман, дожди, самые неблагоприятные погодные условия, был установлен новый международный рекорд — без пополнения запаса топлива во время полёта, оставив далеко позади все прежние рекорды. Вновь наша страна продемонстрировала не только совершенство советской воздухоплавательной техники, но и лётное мастерство советских лётчиков.

А следом — печальная новость. Её опубликовал ТАСС в порядке правительственного сообщения о безуспешности поиска самолёта Н-209 лётчика Леваневского. Ведь все попытки найти самолёт, даже с привлечением американских, канадских и австралийских лётчиков, не дали и слабых надежд, что экипаж будет найден.

И ещё одна мировая новость: в 25 милях от мыса Кабо де Сан Антонио в Средиземном море английские миноносцы, осуществляющие патрулирование, подверглись нападению подводной лодки. Приметы трудного и противоречивого 1937 года — это вмешательство «европейского гегемона», фашисткой Германии, в дела суверенных стран, организация переворотов в странах, пытающихся определить свою национальную идентичность. Новый стиль международных отношений — провокации, пренебрежение к ранее достигнутым международным договорам.

В череде разнообразных сообщений замелькала панская Польша. Страна, у которой масса своих внутренних проблем, в том числе и экономических, кинулась очертя голову в международную политику, всячески заискивая перед фашистской Германией. ТАСС сообщил о всеобщей политической забастовке учителей в Польше, о волнениях в рабочих районах.

А меж тем жизнь в Каневской и районе тоже изобиловала событиями. Вот сообщения **октября 1937 года**.

«Казаки-парашютисты» — эта статья была перепечатана из краевой прессы. В станице Гиагинской 30 колхозников-казаков совершили первые самостоятельные прыжки с парашютом. В местном аэроклубе собралось много жителей, чтобы посмотреть на односельчан, ставших парашютистами. Прыжки совершались с легкомоторного самолёта У-2.

«С юными читателями надо обходиться повежливее» — так звучал заголовок очередной статьи в газете «Знамя ударника». Автор писал, что в библиотеке, находящейся в Доме

социокультбыта, главными гостями стали пионеры и школьники. В то же время со стороны библиотекаря комсомольца Замычкина им совсем не уделяется внимание. Более того, нормой отношения к детям стали грубость, пренебрежение и оскорбления. Автор и газета делают вывод, что районо, отдел культуры отнеслись к подбору кандидатуры библиотекаря несерьёзно. У Замычкина, вместо того чтобы стать школьникам консультантом, советчиком и другом, стиль взаимоотношений сложился по принципу: выдал — принял книгу и всё. Как на заурядном складе.

«О налоговой дисциплине»: газета по поручению райфинотдела призвала колхозы, МТС, предприятия и учреждения крепить платёжную дисциплину. В числе нарушителей названы совхоз «Красногвардеец», Стародеревянковский маслосырзавод, столовая-ресторан, Каневское сельпо и… редакция газеты «Знамя ударника».

«Не ведут борьбы с кротами» — это о том, что на полях развелось немало кротов, наносящих серьёзный ущерб сельскому хозяйству. Государство закупает у охотников кротовые шкурки. Польза тут двойная: колхоз бережёт урожай, а лица, борющиеся с кротами, получают материальное вознаграждение.

«Большая радость»: связисты района воодушевились, прочитав приказ наркома связи Бермана № 111 «о материальном положении связистов». Приказ о повышении зарплаты работникам связи. Теперь доставщик телеграмм будет получать 175 рублей, почтальон — 180 рублей, начальник отделения связи — 250, телеграфист — 240, а техник — 400.

А вот следующая статья агронома Райзо — «Ведите борьбу с клещами». Речь шла о жучке-долгоносике, вредителе ячменя, пшеницы и других зерновых культур, получившем широкое распространение не только в колхозных складах и амбарах, но и в частном секторе. Предлагались простые, но эффективные средства борьбы с вредителем.

Газета «Знамя ударника» очень чутко реагирует на факты бесхозяйственности, притеснения людей, административного произвола. Председатель колхоза «Страна Советов» Каневской МТС не стремится навести порядок в колхозном хозяйстве. Пренебрежительно относится к запросам молодёжи, комсомольцев. Дезорганизовал работу драмкружка. В орбиту критики попал и председатель колхоза «Комсомолец» Селиверстов. Стиль его работы — унижение колхозников, площадная брань, оскорбления, доходящие до рукоприкладства. Из-за этого колхозники не видят в нём руководителя. Он и о работе не спросит, не поинтересуется бытом колхозников, налажено ли питание, досуг.

21 октября краевая газета «Советская Кубань» сообщила об утверждении состава окружных избирательных комиссий Краснодарского края по выборам в Верховный Совет СССР. Реплики «Избирательная кампания началась» появляются на страницах газет. Сопровождаются они откликами в духе «Трудящиеся СССР горячо приветствуют начало избирательной кампании». В целом выборам в Верховный Совет придаётся большое политическое звучание.

Уже **24 октября** газеты сообщили, что товарищ Сталин — первый кандидат в депутаты Верховного Совета СССР. Идёт мощная кампания. В депутаты выдвигают не только политических деятелей, но и учёных, лётчиков, спортсменов, учителей, врачей, рабочих, колхозников, представителей творческой интеллигенции. Определена и дата выборов в Верховный Совет СССР — 12 декабря 1937 года.

Вышла статья «всероссийского старосты» Михаила Ивановича Калинина «Колхозное крестьянство — верная опора советской власти», где он подвёл итог многолетней деятельности государства в сфере строительства колхозов и перспективы развития сельского хозяйства.

Газеты сообщили об окончании осенних тактических учений Краснознамённого Балтийского флота. На учениях присутствовал нарком обороны К. Е. Ворошилов.

На основании уже изложенных событий в международной политике можно смело сказать, что 1937 год был неспокойным. Это подтверждают периодически появляющиеся в газетах сообщения о военных конфликтах. Прежде всего, это война в Китае. В **октябре** на шанхайском фронте идут сильные бои в районе Лодяна. Стремясь сломить сопротивление китайцев, японская армия применила на некоторых участках фронта против регулярных войск, а особенно населения, боевые отравляющие газы. В то же время китайская армия под командованием Чжу-Дэ отбила у японцев город Пиняу, попутно заняв Шочжу и Цынтин. Следующее сообщение касалось боёв в Шанхае. Подчёркнуто, что обе стороны несут огромные потери.

Вторая горячая точка — Испания. Бои за Мадрид приобретают всё более ожесточённый характер. 25 фашистских самолётов непрерывно бомбардировали позиции республиканских войск. **17 октября** авиация итальянских и германских фашистов бомбила мирные города Калунча и Вильявисиос.

Ранее Англия и Франция обратились к Италии с предложением о создании тройственной коалиции по вопросу вывода иностранных войск из Испании. Италия такое предложение проигнорировала, сославшись на то, что «испанский вопрос» без участия Германии она рассматривать не будет. Англия и Франция, чья трусливая политика уже была известна, настаивать не стали, демонстрируя «невмешательство». Между тем тяжёлые бои идут уже под Мадридом. Республиканские войска в районе Куэста де ла Рейна слегка продвинулись и захватили значительное количество военного снаряжения мятежников. Но наступление франкистов это серьёзно не остановило, и они усилили натиск в районе Толедо и Эстремадуры. Войска же республиканцев перешли к обороне.

Следом — сообщение о неудавшемся налёте на Барселону. Давно уже франкисты совершают налёты на крупные испанские города. Так, десять фашистских самолётов попытались совершить очередное нападение на Барселону. По пути они подвергли бомбардировке несколько деревень. Убиты и ранены девять человек. Республиканцы сбили два фашистских самолёта.

Мир в преддверии большой мировой войны (а она начнётся скоро — через неполных два года, ныне же — главная репетиция, и не более того).

А Советский Союз живёт мирной жизнью, ни о чём подобном не ведая, но что-то такое, видно, происходит в подсознании. Иначе чем объяснить динамику событий? Страна просто торопится жить!

В краевых газетах Кубани, а может быть, и в центральной прессе, появилась статья — «Банда вредителей приговорена к расстрелу». Это о событиях в Ростовской области, в Константиновском районе, о деле контрреволюционной вредительской группы. Специальная коллегия Ростовского областного суда разобрала дело восьми подсудимых. Утверждается, что группа действовала по заданию краевого контрреволюционного центра, возглавляемого бывшим председателем Северо-Кавказского райисполкома Лариным. В составе группы — руководители и специалисты, в том числе и старший агроном Райзо, старший зоотехник, ветврач. Всех их приговорили к расстрелу.

«Концерты на радио»: ТАСС заблаговременно сообщил, что радиостанция им. Коминтерна организует передачу концертов, посвящённых предстоящим выборам в Верховный Совет СССР. **27 октября** транслируются концерты специально для женщин, а **29-го** — для молодёжи.

«Товарищ Сталин — первый кандидат в депутаты Верховного Совета» — таков пафосный заголовок следующей статьи. Она сообщала, что состоялось собрание коллектива Московского электрокомбината им. В. Куйбышева, где на повестке дня был всего один вопрос — выдвижение кандидата в депутаты Верховного Совета СССР от сталинского избирательного округа столицы. Принято единогласное решение выдвинуть от рабочих, служащих, инженеров, техников комбината кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР вождя народов товарища Сталина.

Кампания по выборам в Верховный Совет набирала темпы. Ейский избирательный округ, куда входил и Каневской район, выдвинул секретаря ЦК ВКП(б) тов. Андреева кандидатом в Верховный Совет СССР и просил его дать согласие баллотироваться по Ейскому избирательному округу.

Наверное, каневчанам будет интересно, где же в станице были тогда избирательные участки. По Каневскому стансовету избирательный

участок № 78 был в здании школы им. Ленина (старое здание), № 79 — в школе им. Герцена (ныне район стадиона, здание призывного пункта), № 80 — в сельхозшколе (здание РКШ), № 81 — в старом здании районной больницы. По Ново-Каневскому стансовету: № 82 — в средней школе (ныне гимназия), № 83 — в доме социокультуры по ул. Горького (здание не сохранилось), № 84 — в школе им. Пушкина (№ 4).

Газета «Знамя ударника» сообщала в своих публикациях о собраниях, происходящих во многих трудовых коллективах, по выдвижению секретаря ЦК ВКП(б) тов. Андреева кандидатом в Верховный Совет СССР. Но в это время, заполненное внутриполитическими вопросами, на страницах районной газеты освещались и внутрирайонные вопросы. Это об отвратительной работе сапожной мастерской в станице Придорожной. Ссылаясь на былые публикации подразделений Райкоопкожремонта, газета призывает контору обратить внимание на качество обслуживания населения. Досталось и колхозам, не выполняющим свои обязательства по досрочному завершению сельхозработ к 20-летию Октября.

В звуковом кинотеатре «АзЧеркино» демонстрируется звуковой документальный фильм «На Северном Полюсе»

И вновь критика хозяйственного коллектива района — колхоза им. ОГПУ Куйбышевской МТС. Председатель Лыфарь боится критики и редко собирает собрания. Колхозники работают спустя рукава, уходят с работы без разрешения, часто остаются дома. В то же время не налажено питание колхозников. Председатель игнорирует мнение колхозного правления, самих колхозников. Завхоз бездействует. Обмолоченное зерно ещё лежит на токах. Колхозникам не выдают хлеб на трудодни, на свиноферме падёж свиней. Нет успехов и в полеводстве. Клещевина — больше половины! — осталась неубранной, осыпается, и колхоз терпит убытки. Да и учёт производимых продуктов не налажен. Газета требует провести проверку финансовой деятельности и Райзо сделать определённые выводы в отношении творящихся безобразий.

Корреспонденты сообщили о новой инициативе народного суда. Теперь традицией станут регулярные отчёты судей в трудовых коллективах.

В рыбколхозе «Новая жизнь» станицы Привольной есть радиоузел и электростанция. Но качество радиотрансляции отвратительное, как и подача электроэнергии. Зато правление не стесняется брать с колхозников деньги. Об этом в газету сообщили разгневанные колхозники.

«Издевательство над колхозницей» — очередная статья местной прессы. Суд приговорил к трём годам тюрьмы звеньевого колхоза им. Чапаева Круглова за систематическое издевательство над членом звена колхозницей Калмыковой. Звеньевого перевели в тракторную бригаду. Там же он сжёг скирду камыша. И всё это, вместе взятое, определило решение районного суда. С данной статьёй перекликается следующая: за злостную спекуляцию промтоварами осудили спекулянтку Емеренко Анну. Она получила десять лет тюрьмы и поражение в правах на пять лет. Жестоко, скажете? Но в то противоречивое время иначе и не поступали.

Сообщения центральной прессы октября касались не только международных новостей, но и жизни внутри страны. Постановление ЦИК СССР определило окончательную дату выборов в Верховный Совет СССР. Утверждён и состав центральной избирательной комиссии. Помимо Хрущёва, Отто Шмидта, Мехлиса, профсоюзного лидера Москатова, «главного комсомольца страны» Косарева в состав комиссии вошли рабочие, колхозники, учителя, инженеры.

В газете «Знамя ударника» в преддверии 20-ой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции был опубликован план октябрьских торжеств по Каневскому району. Полагаю, читателям будет интересно узнать, как праздновали 7 ноября 80 лет назад:

- Проведение собраний в трудовых коллективах.
- Колхозам, МТС, предприятиям и учреждениям добиться выполнения всех обязательств перед государством. В первую очередь — поставки молока и мяса. Завершить выполнение финансового плана 4-го квартала 1937 года.
- К 5 ноября привести все станицы и хутора в культурное состояние. Очистка улиц и площадей, помазка и побелка домов — частных, общественных и государственных.
- Райсоюзу, промторгу завезти 1600 метров красного материала, фанеру, краски, рулонную бумагу для лозунгов и плакатов, электропровода и лампочки.
- Сделать 2 арки. Одну в центре, у входа в летний сад им. 1 Мая по улице Горького, вторую — у электростанции.
- С 10 октября приступить к подготовке программ и концертов на уровне хоровых, музыкальных, драмкружков (отв. Скляревский).
- С 15 октября приступить к подготовке Ворошиловских кавалеристов для участия в октябрьской демонстрации и конно-спортивных состязаниях, отв. Глушко и Чуприна *(спустя пять лет Чуприна поступит на службу к немцам и возглавит конный карательный отряд — прим. автора).* Приступить к подготовке команд для участия в стрелковых состязаниях (отв. Глушко).
- Приступить к тренировке велосипедных команд, участвующих в параде и велосостязаниях.
- Подготовить футбольную команду к показательным выступлениям (отв. Бычарь).
- Подготовить команды школьников для «вольных движений» (отв. Лют И.).

«Винбарь» — казачий амбар для хранения зерна.

Проведение празднования:

6 ноября в 6 часов вечера в станице Каневской, в нардоме (кинотеатр «АзЧеркино») проводится торжественное заседание, посвящённое 20-летию Октября, с повесткой дня:

- 20 лет Великому Октябрю и наши задачи;
- премирование стахановцев и ударников производства;
- вечер художественной самодеятельности.

6 ноября — торжественное заседание пленумов сельсоветов с участием партийных, комсомольских, профсоюзных и колхозных масс. После торжественных заседаний проводятся вечера художественной самодеятельности.

С той же повесткой дня совхоз № 4 проводит общее собрание рабочих под руководством партийных и профсоюзных рабочих масс.

7 ноября в 10-00 во всех населённых пунктах района проводятся митинги и демонстрации с участием рабочих, служащих, колхозников, учащихся. Руководство митингами (кроме Каневской) и демонстрациями возлагается на председателей сельсоветов. Колонны прибывают на площадь Революции. Руководство демонстрацией возлагается на начальника милиции Павленко.

8 ноября утром по школам совместно с пионерскими отрядами проводятся детские утренники и премирование лучших учащихся.

Честью руководителей МТС, колхозов, совхозов, полеводческих и тракторных бригад к 20-й годовщине станет закончить все сельхозработы и выполнить обязательства перед государством. И с показателями итогов прибыть на торжественное заседание.

Председатель районной комиссии Радченко.
Секретарь Кохорин.

И вновь сообщение ТАСС о том, что в ночь на 7 ноября 1937 года, в 24-00 по московскому времени, начнётся праздничная радиопередача, посвящённая 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Всю ночь редакция «Последних известий» будет проводить по радио пятиминутные передачи о тех городах, куда будет приходить знаменательный праздник. Утром, когда солнце взойдёт над Москвой, трудящиеся услышат праздничное поздравление. Затем начнётся трансляция с Красной площади. Будут передачи с крейсера «Авроры», погранзаставы им. Валентина Котельникова. Услышат радиослушатели и о демонстрациях трудящихся братских республик, выступления знатных людей страны, учёных, деятелей культуры, полярных лётчиков, военных. Закончится всё большим концертом.

В субботнем выпуске от **7 ноября**, на первой странице «Знамени ударника» опубликована редакционная статья «Великое двадцатилетие» с портретом Сталина. В руках у вождя — штурвал с надписью «СССР».

12 ноября районная газета опубликовала речь наркома обороны К. Е. Ворошилова на параде 7 ноября. «С какого-то боку» появилась статья яростного противника Церкви Емельяна Ярославского, одного из выживших ортодоксальных, старых революционеров.

Называлась она «Антирелигиозную пропаганду надо вести систематически» — очередной призыв к расправе над остатками религиозных конфессий в СССР.

Статья с броским заголовком «Крупный успех Советского Союза на Парижской выставке» появилась в центральной прессе. Из 30 млн 617 тыс. посетителей выставки наибольшая посещаемость пришлась на павильон СССР — 20 млн. Что касаемо наград, то из общего числа их оказалось 270, и 95 получены в категории Гран-при. Достижения СССР — это 50 почётных дипломов, 70 золотых медалей, 40 серебряных и всего 6 бронзовых. Такова была оценка достижений и значимости СССР, недавно отпраздновавшего 20-летие со дня революции. Из этого короткого периода на время созидания пришлось всего 14 лет.

И вновь война на международной арене напомнила о себе событиями в Китае. В районе города Цзян-Иня идут упорные бои между освободительной армией Китая и японскими оккупантами. Война переходит в организованное партизанское движение. Отряды партизан проявляют большую активность в тылу японских войск.

Японское правительство признало фашистское движение во главе с генералом Франко в Испании легитимным.

Внутри страны: «К 20-летию ВЧК-ОГПУ-НКВД» — ЦК ВКП(б) горячо приветствует и поздравляет со знаменательной датой всех сотрудников органов госбезопасности и благодарит их за большие успехи на ниве борьбы с троцкистами, оппортунистами, врагами советской власти *(да, «борцы» развязали беспрецедентный террор против своего народа, и теперь получают благодарности — прим. авт.).*

СССР отметил годовщину смерти Николая Островского.

Постановление президиума ЦИК СССР о созыве Первой сессии Верховного Совета СССР, назначенной на 12 декабря 1937 года.

В преддверии **5 декабря** газеты сообщили о новом советском празднике — Дне Конституции. И, несмотря на то что ему только второй год, он объявлен всенародным.

На фоне всех этих событий Каневской район живёт своей сложной жизнью и своими проблемами. Статья «Шайка воров» демонстрирует накал борьбы с хищениями. Пойманы с поличным лица, воровавшие зерно с колхозных полей и даже складов. У них найдено большое количество зерна.

Примечание автора: *в продуктах сельского хозяйства были овеществлены усилия колхозников-тружеников. И был этот труд крайне тяжёлым. Несмотря на механизацию сельского хозяйства, доля физического труда в общем объёме продукции составляла до 80 %.Урожаи в предвоенные годы были невысоки; 18–20 центнеров с гектара — сладостная мечта. В общей доле доходов колхозника натуроплата преобладала. Беседуя с ветеранами колхозного труда, я узнал, что 1937 год и последующие предвоенные годы были достаточно успешными для колхозников. Многие, кроме натуроплаты, составлявшей до 7–8 тонн зерна на трудовую семью, получали ещё и деньги. Зерно ценилось тогда очень высоко. В потребкооперации за зерно можно было приобрести самые дефицитные товары широкого потребления. Зато с воровством было строго. Люди, жившие в рамках жёстких законов, считали, что лучше трудиться, но не воровать. Поэтому статьи подобного рода были резонансными, а отношение к тем, кто воровал, спекулировал, а не работал, — крайне негативным. И рассказы ангажированных политтехнологов о горькой доле загнанного, запуганного народа перед войной оказываются крайне неверными.*

А вот неприкрытую нищету наши солдаты, среди которых было немало и кубанцев, увидели в 1939 году в Прибалтике — в деревнях, когда прибалтийские страны «присоединились» к СССР. Это к тому, что мы — «оккупанты», построившие только в Риге 36 мощных заводов и комбинатов и приведшие несчастные страны от сохи, домотканой одежды, сыромятной обуви к цивилизации. Поистине, разум помутился у нынешних правительств прибалтийских стран.

И ещё одна статья на эту тему: «Пойманы с поличным». На Каневской нефтебазе раскрыта крупная кража. Двое работников украли около 500 л керосина, бывшего продуктом стратегическим. Пойманы с поличным.

«Митинг в станице Каневской». Автор статьи Авраменко с пиететом пишет: «Как приятно слышать родное имя — Сталин! Кто не знает этого великого имени! Это имя ежеминутно переходит из одних уст в другие. Сталин — счастье и надежда трудящихся всего мира. Жить в эпоху Сталина — большое счастье».

«Знамя ударника» перепечатало речь Н. И. Ежова на президиуме ЦИК СССР при получении высшей награды правительства. А следом появился текст верноподданнического письма рабочих автозавода им. Молотова депутату Верховного Совета СССР тов. Ежову.

ТАСС опубликовал редакционную статью «20 лет Советской власти». Здесь прошёл обзор достижений страны, всего народа — хозяйственного комплекса в области социальной сферы, культуры, здравоохранения, роста благосостояния людей. В газете были и сообщения о том, как происходило празднование 20-летия Октябрьской революции в западных странах.

Ейская окружная комиссия зарегистрировала кандидатом в депутаты Совета Союза трактористку Канеловской МТС Прасковью Кавардак.

А Краснодарская окружная комиссия зарегистрировала кандидатом в депутаты Совета Национальностей наркома здравоохранения Болдырева Михаила Фёдоровича.

ТАСС сообщил о встрече «всероссийского старосты» М. И. Калинина с иностранными рабочими делегациями.

1 мая 1939 года. Работники Каневского хлебоприёмного пункта (элеватора).

Центральная пресса сообщила о повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим фабрично-заводской промышленности и транспорта. В частности, работающим по повременной оплате — установить надбавку к ставке заработной платы таким образом, чтобы тарифная ставка вместе с доплатой составила в месяц не ниже 115 рублей, без учёта премии и приработков. Указ подписан предсовнаркома Молотовым и управляющим делами Петруничевым.

И вновь сообщение ТАСС о военных действиях в Китае. На всей линии фронта от Шанхая до Нанкина идут тяжёлые бои. Особо тревожная обстановка в районе Лю-хе. Обе стороны несут тяжёлые потери. В Китае ширится партизанское движение.

«Крупная победа республиканских войск в Испании» — наступление республиканских войск на Восточном фронте закончилось блестящей победой. Революционными силами занят стратегический пункт в городе Труэла.

ТАСС сообщает, что Англия не признала китайское правительство правительством всего Китая, и вопрос признания нового правительства в Байкине не стоит на повестке дня.

И вновь вернёмся к публикациям в районной газете «Знамя ударника». Они разноплановы и отражают следование местной власти политическим концепциям, подчёркивают на примере района учащённый ритм жизни страны.

23 ноября 1937 года в 21 час Каневской радиоузел организовал передачу граммофонной записи доклада Сталина «О проекте Конституции СССР на VIII Чрезвычайном съезде Советов». Опять трудящиеся услышат голос любимого вождя и учителя товарища Сталина.

Райотдел связи поместил объявление в газете о том, что на основании Постановления СНК от 27 марта 1934 года райотдел связи проводит обязательную перерегистрацию всех эфирных радиоприёмников и передатчиков.

Примечание автора: *в предвоенное, а особенно послевоенное время радиоприёмник был своеобразным символом благополучия советской семьи (а в описываемое время его обладателями могли быть очень состоятельные люди). Преимущественно батарейные модели, выпускаемые радиопромышленностью серийно, но их было недостаточно. В какой-то мере дефицит восполнялся за счёт самых простых устройств, изготавливаемых в широкой сети радиолюбительских кружков и самодеятельных групп. Соответственно, радиолюбительское движение находило всевозможную поддержку государства.*

Да, это сложно представить, но до 1958 года эфир в нашей стране был платным. Но государство преследовало при регистрации радиоаппаратуры не только меркантильные цели. В 1937 году в Советском Союзе уже ощущался холодок надвигающейся мировой

войны. А, следовательно, информационные средства, и одно из них — радиоаппараты, должны быть под государственным контролем. И опять же, в случае войны радиолюбители становились серьёзным резервом для войск связи. Время потом покажет продуманность таких решений.

Криминальная хроника: в станице Привольной задержана злостная спекулянтка, продававшая мануфактуру, трикотаж, чулочно-носочные изделия, парфюмерию и другое. Милицией арестован насильник Овчаров за изнасилование молодой женщины и передачу венерических заболеваний. Ещё задержан малолетний вор, житель Каневской, похитивший у одной жительницы шубу и пуховую шаль. Привлечён к ответственности.

«Нет забот об учителе»: газета подвергла критике Ново-Каневской сельский совет, не обеспечивший учителей школы им. Пушкина топливом.

В кинотеатре «АзЧеркино» будут демонстрироваться два звуковых кинофильма: «Тринадцать» и «Пётр Первый».

1 декабря страна отметила годовщину со дня смерти Сергея Мироновича Кирова.

«Знамя Ударника» сообщило о предстоящей встрече каневчан с кандидатом в депутаты Совета Союза от Ейского избирательного округа Прасковьей Ивановной Кавардак.

В унисон звучат и выдержки из решения трудколлектива Куйбышевской МТС: «Мы счастливы, что будем голосовать за Пашу Кавардак, знатную трактористку Канеловской МТС. По поручению коллектива, Гайдаревский, Селиванов, Савченко».

19 декабря служащая Привольненского сельмага Наталья Сычёва родила тройню: двух девочек и мальчика. У механика Куйбышевской МТС Животовского А. П. похищен чемодан с важными документами, а через несколько дней из красного уголка украден патефон.

Последние сообщения касаются событий внутри страны. Михаил Иванович Болдырев, нарком здравоохранения СССР, избран депутатом в Совет Национальностей Верховного Совета СССР.

24 декабря Украина отметила 20-летие.

Предновогоднее сообщение в газете «Знамя ударника» информировало о заключении договора социалистического соревнования между Каневским и Брюховецким районами на 1937 год. Много было сказано о предстоящей встрече 1938 года.

От автора: *закончился 1937 год — сложный, противоречивый, пронизанный подозрительностью, доносительством, нередко необоснованными арестами. В то же время это год больших достижений хозяйственного комплекса страны. Очевидно, что социальное государство заботится о гражданах, об их образовании, культуре, здоровье, улучшении жизни. Везде героями становятся обычные труженики — рабочие и колхозники. Возможно, мне показалось, но люди защищены от административного произвола, унижений, глумления над личностью. А пресса находится на позициях защиты не только государственных интересов, но и человека труда.*

Неспокойно в мире в 1937 году. Мир в преддверии большой войны, что начнётся совсем скоро. Грязная международная политика управляется грязными политиками. Увы, за 80 лет, прошедших со времени, взятого нами за точку отсчёта, человечество, похоже, так выводы и не сделало. На ваш суд выносятся события всего лишь одного предвоенного года, и вам судить, что было правильным, а что нет в том далёком прошлом.

Валерий КОСТРОВ

КАНЕВСКИЕ АТАМАНЫ

Атаман — военно-административная должность в Кубанском казачьем войске на различных уровнях управления.

Существуют различные версии происхождения этого слова.

Наиболее распространённым является толкование: ***«ата» + «ман»***, где «ата» потюркски «отец», а «ман» — увеличительный суффикс, следовательно — ***«большой отец»***. Согласно другой версии, это слово попало в русский язык из германского или скандинавского источника и происходит от слова ***«houbteman»***, где первая часть переводится как ***«голова»***, а вторая — ***«мужчина»***. В русском языке это слово известно с XIII века.

В Запорожской Сечи на войсковой раде ежегодно 1 января выбирались кошевой атаман и куренные атаманы.

Первые три атамана черноморских казаков Савва Белый, Захарий Чепега и Антон Головатый традиционно назывались кошевыми, но Савва Белый свои ордера уже подписывал как войсковой атаман.

Должность войскового атамана существовала в казачьих войсках до 1827 года, когда высочайшим указом наследник и Великий князь Александр Николаевич был назначен атаманом всех казачьих войск. Войсковые атаманы перешли в разряд наказных.

Далее на ступенях этой военно-административной лестницы располагались атаманы отделов, а затем — атаманы станиц, посёлков и хуторов. Из всей вертикали власти на Кубани именно станичные атаманы стояли ближе всех к простым казакам, и именно от станичных атаманов зависело благополучие населения.

Данный список каневских атаманов основан на документах Кубанского казачьего войска, находящихся на хранении в Государственном архиве Краснодарского края. В отдельной графе таблицы приводится архивный шифр документа (фонд, опись, дело, лист), содержащего информацию об избрании или назначении атамана. Это поможет будущим исследователям дореволюционной истории станицы Каневской найти в архиве нужные документы.

Приведённый список будет ещё дополняться. Например, в нём отсутствует информация о последнем каневском атамане Владимире Ивановиче Коваленко, избранном в 1917 году. Вероятно, это связано с тем, что в то смутное время сведения о его избрании на станичном сходе не дошли до правления Кубанского казачьего войска и не были оформлены приказом о его назначении на должность.

Каневской курень

Ф. И. О.	Звание	Дата	Источник
Шатыло Григорий		22.04.1794	ф.250, оп.1, д.18б, л.41.
Чабан Дмитрий		22.05.1794	ф.250, оп.1, д.4, л.222об.
Шепель Иван	зауряд-хорунжий	1804	ф.250, оп.2, д.95, л.227.
Чуб Иван		12.1808	ф.250, оп.2, д.156, л.183об.
Животовский			
Пётр Григорьев		11.1811	ф.250, оп.6, д.16, лл.280-286.
Мовчан Афанасий		07.1812	ф.250, оп.2, д.149, л.127.
Мовчан Афанасий		06.1813	ф.250, оп.2, д.248, л.186, 218.
Шкорина Тимофей		17.10.1815	ф.250, оп.2, д.236, л.143.
Шкорина Тимофей		12.1815	ф.250, оп.2, д.267, л.341.
Белый Алексей		03.1818	ф.250, оп.2, д.330, л.216.
Мищенко Павел		05.1820	ф.250, оп.2, д.368, л.342.
Банда Иван		1820	ф.250, оп.2, д.372, л.377об.
Коваленко Григорий		1822	ф.250, оп.2, д.422, л.360.
Павленко Григорий	казак	01.05.1825	ф.250, оп.2, д.474, л.574.
Павленко Григорий		31.05.1826	ф.250, оп.2, д.491, л.226.
Кропива Михайло		24.09.1826	ф.250, оп.2, д.521, л.38.
Шкорина	урядник	01.12.1829	ф.250, оп.2, д.629, л.476об.
Омельченко Иван	казак	1832	ф.250, оп.2, д.721, л.322об.
Белий	хорунжий	1834	ф.250, оп.2, д.806, л.236.
Лещенко Фотий Тимофеев	хорунжий	29.04.1835	ф.250, оп.2, д.974, лл.185об.-186.
Лещенко	хорунжий	1836	ф.250, оп.2, д.1009а, л.237об.; д.1010, л.504.
Журавель	урядник	1837	ф.250, оп.2, д.1107, л.331об.
Шкорина Гаврило	отставной урядник	1842 (утверждён)	ф.254, оп.1, д.102, л.19об.

Станица Каневская

Ф. И. О.	Звание	Дата	Источник
Ёрж Иван Степанов	сотник	29. 04.1844	ф.254, оп.1, д.327, л.129.
Лещенко Василий	урядник	01.01.1855. (утверждён)	ф.249, оп.1, д.2060, л.196.
Орда			
Игнат Владимиров	хорунжий	01.01.1858 (утверждён)	ф.254, оп.1, д.1106, л.42; д.1177, л.22.
Нестеренко			
Герасим Филипов	сотник	01.01.1861 (утверждён)	ф.249, оп.1, д.2300, л.246.
Недбаевский	сотник	03.12.1865	Приказ по ККВ за 1866 г. № 13.
Царицынский	урядник	04.12.1867	ф.252, оп.5, д.159, л.132.
Недбаевский Иван	сотник	10.1869 (избран) 11.1869 (утверждён)	ф.249, оп.1, д.3014, лл.194-255.
Царицанский	хорунжий	07.07.1870 (утверждён)	ф.249, оп.1, д.3014, лл.194-255.

Ф. И. О.	Звание	Дата	Источник
Шевченко Троф. Федос.	урядник	1873	ПККО за 1874 г., с.59.
Белый Кирил. Куз.	урядник	1874	ПККО за 1875 г., с.72.
Белый Кирил. Куз.	урядник	1875	ПККО за 1876 г., с.85.
Белый Кирил. Куз.	урядник	1876	ПККО за 1877 г., с.64.
Нестеренко			
Григор. Филип.	есаул	1877	ПККО за 1878 г., с.80.
Шевченко Троф. Федос.	урядник	1878	ПККО за 1879 г., с.80.
Шевченко Троф. Федос.	урядник	1879	ПККО за 1880 г., с.84.
Калери Никол. Мих.	войсковой старшина	1880	ПККО за 1881 г., с.34.
Калери Ипат. Мих.	сотник	1882	ПККО за 1883 г., с.44.
Панченко Тимофей	урядник	23.03.1886	ф.396, оп.1, д.4667, л.437.
Калери Никол. Михайл.	отставной войсковой старшина	1890	КСК за 1891 г., с.89.
Калери			
Николай Михайлов	войсковой старшина	1891 (уволен)	КСК за 1891 г., с.XIV.
Черняк			
Леонтий Федосиев	урядник	1891 (утверждён)	КСК за 1891 г., с.VII.
Черняк Леонтий	урядник	22.04.1892 (утверждён)	КОВ за 1892 г., № 20.
Черняк Леонтий	урядник	26.04.1894	ф.396, оп.1, д.6439, л.217.
Черняк Леонтий	урядник	30.04.1895	ф.396, оп.1, д.6611, л.402.
Лоцман Иван	урядник	17.04.1896	ф.396, оп.1, д.6877, л.468.
Нос	сотник	17.12.1896 (утверждён)	Приказ по ККВ за 1896 г. № 131.
Царичанский	урядник	1902г	Приказ по ККВ за 1902 г. № 33.
Кислый			
Иван Григорьевич	нестроевой старшего разряда	10.10.1904 (утверждён)	ф.449, оп.2, д.553, л.316об.
Кислый Иван		12.09.1905	ф.449, оп.5, д.146а, л.10.
Кислый Иван	нестроевой старшего разряда	06.07.1906	ф.449, оп.2, д.553, л.176.
Таран Радион		12.1914	ф.250, оп.2, д.264, л.341.
Оверя			
Илларион Андреевич	учитель	23.01.1915	ф.332, оп.1. д.860, л.155.
Святка		06.04.1917 (избран)	ф.449, оп.9, д.1672, л.83.
Святко П.Т.	вахмистр	24.06.1917	ф.Р-6, оп.2, д.7, л.2а.

Сокращения:

КВВ — Кубанские войсковые ведомости;
КОВ — Кубанские областные ведомости;
ПККО — Памятная книжка Кубанской области;
КСК — Кубанская справочная книжка;
ККВ — Кубанское казачье войско.
ф. — фонд, оп. — опись, д. — дело, л. — лист, об. — оборотная сторона листа.

Казацькому роду
нэма пэрэводу

Группа высших чинов Кубанского казачьего войска во главе с наказным атаманом М. П. Бабичем (пятый слева).

Николай МРИНСКИЙ

КАЗАКИ-ПЛАСТУНЫ

Окончание. Начало в № 17.

Принимая во внимание опыт пластунов в русско-японской войне, Кавалерийский устав 1912 года стал требовать, чтобы каждый кавалерист *«был готов драться с винтовкой в руках так же, как пехотинец»*. Было издано пособие для частей Русской армии: «Тактика пластунского боя. Конспект тактики массовых армий» (1902 год издания). Всё это пригодилось в великой войне 1914–1918 годов, где со всей остротой проявилась необходимость увеличения количества специальных пехотных казачьих подразделений. Отметим, что штатные подразделения для проведения операций разведывательно-диверсионного характера к началу мировой войны имелись только в составе русской армии. Первая мировая война была последней для кубанских казаков, когда войско формировало свои части по установившимся традициям и представляло собой мощную военную, социально-экономическую структуру Российской империи. Кубанское казачье войско при всеобщей мобилизации выставило весь свой личный состав, все три очереди, льготных казаков и казаков непризывного возраста. В общей сложности — 37 полков и других частей и подразделений общей численностью свыше 100 тысяч человек. В начале мобилизации атаман ККВ Михаил Павлович Бабыч дал напутствие казакам: *«Обращаюсь к вам, господа офицеры, молодые казаки! Вспомните ваших славных предков, сложивших головы за Веру, Царя и Русь Святую под Севастополем и на Шипке, и докажите, что вы достойные потомки... Считаю необходимым напомнить: мирных жителей не обижать, чужого не присваивать. Требую твёрдо помнить заветы нашего непобедимого Суворова — «С бабами и стариками не воевать, а при столкновении с врагом всемерно его уничтожать...»»*

Фронтовые генералы не только высоко ценили уникальные возможности пластунов, но и грамотно их использовали. Так, во время Брусиловского прорыва в авангарде русских войск были сосредоточены 22 пластунских батальона. Всего на фронтах — германском, румынском и турецком — воевали 22 кубанских, 2 терских, 6 донских пластунских батальонов, а также несколько отдельных дивизионов и сотен (всего более 20 тысяч первоклассных стрелков и разведчиков).

С началом Первой мировой войны на фронт направились 18 пластунских батальонов,

к апрелю следующего года их было уже 22, сведённых в 6 бригад численностью более 20 тысяч человек. Первоклассные стрелки воевали на Юго-Западном и Кавказском фронтах. К тому времени кубанские пластуны потеряли около трёх тысяч убитыми и пропавшими без вести, не считая гораздо большего числа раненных. Из Кубанской области на Юго-Западный фронт были направлены для пополнения пластунских батальонов ещё три тысячи казаков. Кубанцы принимали участие в военных операциях в Польше, Восточной Пруссии. Не случайно только в августе 1914 года по всем кубанским частям к наградам были представлены более 500 казаков. В основном они были награждены Георгиевскими крестами.

Наиболее успешно для России проходили военные действия на Кавказском фронте, где накануне Первой мировой войны кубанские казаки несли службу в Закавказье, на границе с Турцией. Поэтому неудивительно, что с момента вступления в войну Турции большая часть кавказской армии состояла из кубанских казаков. Особенно прославились на Кавказском фронте казаки-пластуны. Оборона города Сарыкамыша в 1915 году стала одной из самых выдающихся побед Русской армии, сражавшейся против отборных войск Османской империи. Герою этого сражения, командиру 1-ой Кубанской пластунской бригады «батьке» Ивану Гулыге, генералу, посвятил песню старший урядник 5-го Кубанского пластунского батальона Пётр Засоба.

Район города Сарыкамыш был зоной боевых действий в 1829, 1855 и 1877 годах. После русско-турецкой войны 1877–1878 годов Сарыкамыш стал частью Российской империи. Развиваясь быстрыми темпами, он превратился в небольшой современный город с интересной архитектурой по проектам русских зодчих. К декабрю 1914 года Сарыкамыш находился рядом с линией фронта русской Кавказской армии, успешно противостоящей войскам 3-ей турецкой армии. 22 декабря противник крупными силами перешёл в наступление на позиции русских, которое стремительно развивалось. Уже 26-го числа одна из неприятельских дивизий атаковала город. Сформированный в несколько часов из ополченцев, прапорщиков и пограничников сводный отряд под командой случайно находившегося на станции полковника отбил нападение турок. В этот же день к Сарыкамышу подошёл на помощь казачий полк с четырьмя конными орудиями, и хотя часть города (вокзал и казармы 156-го Елисаветпольского пехотного полка) была уже в руках неприятеля, казакам удалось остановить их дальнейшее продвижение. Оборону города возглавил командир 1-ой Кубанской пластунской бригады генерал М. А. Пржевальский. В ожесточённых уличных боях таяли ряды казаков. Погиб смертью храбрых и командир 1-го Запорожского полка полковник Кравченко. В резерве Пржевальского оставались лишь две сотни 6-го Кубанского пластунского

Гулыга Иван Емельянович, командир 2-ой пластунской бригады. 1914 год.

Генерал Гулыга бравый,
Из кубанских удальцов,
Как на пир, на бой кровавый
Поведёт нас, пластунов.
Гей вы, Царские орлята,
Не забудьте, что в бою
С неприятелем, ребята,
Надо помнить мать свою.
Мать свою, Кубань родную,
Царя-батюшку, народ,
Также славу боевую,
Что к победам нас ведёт.
Так поддержим же, ребята,
Славу старую свою:
Полетим на супостата
Мы в турецкую страну.

Краткая справка

Гулыга Иван Емельянович (1857–1934) — генерал-лейтенант (1917), кубанский казак станицы Незамаевской Павловского района. В 1877 году окончил казачье Ставропольское юнкерское училище и Николаевскую академию Генштаба (1899), в 1879–1987 годах был в отставке, затем служил младшим офицером Ставропольского казачьего юнкерского училища, командовал ротой, с 1899 года — старший адъютант штаба 2-ой Кавказской казачьей дивизии. В 1904 – 1905 годах — старший адъютант штаба Приамурского ВО. В русско-японскую войну — начальник штаба Уссурийского отряда, командир Хунгунского пехотного полка, а с 1906 по 1912 годы — командир 15-го Сибирского стрелкового полка. С 1912 года — атаман Кавказского отдела Кубанского казачьего войска. 30 июля 1914 года назначен начальником 2-ой Кубанской пластунской бригады. С 3 февраля 1915 года — начальник 1-ой Кубанской пластунской бригады, с 1 октября 1917 года — командир начавшего формироваться Кубанско-Терского пластунского корпуса. Организатор борьбы против большевиков на Кубани, с марта 1918 года — Командующий войсками Кубанского края. С мая 1919 года командовал 8-ой Донской дивизией 3-го Донского корпуса Донской армии, в феврале 1920 года назначен командиром Пластунского корпуса Кубанской армии. После установления Советской власти на Кубани эмигрировал, жил и умер в Югославии.

батальона. Уже в полной темноте генерал бросает последних пластунов в бой. Без единого выстрела, в полной тишине они атакуют турок и опрокидывают их штыками. Внезапная молчаливая атака произвела на противника такое сильное впечатление, что он уже не пытался контратаковать.

Одновременно по всему фронту шли тяжёлые бои, в том числе со штыковыми атаками. Между тем в ночь на 27 декабря и с той, и с другой стороны к Сарыкамышу стали подходить войска, которые сразу вступали в бой. Так, к городу подтянулась 1-я Кавказская дивизия князя генерал-лейтенанта Н. Н. Баратова; в её составе — 1-ый Уманский (полковника Фесенко), 1-ой Кубанский (полковника Федюшкина) полки, две сотни 3-го Кавказского полка и 2-я Кубанская пластунская бригада генерала И. Е. Гулыги. В связи с этим казачьим частям удалось коренным образом переломить ситуацию. Турки были разгромлены и выбиты из Сарыкамыша. 2 января 1915 года пластунский отряд генерала М. А. Пржевальского занял Бардусский перевал и отрезал путь отступления остаткам 9-го турецкого корпуса, которые 4 января сдались в плен. Казаки преследовали отступающие в полном беспорядке части 10-го турецкого корпуса, которые, потеряв артиллерию, спешно пытались пробиться среди снежных ущелий. Непрерывно нанося удары, кубанцы захватывали большое количество пленных, различное вооружение и прочие трофеи. Только одна 2-я Кубанская пластунская бригада захватила более четырёх тысяч пленных.

Внезапным ночным ударом был захвачен штаб 30-ой турецкой пехотной дивизии с её начальником. Один из эпизодов этого сражения поражает ожесточённостью схваток противников: по рассказу одного из казаков-пластунов, их отряд прижал равный им по численности турецкий отряд — несколько сотен горных стрелков — к заснеженному горному склону, по которому они не могли подняться из-за глубокого снега. У подножия горы началась «тихая» рукопашная схватка, прерываемая вскриками убитых и раненных. По словам казака, бой был настолько жестокий, что в плен не сдавались и пленных не брали… В конце схватки на окровавленном снегу остались около 800 убитых солдат и офицеров.

Казачий полковник эмигрант Елисеев Ф. И., участник боёв на Кавказе, в своей известной книге писал: *«А снег по пояс. Мороз до 30 градусов. И на каждом шагу «чёртовы мосты»… От сапог — ни воспоминаний. Черкески в лохмотьях. Ноги с обмороженными пальцами. А идут пластуны, будто пружинным шагом на парадном смотре. И увидели отборную армию Энвер-паши. И уничтожили армию»*.

Турки и те, что с Кеприкея, гнались за отступавшими пластунами. И те, что на Сарыкамыш наступали, в спину пластунов никогда не видали. Потому и мог в Батуме, на банкете, генерал Гулыга *(командир 1-ой пластунской бригады — **прим. авт.**)* сказать врачам: *«Раненого пластуна переворачивать без толку, отыскивая входную и выходную рану, — входных ран в спину у пластунов не может быть!»* Долго среди казаков ходил этот справедливый афоризм прославленного генерала.

7 января 1915 года расположение частей Кавказской армии по фронту было полностью восстановлено. Из 90-тысячного состава 3-ей армии турки потеряли 60 тысяч убитыми и ранеными и около 18 тысяч обмороженными. Потери Русской армии составили около 20 тысяч убитых, раненых и больных и около шести тысяч обмороженных.

Французский посол в Петрограде Жорж Морис Палеолог 6 января 1915 года записал: *«Русские нанесли поражение туркам вблизи Сарыкамыша, по дороге из Карса в Эрзерум. Этот успех тем более похвален, что наступление наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной, как Альпы, изрезанной пропастями и перевалами. Там ужасный холод, постоянные снежные бури. К тому же — никаких дорог, и весь край опустошён. Кавказская армия русских совершает там каждый день изумительные подвиги».* Эти слова дипломата и политика не только характеризуют важность широкомасштабной боевой операции на Кавказском фронте, но и указывают на специфику её военных действий с применением специальных воинских частей, предназначенных к использованию в горной местности. Речь, конечно же, идёт о пластунских батальонах и полках, остановивших многотысячные отряды отборных турецких горных стрелков, которых бросил на штурм Сарыкамыша заместитель главкома Турецкой армии Энвер-паша (Исмаил Энвер).

Кубанские казаки-пластуны наглядно продемонстрировали туркам, что в Российской империи существуют специальные части, которым по военной и психологической подготовке нет равных в мире. Победа в сражении под Сарыкамышем позволила войскам генерала Н. Н. Юденича продолжить наступление на турецкие войска, увенчавшееся Эрзерумской победой. 1-я и 2-я Кубанские пластунские бригады отличились и в десантной операции по овладению анатолийским портом Трапезунд. 25 марта 1916 года они вместе с генералом Юденичем и его штабом высадились с кораблей у Сюрмене. Кубанцы решительной атакой завладели территорией и обратили в бегство турецкие части.

За боевые отличия в 1915 году под Сарыкамышем 3-ий Кубанский пластунский батальон получил почётное «шефство»: ношение на погонах вензелей цесаревича Алексея, а 6-ой Кубанский пластунский батальон — вензелей императора Николая II. В декабре 1914 года Государь Император Николай II посетил Кавказ. Он был не только в Сарыкамыше, но с небольшой свитой и на русско-турецкой границе, в селе Меджингерт, где находились ближайшие резервы войск главных позиций Эрзерумского направления. Командирам было приказано направить туда отличившихся солдат и казаков всех рангов для

Награждение Императором Николаем II пластунов после взятия Сарыкамыша, декабрь 1914 года.

награждения Георгиевскими крестами самим Императором.

В апреле 1915 года 1-я Кубанская пластунская (кроме 1-го пластунского батальона, оставленного по особому ходатайству командующего войсками Батумского укрепрайона генерала Ляхова) и 2-я Кубанская пластунская бригады были морским путём из Батуми переброшены в Севастополь, где прошли выучку по десантированию с судов различного класса. 18 апреля здесь состоялся Высочайший смотр обеим бригадам. Император сердечно благодарил пластунов за верную и доблестную службу Отечеству.

Командование готовило кубанских пластунов для высадки на турецкий берег и захвата Босфорского пролива. Но Англия нарушила англо-франко-русское соглашение от 4 марта 1915 года «О целях войны России в Малой Азии» о передаче этой территории после войны России и сама отправила свои войска на Босфор. Тогда же для Русской армии начались тяжёлые бои в Галиции, куда спешным порядком весной 1915 года и были переброшены кубанские пластуны, сыгравшие значительную роль в остановке австро-германского наступления и стабилизации фронта. Пластунской бригадой Юго-Западного фронта командовал уроженец Ставропольского края генерал-майор Д. И. Ходкевич. Потери в батальонах были огромные. В первых двух бригадах выбыло из строя убитыми и ранеными свыше 80 % офицеров и казаков. Батальоны беспрерывно пополнялись, в том числе и многими офицерами и казаками, которые по несколько раз возвращались после тяжёлых ранений. Генералы Пржевальский, Гулыга, Попов, Окулич, Краснопевцев, Третьяков, Букретов, Расторгуев, Гейман, Ходкевич и другие доблестно водили своих пластунов от победы к победе, и пластуны, закалённые духом, всегда побеждали.

Вот один из военных эпизодов тех лет: 25 августа 1915 года австрийцы, прорвав укреплённые позиции одной из русских частей у села Винятинце-Выгода, ворвались в деревню Новосёлки, где находились обозы. Полковник Н. М. Демяник, прибывший перед этим в ту же деревню с 7-ым и 9-ым Кубанскими пластунскими батальонами, получил приказание выручить от грозящей опасности пострадавшие части и, атаковав и сбив противника, восстановить прежнее положение. Несмотря на губительный пулемётный и ружейный огонь противника, Демяник развернул оба батальона в боевой порядок и повёл их с места в штыковую атаку. Выбил противника из селения и продолжал энергичное наступление далее, чем решительно изменил ход боя и восстановил общее положение, дав возможность вернуться и закрепиться на всех позициях, ранее утраченных. Старший офицер Демяник, постоянно рискуя жизнью и показывая пример в бою своим подчинённым, выполнил боевую задачу. При этом были захвачены в плен около 400 солдат, два офицера, 850 ружей и масса патронов.

Поздней осенью того же года пластуны вернулись в Закавказье. Пластуны по традиции достойно сражались на Кавказском фронте в составе четырёх бригад, а впереди были ещё более двух лет войны и боевых действий. На 1 августа 1915 года в секретном списке строевых частей от ККВ показаны:

- 1-я Кубанская пластунская бригада генерал-майора И. Е. Гулыги (с 1-го по 6-ой батальоны);

- 2-я — генерал-майора Краснопевцева (7–12-е батальоны);
- 3-я — генерал-майора Геника (13–18-е батальоны);
- 4-я — генерал-майора Мудрого (19–24-е батальоны).

К 1917 году были сформированы четыре Кубанские пластунские бригады из шести батальонов, а Донская и Осетинская пластунские бригады имели по четыре батальона. По штатному расписанию в пластунском батальоне должны были состоять 22 офицера и 858 нижних чинов, но существовали батальоны усиленного состава: 940–960 казаков и офицеров, а 3-ий Донской батальон достигал численности в 1030 человек. Кроме того, были созданы два пластунских артиллерийских дивизиона. На 1 июня 1917 года в 4-ой Кубанской пластунской бригаде вместо шести батальонов остались четыре — с 19-го по 22-ой.

В планах командования Русской армии было создание целого Ефратского пешего казачьего войска — в зоне действия русских экспедиционных войск в Турецкой Армении. Первоначально решение о создании нового казачьего войска было принято в 1915 году. Необходимая подготовительная работа шла довольно активно, и уже осенью 1916 года Государственная Дума утвердила решение Правительства об ассигновании финансовых средств на обустройство Ефратского казачьего войска. Было даже образовано войсковое правление, а основу нового войска должны были составить казачьи семьи с Дона, Кубани и Терека. Однако в виду известных событий в России 1917 года войско так и не было создано.

В целом применение в боевых действиях пластунских отрядов дало блестящие результаты. На Кавказском фронте были награждены свыше девяти тысяч казаков-пластунов. Особо отмечены казаки 6-го Кубанского пластунского батальона. Из них Георгиевские кресты получили: 4-ой степени — 357 человек, 3-ей степени — 98, 2-ой степени — 29, 1-ой степени — пять. Георгиевскими медалями «За храбрость» были награждены: 4-ой степени — 80 пластунов, 3-ей — 13, 2-ой — два. Медаль «За усердие» получили 25 казаков.

Необходимо также отметить уникальную операцию разведгруппы пластунов (112 человек) из состава 1-го Уманского полка ККВ, которая проникла в Месопотамию (территория Ирака) и установила контакт с союзными России британскими войсками под Багдадом. В этот беспримерный рейд «уманцы» выступили 27 апреля 1916 года. Преодолев тысячу вёрст пути в один конец по горам и пустыням Луристана, они по просьбе англичан собрали ценные сведения о силах и дислокации кочевников, турок, курдов и немцев. Сам факт появления казачьей сотни поднял боевой дух союзников. О кубанцах, вернувшихся в начале июня в расположение русского экспедиционного корпуса генерала Н. Н. Баратова без людских потерь, в очередной раз говорил весь мир. Всем казакам были пожалованы Георгиевские кресты, а восемь человек были награждены крестами от имени короля Англии.

Казачьи силы в Кавказской действующей армии на 1 января 1917 года составляли 33 конных полка, 28 пластунских батальонов, девять конных батарей по шесть орудий в каждой. Пластуны использовались по особому распоряжению штаба армии и направлялись туда, где требовались отвага, доблесть и жертвенность.

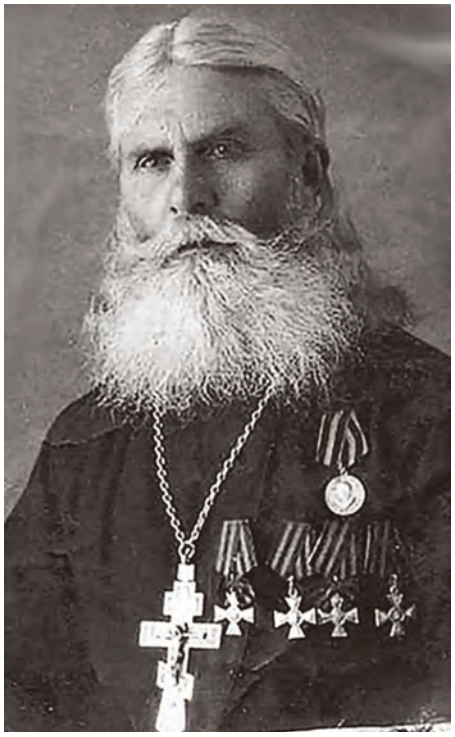
На Юго-Западном фронте 3-ей пластунской бригадой командовал генерал-майор Д. И. Ходкевич. Вот несколько эпизодов боевой деятельности этого прославленного соединения. Летом 1915 года в Галиции за высоту 264 разгорелись ожесточённые бои. Два пехотных полка в течение трёх дней не могли овладеть высотой. К операции подключили 9-ый и 10-ый пластунские батальоны, состоящие из казаков Баталпашинского отдела ККВ. Ранним утром следующего дня в результате смелого и внезапного удара высота была взята. Австрийцы попытались вернуть высоту обратно с помощью тирольских стрелков, однако пластуны штурм отбили и взяли в плен две роты тирольцев. В начале лета 1917 года там же, в Галиции, за линию обороны австрийцев проскользнул десяток пластунов. Сняв пять часовых, они уничтожили прислугу гаубичной батареи, а затем и сами орудия. Без потерь вернулись в свою сотню, приведя с собой пятерых пленников. Командование бригады всех участников этой операции представило к высшим солдатским наградам, но героический подвиг пластунов остался лишь в памяти его участников и станичников-сослуживцев, так как в стране уже царил революционный хаос.

Везде и всегда рядом с казаками находились фронтовые священники. Очень смело вёл себя на фронте священник 8-го Кубанского пластунского батальона отец Сергий Тихомиров. Один из офицеров рассказывал, что в июне 1915 года батальон стоял у небольшого села на Буковине (Западная Украина). Русским войскам было назначено общее наступление, и пластунский батальон должен был дойти до проволочных заграждений и ударить по австрийцам, выбив их из окопов. Это дало бы возможность другим частям взять нужную высоту. Батальон двинулся в атаку, но австрийцы открыли очень сильный огонь из артиллерийских орудий и пулемётов. Ряды пластунов буквально таяли на глазах. И в этот решающий момент раздался голос отца Сергия: «Братцы! Держитесь до конца, я с вами…» В окопах раздались голоса пластунов: «Хлопцы, батюшка с нами, не сдадимся! Держись до конца». Священник и к окопам шёл вместе с пластунами, с ними же он залёг в ложбине перед окопами во время обстрела. Голос отца Сергия подбодрил воинов, и они продержались на позиции целую ночь и следующий день, после чего были отозваны назад. Уже находясь в Кавказской армии, священник Тихомиров приказом № 25 от 27.01.1917 года был награждён орденом Святой Анны 3-ей степени с мечами.

Ещё более яркий пример самоотверженного служения Родине — подвиг священника 10-го Кубанского пластунского батальона отца Иоанна Петровича Ястребова, который, *«идя всё время с крестом в руках впереди цепи, был убит артиллерийским снарядом турецкой батареи во время боя с турками 15.06.1916 г.»* Кроме того, в документах за предыдущие годы имеются сведения о том, что он *«10 и 11 декабря 1914 г. при наступлении бригады на турецкие позиции у селений Копенат и Хосроверак под огнём противника напутствовал смертельно раненых казаков и давал утешение раненым»*. 22 октября 1915 года отец Иоанн был награждён орденом Святой Анны 3-ей степени с мечами. 18 июня 1915 года священник Ястребов был представлен к награждению золотым наперсным Крестом на Анненской ленте за то, что *«в боях 8 июня 1915 г. при наступлении у селения Баламутовка под шрапнельным огнём помогал врачу перевязывать раненых, исповедовал и приобщал Св. Тайн тяжело раненых и при помощи некоторых из местных жителей с церковником подбирал убитых и хоронил их там же»*, кроме того, представлялся к награждению орденом Святого Станислава 2-ой степени с мечами и бантом.

Нельзя не упомянуть и о протоиерее Дмитрии Вардиеве. За текущую кампанию он награждался орденами Святой Анны 2-ой степени с мечами 10 июля 1915 года за бой у селения Деер 16 ноября 1914 года, Святого Владимира 4-ой степени с мечами 11 мая 1916 года за бой 15 и 16 ноября 1915 года у селения Варкунис, 23 марта 1916 года был представлен к золотому наперсному Кресту на Георгиевской ленте. Начальник Скуджбулагского отряда отмечал: *«В бою 30 июля 1916 г. под Саклизаме усердно заботился о быстрой эвакуации из боя раненых и о погребении убитых. Под огнём исполнял свой пастырский долг. В кровопролитном бою с 6 по 9 августа исполнял обязанности отрядного священника, всё время находясь в боевой линии под орудийным и ружейно-пулемётным огнём турок. Самоотверженно выходил в цепи стрелков, заботясь о раненых, которых невозможно было вынести из-за сильного неприятельского огня (потери одного Скуджбулагского отряда достигли 441 чел.), усиленно хлопотал, чтобы ни один раненый не остался без помощи, неоднократно рискуя своей жизнью на совершенно открытой местности под пулями и снарядами, невзирая на страдания больной ноги, мешавшей ему двигаться...»*

Совершали подвиги священники и в других гвардейских и армейских частях. Так, 9-ый Казанский драгунский полк на Юго-Западном фронте получил приказ атаковать. Противник вёл жестокий огонь, и кавалеристы никак не могли двинуться с места. Но вперёд вдруг выехал на своей смирной лошадке полковой священник отец Василий Шпичек. Этот безоружный скромный человек крикнул: «За мной, ребята!» и поскакал на врага. За ним ринулись офицеры, затем и весь полк, и враг был сметён. С Крестом в руке возглавил атаку 318-го Черноярского полка и был убит отец Александр Тарнаутский.



Священник Георгий Пухнов, полный Георгиевский кавалер из города Уржум (ныне административный центр Уржумского района Кировской области). Казачья фамилия Пухно была в Запорожье распространённой. Может, его корни оттуда? По крайней мере, биографические данные о его корнях практически неизвестны. Кроме крестов, на груди священника медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Священники нередко брали на себя другое опасное дело — выносить с поля боя раненых, перевязывать их.

Всего же за время войны через службу в армии прошли свыше пяти тысяч священнослужителей. Из них 14 были награждены орденом Святого Георгия 4-ой степени, 227 — наперсным Крестом на Георгиевской ленте, 288 — орденом Святого Владимира 3-ей и 4-ой степени, 543 — орденом Святой Анны 2-ой и 3-ей степени.

Более 30 военных священников были убиты, свыше 400 получили ранения, более 100 попали в плен.

Итак, ряд примеров рисует нам довольно яркую картину необыкновенных качеств русского православного духовенства, показывавшего в годы великой войны пример не только смирения и милосердия, но также мужества и поистине рыцарской храбрости.

О мужестве и героизме кубанских казаков в годы великой войны говорит тот факт, что Георгиевскими крестами и оружием были награждены 30 тысяч 728 казаков. В этой войне в конных казачьих полках сменилось два состава, в пластунских батальонах — три.

...В октябре 1917 года в результате революционного переворота пала монархия и у власти оказались большевики. Последовавшая затем Гражданская война разделила казаков на белых, красных, зелёных и множество других политических оттенков. Кубанцы для борьбы с большевиками в 1918–1920 годах выставили 37 полков конницы (из них четыре черкесских и два карачаевских), 12 пластунских батальонов, 24 артиллерийские батареи. Кроме того, некоторые части Добровольческой армии состояли иногда наполовину из кубанских казаков. В кровавом хаосе революции и Гражданской войны многое навсегда ушло из русской жизни. Бесследно сгинули кубанские казачьи полки, а с ними ушли в прошлое и стали легендой знаменитые пластунские батальоны. Но сама традиция не пропала, многие приёмы переняли пограничники и войсковая разведка, верой и правдой служа Отечеству.

Прошло время... Вспомнилось в лихую годину... В 1936 году в связи с опасностью агрессии со стороны Германии были сняты ограничения на службу казачества в рядах Красной Армии. В соответствии с приказом наркома обороны К. Е. Ворошилова № 67 от 23 апреля 1936 года некоторые кавалерийские дивизии стали именоваться ещё и казачьими. Уже в суровые и грозные годы Великой Отечественной вой-ны 1941–1945 годов на военную фронтовую службу снова призвали казаков-пластунов из числа тех, кто не эмигрировал за границу и выжил после жестоких преследований новой власти. И они, как и прежде, покрыли себя неувядаемой славой. Отдельные казачьи батальоны, полки стали по традиции носить название «пластунские». В их числе и Краснодарская пластунская стрелковая дивизия, которую называли ещё «личным резервом Сталина». После освобождения города Краснодара и большей части Кубани от немецко-фашистских захватчиков краевой комитет ВКП (б) и краевой исполком народных депутатов обратились в Ставку Верховного Главнокомандования с предложением о формировании пластунского соединения на ополченческой основе. СВГ одобрила эту инициативу и уже 23 июля 1943 года было принято постановление «О формировании Кубанской пластунской дивизии из ресурсов Краснодарского края» (протокол крайкома ВКП (б) № 146, п. 163). Добровольцев было много, среди них и ветераны Первой мировой и русско-японской войн.

3 сентября 1943 года 9-я горно-стрелковая Краснознамённая ордена Красной Звезды имени ЦИК ССР Грузии дивизия, на базе которой создавалась пластунская дивизия, была выведена с фронта и расположилась в районе Краснодара. Её переформирование, по свидетельству генерала С. М. Штеменко, было под личным наблюдением И. В. Сталина, после чего она стала называться 9-ой пластунской Краснодарской Краснознамённой ордена Красной Звезды дивизией, командиром которой со 2 июля 1943-го по 1946 год был полковник, а с 14.10.1943 года — генерал-майор, Пётр Ивано-

Группа бойцов и командров 9-ой Краснодарской пластунской дивизии, 1943 год.

вич Метальников (награждён шестью боевыми орденами). До марта 1944 года дивизия дислоцировалась в Краснодаре, Темрюке, Крымске и на косе Чушке. Её личный состав не только совершенствовал боевое мастерство, но отдельные подразделения уже участвовали в боях за Тамань и Крым. Так, 1-ый штурмовой отряд, набранный из добровольцев, отличился во время Керченского десанта. В боях за город Керчь пластуны отбили у немцев несколько улиц. За проявленные высокие боевые качества дивизия была взята под контроль Сталиным и использовалась только по указанию Ставки.

В середине марта 1944 года дивизию перебрасывают в район городов Каменец-Подольск и Черновцы, и её 36-ой полк сразу вступает в борьбу с оуновцами, что свидетельствовало об особом доверии командования к пластунам. Маршал К. Е. Ворошилов и начальник Оперативного управления Генштаба генерал-полковник С. М. Штеменко посещали дивизию, и последний в своих воспоминаниях писал: *«Пластунская дивизия всем своим видом радовала глаз. Подразделения у неё полнокровные, бойцы — молодец к молодцу. Много бравых стариков-добровольцев с Георгиевскими крестами на груди. Одеты все с иголочки в бешметы и кубанки»*. С задачей по борьбе с отрядами Украинской повстанческой армии Степана Бандеры кубанские пластуны справились. От имени ПВС СССР 12 июля 1944 года им было вручено Красное Знамя.

Затем были бои на Львовско-Сандомирском направлении. В Польше, на Краковском направлении, не имея времени на подготовку, недостаточно зная местность и силы врага, части дивизии 23 августа 1944 года сходу сломили ожесточённое сопротивление немцев и овладели городом Дембицы, разгромив при этом до двух полков СС. Противник неоднократно контратаковал. Бои продолжались шесть дней, причём пластунам, когда заканчивались боеприпасы, приходилось отражать атаки врага штыками и кинжалами. В боях за Дембицы девизия уничтожила 30 танков и другой бронетехники, столько же орудий и миномётов, 48 пулемётов. Верховный Главнокомандующий объявил благодарность личному составу, многие пластуны удостоились орденов и медалей. Следующая благодарность была объявлена за отличные боевые действия по овладению городом Краковым.

С 12 по 19 января 1945 года 9-я пластунская дивизия разгромила 304-ю и нанесла значительный урон 359-ой и 344-ой пехотным дивизиям вермахта, освободила 287 населённых пунктов. Двигаясь дальше с боями на запад, дивизия уничтожила 712-ю пехотную и 97-ю горно-пехотную дивизии немцев. Были захвачены 120 вагонов с различным военным имуществом.

В начале февраля 1945 года пластуны перешли границу Германии. Затем была небольшая передышка, и с 14 марта 9-я пластунская, наступая и прорвав оборону фашистов на реке Одер, овладела мощным опорным узлом — городом Леобщютц и вышла к чехословацкой границе. Дивизия вновь получает от имени ВГК Сталина одну благодарность за другой. А 26 апреля 1945 года награждается орденом Кутузова 2-ой степени.

В начале мая пластунские части продолжают наступление в неблагоприятных погодных условиях и 7-го числа освобождают важный опорный пункт противника на реке Мораве — город Оломоуц. Верховный Главнокомандующий в шестой раз объявляет благодарность дивизии. Несмотря на то что 8 мая германское командование подписало Акт о безоговорочной капитуляции, группировка генерал-фельдмаршала Шернера в Чехословакии продолжала воевать, и пластунам пришлось вместе с другими частями добивать фашистов. Только за трое суток, 9–12 мая 1945 года, были освобождены около 200 населённых пунктов, взяты в плен 1520 солдат и офицеров, захвачены 43 танка и бронетранспортёра, 65 орудий, 24 миномёта, 5 самолётов, около 1000 автомобилей, 32 железнодорожных эшелона с воинскими грузами.

12 мая части 9-ой пластунской дивизии, пройдя за двое суток 136 км, сосредоточились в 17 км западнее Праги, где для них и закончилась война.

В параде Победы на Красной площади 24 июня 1945 года в составе 2-го батальона генерал-майора П. И. Зубова сводного полка 4-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза А. И. Ерёменко участвовали 11 воинов-пластунов во главе с капитаном 36-го пластунского полка Г. К. Горобцовым. Среди других знамён на параде Победы реяло и знамя 9-ой Краснодарской пластунской дивизии. Кстати, участникам парада первым в стране были вручены медали «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

В августе 1945-го дивизия прибыла в Краснодар, где её встретили торжественно. 16 августа рядом с городским парком имени Горького состоялись праздничный митинг и парад воинов дивизии.

После окончания войны история прославленного соединения, около 14 тысяч пластунов которого удостоены различных орденов и медалей, получила своё развитие. В 1950 году 9-ю пластунскую дивизию передислоцировали в город Майкоп. 12 сентября 1992 года она была переформирована в 131-ю отдельную мотострелковую Краснодарскую орденов Кутузова и Красной Звезды бригаду, в которой, как и прежде, служило немало кубанцев.

Нелёгким испытанием для бригады стало участие в восстановлении конституционного порядка в Чеченской Республике, но Майкопская отдельная мотострелковая бригада достойно выполняла свой долг и приказы командования. Многие военнослужащие были удостоены высоких наград Родины.

Сегодня это одно из старейших соединений Российской армии, которое в 2018 году отметило своё 100-летие.

Казачьему роду нет переводу

Андрей ЛЯХ

МИТЬКИНЫ ВЕЧЕРА

...Ох, и любил Митька эти вечера! Бывало, сиживал подолгу на некрашеных певучих ступеньках родной хаты и слушал, слушал, слушал….

Ступеньки эти мамка Митьки загодя, ещё по-светлому, мыла и проскрёбывала небольшим обрубком старой косы, а затем натирала свежесорванным степовым разнотравьем, добытым сестрой Таисьей на задах за огородами, уходящими в бескрайнюю вольную степь. Дурманяще-медовый с горечью духмян, исходящий от ещё влажных ступенек, переплетался с дымком самосада, тлеющего в огромной цигарке, скрученной заскорузлыми пальцами деда Митрия, в честь которого он и был назван при крещении семь лет назад.

Иногда Митька приоткрывал дверь, и тогда к этому запаху подмешивался сладковато-приторный дух разогретой вощины, идущий от запалённых бабкой свечей в святом углу. В нём она творила молитвы, ежедневно поминая каких-то неизвестных Митькиному уху Ахванасиев, Михаилов, Сэмэнов, Явдокымов, Лукэрий и прочих человеков. Они, со слов бабки Серафимы Кузьминичны, хоть и значились убитыми или умершими, но почему-то вечно невидимо сновали по всей хате и хозяйновали на базу. И куда бы Митька не направил свои замызганные босые ступни, следили за ним и ехидно наушничали бабушке обо всём, что бы он ни учудил.

До сих пор для Митьки так и оставалось загадкой, как в полутьме они смогли узреть, что он, предварительно зачинив двери и занавесив кухваенкой окошко в стряпушне, скомкав и убрав в сторону материну зависку, накинутую на медный тазок с каунячим мёдом, ложкой сгребал сверху подстывший нардык и облизывал её, при этом не забывая про верного своего спутника шелудивого пса Кадыка.

Также он иногда, потирая мягкую часть тела, в недоумении размышлял: как эти «всевидящие» смогли дознаться, что именно он отрезал у дядькиного нового хромового ботика язык для своего нового пряща?.. Ведь, как он ни спирал это злодейство на батьку, деда или сестёр Дашку, Варьку и Тайку, эти «вездесущие» всё равно нашептали бабке Серафиме на ухо. И, как казалось Митьке в тот момент, они явно ещё при этом тыкали в него пальцами…

Он почесал зазудевшее «место» и, вдохнув носом и ртом чудного аромата, прислушался.

«Помяны, Господи, души усопших раб Твоих. Упокой, Господи, отрокив, младэнцив. Помяны, Господи, православных воинов…» — тихонько пела бабушка. А мамин голос, чуть погромче, перечислял всех тех, о ком Митька только что вспоминал с содроганием: «Ахванасия, Кузьму, Юхима, Стэпана, Сэмэна, Явдокыма…. Хрыстыну, Акулыну, Лукэрию…»

«Ще тильке почалы», — подумал Митька и прикрыл двери.

Он опять вдохнул и потянулся, и при этом, негромко чихнув, поглядел на деда. Тот, опустив на грудь лысоватую седую голову и сложив на вищнёвом струганом цэпке крест-накрест кисти рук, увитые выделяющимися венами, с узловатыми длинными пальцами, в которых дымился дотлевающий чинарик, сидел на накренившейся лавчонке, прислонённой к свежепобеленной перед Святой Троицей стене хаты.

Старик, тоже взглянув ласково на внука, насмешливо спросил:

— Шо, козак, вид тютюну вчадив?

— Та не-е-е, комарь в носи танцюе, — смешком ответил Митька.

–Хиба цэ комари? Колысь булы ось такэзьни... Бувало, хату складэм, так воны за ничь саман увэсь порастягують и доли покыдають, — оживился старик, тронутый вниманием внука, и, весело засмеявшись, продолжил, — а було на вэчэрныцях дивчатам юбкы на голову пиднималы, а хлопцям шапкы знималы.

Митька смешливо хмыкнул в кулачок, представив хуторских девчат с задратыми юбками и спидныцями, после чего, покраснев, опустил глаза, стушевавшись от собственного видения. Желая поддержать разговор, он, обращаясь к старому, спросил:

— А чого вы, дидусь, вэчэрять з намы нэ сидаетэ? Мамка сёдни картоплю з цибулей на олии наварыла та коржи-складани напэкла, а бабаня помадорив насбырала, ужэ и у нас пийшлы пэрви.

— Пройшло тэ врэмя, унучок, як я таку йижу ковтав, зараз вона мини нэ лизэ. Бувало, кабана в трёх с братамы за вэчор зьидалы, та горилкы два видра, та галушкы з кадушки.

Дед Митрий опять перевёл разговор в щутейное русло и, прищурив подслеповатые глаза, усмехнулся в кудлатую белую нечёсаную бороду. Митька, вытаращив глаза, представил огромного кабана и тех огромных братьев деда, вместе с ним сидящих вокруг оного с кружками и ножами, выхватывающих с кадушки жирные галушки, вместе с тем весело поющих песни… Он зажмурился, и видение исчезло. Дед замолчал и опять опустил голову.

Митька, пораздумав, припомнил, что дед и вправду давно уже не садился за общий стол. Ему почему-то бабка готовила еду в отдельном маленьком чавуне и кормила старика прямо в пристроенной сбоку хаты стряпушне. Иногда Митьке было жаль деда и он обедал вместе с

Картина автора.

ним, смачно хлебая варево из его глиняной чеплашки. Однако это не мешало ему через небольшой промежуток времени сидеть и за общим столом, где вся семья, не мешая друг другу, начиная череду с Митькиного отца Фёдора и дядьки Петра, принимала пищу. Домочадцы, поочерёдно набирая в деревянные ложки из большой глиняной миски приготовленную снедь, не спеша отправляли её в рот.

Правда, по праздникам Дед Митрий в трохи побитой молью черкеске из доброго сукна тёмно-серого цвета, при наградах, сидел во главе праздничного стола прямо под иконами. В таких случаях Митька, широко раззявив рот, сравнивал его с изображённым на иконе святым Мыколой, стоящим рядом с другими ликами святых в углу хаты на полочке в цветах и рушниках, любезно вышитых мамой и бабушкой. А так как дед был ему всё-таки давно знаком, то он всегда сравнения свои завершал в пользу деда Митрия. Правда, малец никогда про это никому больше не говаривал, так как один раз за такие озвученные сравнения получил от того же деда не больный, но обидный удар облизанной дедом же деревянной ложкой.

Митька потрогал когда-то пострадавший лоб и снова прислушался. Вокруг хаты уже вовсю гудели резким тягучим скрежетком цвиркуны, и, словно вторя им, с берега поросшей камышом речушки заводили с придыханием свой вечерний переклик лягушки. Гуднул одиноко колокол на хуторской церквушке, возвещая, что дьякон закончил читать вечернюю. Вот вдалеке гундосо прохохотал худудуд. Запоздало замычала чья-то корова, подгукивая припозднившуюся с дойкой хозяйку.

— Дай пройты, — скорее почувствовал, чем услышал Митька негромкий голос старшей сестры Таисьи, добавившей при сём унизительно трескучий шалабан во всё тот же многострадальный лоб. Она бы влупила и второй рукой, но, слава всем святым, в ней она держала тёплый, пахнущий парным молоком подойник, бережно укутанный по краю её же платочком-косынкой.

— Та иды вжэ, — плаксиво нявкнул Митяй, трохи отстранившись в сторонку. — Выкормыла мамка дылду, — уже более дружелюбно прибавил брат, глядя вслед проплывшей лёгкой поступью сестре.

Дед, вскинув голову, тоже проводил внучку добрым взглядом и добавил:

— Занэвистылась, ластивко, ой, хочь бы дожиты до высилля.

— Та вона ны хоче ще, насадыла яких-то дыковыных гарбузив и кохается з нымы на городи. Каже, на Покрова воны ии прыгодятьця.

На вэчэрныци ны ходэ и хлопцив лякаетця, якычко скаженных, ду… — вступил в диалог Митька, ехидно докладывая деду, что творится с сестрой и её душой. Но поперхнулся на половине слова, услышав сзади скрип дверей.

— Молочка, дидуся, хочитэ с пид Мартуси? Я ии вжэ добрэ раздояла, такэ вкуснэ и мэдом пахнэ.

В дверях стояла Тая в накинутой поверх кохтыны бабушкиной клечатой шали. Красивая и статная, с тяжёлой пшеничной косой, переброшенной через плечо, мирно возлежащей на не по-девичьи высокой большой груди. Запах молока и сена исходил от её пышущего спелостью тела. Улыбаясь вишнёвыми припухлыми губами, она держала небольшой глэчик с процеженным через марлю парным молоком от недавно отелившейся молодой коровы. Дед Митрий подскочил и с явным удовлетворением от оказанного внимания радостно заговорил с внучкой.

— Та выпью, Таичко, выпью, дитятко, тилькэ у кружци вынэсы, будь ласка. Та цёму шыбэнныку тэж дай, ныхай посмакуе, можэ, скорише выростэ та выстыгнэ жэнытысь, щёб и в нёго на свайби погулять було б диду.

— Я жэнытысь ны буду, я на вийну пиду и охвицером стану, так шо, дедушко, ще поживэш, — молвил Митька, принимая из рук сестры неполный глиняный сосуд, из которого она добрую толику отплеснула деду в прихваченную ранее бронзовую кружку, привезённую им по молодости ещё из турецкого походу.

Дед пил, причмокивая и фыркая в бороду. Подражая ему, Митька так же степенно пытался кряхтеть и чмокать, но у него больше было похоже на простое пускание молочных бульб. Дед допил и, вытряхнув капли молока на землю, отдал кружку Таисье. Вторя ему, малец, «домучив» содержимое глэчика, демонстративно-нарочито перевернул посуду вверх донышком и затем так же протянул сестре. Забрав утварь, девушка неслышно исчезла в одвирках и прикрыла за собой дверь.

Смерклось. Всё гуще скрежетали в траве цвиркуны, начали нехитрый перелай дворовые собаки. Где-то по-над речкой, на дамбе, прячась под старыми вербами, захлёбываясь, повела разговор гармонь. Звонкий смех девчат, перемежаясь с резким роготом подгулявших парней, придавали озорно-зазывающий колорит начинавшихся вечерних гуляний казачьей молодёжи. Глухо простучав копытами, прошли с пяток верховых лошадей, и откуда-то издалека донеслось призывное ржание чьей-то кобылы. Девчачье пение с одновременным смехом и подвизгиванием будоражило сознание пробиравшихся к вечерницам парубков…

Митьку ничто это не будоражило. Он посмотрел на посапывающего деда, который уже склонил голову на сложенные руки. И вновь ушёл в свои детские думки.

Батянька его почему-то не молился перед иконами. Нельзя сказать, что он не обращал на них внимания. Иногда он запаливал серными спичками погасшую лампадку. Крестился на образа, когда приходил домой после долгой отлучки, или недолго стоял перед ними, когда куда-то уезжал. Бывало, занавешивал их поздним вечером, когда все расходились спать по своим кроватям.

Молились у иконостаса в основном женщины, приучали и Митьку, а он не отказывался. Но почему-то не мог запомнить ни одной молитвы и на требования бабушки повторять за ней слова молитв и песен нёс такую чушь, что в конце концов всем стало лучше, когда Митька вечерами сидел на ступеньках рядом с дедом.

Правда, не всегда ему «везло». Набедокурив влёгкую и не отхватив телесного наказания, он бывал отдан в руки правосудия маме Ирине или тётке Ганне, являющейся женой дяди Петра и ещё, по неведомым Митьке обстоятельствам, считавшейся его второй мамкой, то есть крёстной.

Обычно по праздникам она и водила его, взяв за руку, как малого, в хуторскую церкву. И там, постоянно поправляя его и тыкая своими пальцами ему в лицо и пузо, учила, как следует молиться Богу. Митька абсолютно не понимал, какая разница, левой или правой рукой он накладывает Святое знамение на себя, но, присмотревшись, сообразил, что тётка Ганна в чём-то права. Потому как и краснолицый батюшка, и длинный, как батих, дьячок, да и все казаки-прихожане, и даже сестра Тая с двоюродными сёстрами Дашей и Варей тоже крестились правой рукой. Объяснений он не помнил, хотя ему и втолковывали каноны. А переспрашивать всё было недосуг, хотя, засыпая в кровати, он давал себе обещание, что назавтра обязательно спросит.

Так вот, именно тётка, а иногда мама, по наущению бабки и её «всевидящего конвоя», ставили его перед иконами и заставляли просить у Бога и всех святых прощения за совершённый грех.

Мучениям Митьки не было предела… Мало того, что во время экзекуции тётка или мать громко читали молитвы и заставляли их произносить и его, но они ещё, видимо, не торопясь никуда, заставляли всё повторять сначала. Митька пытался хитрить и специально коверкал слова, надеясь на Божью помощь, что его, как всегда, выгонят на крыльцо, а там — на баз и на волю, к речке, ловить лягунов и истязать их соломиною. Но, видимо, и Бог был на их стороне, потому как хитрость сия быстро исчезала путём подсыпания под Митькины колени гороха и мелкой квасоли. Странно, что батяня одобрял их действа, и дядя тоже. И что самое непонятное, дед, другсоратник, про горох этот сам ехидно подсказывал истязателям. Потом им надоедало его воспитывать, или появлялось какое-либо дело, причём у всех и сразу. Видимо, Бог принимал Митькину сторону, и его выгоняли из хаты, однако, не забыв приказать что-либо сделать по хозяйству или помогать кому-либо из домашних. Впрочем, длилось это всегда недолго, и его прогоняли прочь.

Дед никогда не молился с «бабами», как он их называл. Но Митька ведал, что дед верит в Бога, и сильно, потому как не единожды видел, что тот — не часто, но достаточно последовательно — уходил на конюшню «до конэй» и там откуда-то, из ему только ведомого места, вытягивал свёрток с иконой и фотографиями. Затем подолгу молча смотрел на них, разложив перед иконой, также размещённой на старом потресканном пеньке акации. Смотрел и плакал, сильно всхлипывая и обильно заливаясь слезами. Напоследок, беря фотографию очередного, всё-таки крестился и молвил только: «Спасы и помылуй, Господи». Митька, бывало, подкрадывался сзади, но хорошо рассмотреть, кто изображён на карточках, так и не смог.

Однажды он спросил у деда Митрия об этих людях, на что он ответил:

— Прыйдэ врэмя, и ты пизнаешь про их всэ, а як пиду я до Бога, то ты будэшь молытысь и за мэнэ, и за их разом.

Хоть Митьке и не хотелось также сидеть возле пенька и плакать, но он искренне знал, что не подведёт деда и молиться будет обязательно, ну, может, правда, по-своему.

P.S.

— Товарищ старший лейтенант, «гансы» зашевелились и начинают выдвигаться в обход позиций соседа…

Митька молча смотрел на вынутые из планшета старые пожелтевшие фотографии казаков, павших однополчан его деда. Посмотрел в глаза своему отцу, затем дядьке Петру. Наконец, остановил взгляд на фотографии деда, сделанной по Митькиной просьбе на его свадьбе в 29-ом году. Было тогда деду 96 лет. А через восемь дней дед, Митрий Юхимович Бекет, отошёл ко Господу, с именем Которого он ходил в бой, с молитвой к Которому он хоронил своих боевых товарищей.

Облысевший, с выпавшей редкой бородой, дед уже не был похож на святого Николая Угодника. Но глаза и та светлая благодать, которая была заложена в его дедушке до самой кончины, полностью соответствовала характеру, присущему святому заступнику и утешителю казачьих душ. Сестра Тая и мама Митьки с её мужем Ермолаем досматривали деда до самой его смерти…

Жаль, не было на свадьбе ни бабушки, ни крёстной тётки Ганны, ни отца, ни дядьки Петра — они сгинули все в годы лихолетья…

— Товарищ старший лейтенант, Дмитрий Фёдорыч, немци, кажу, движения начали непонятные…

— Чую… Коня давай!

Вестовой исчез во входном проёме. Митька неспешно собрал в стопку фотографии, напоследок молча посмотрел в глаза деду, раскрыл партбилет и вложил в него карточки. Заученным коротким движением поместил всё в планшет, но через секунду вынул и переложил в левый карман гимнастёрки, под ордена и медали. Посмотрел на плакат, призывающий отомстить за легендарного комкора генерала Доватора, кем-то пришпиленный к бревенчатым сырым стенам. Затем, как всегда перед любым делом, перекрестился, прочитав привычно короткую бабушкину молитву, поимённо вспомнил её «вездесущих и всевидящих», зная, что они сейчас смотрят на него. Привычным движением перекинул ППШ через шею, поправил батину шашку, набросил бурку и, выглянув в проём блиндажа, шагнул в бессмертие.

Картина автора.

* * *

Тёмный омут глубокий у тихой неспешной реки,
От разрушенной мельницы старой — замшелые сваи:
Здесь когда-то стоял хуторок, весь в садах — Бурсаки,
И цвели барвинки на кургане за хутором в мае.

Здесь когда-то тянулись акации до облаков,
Хатки-мазанки — под камышом, с дымарями из глины.
Пахло вечером в хуторе тёплым парным молоком,
И висел до утра в тёплом воздухе звон комариный.

Здесь на травы под утро ложилась густая роса,
Глухо падали в августе яблоки с запахом мёда,
Вечерами играла гармошка, девчат голоса
Грустно пели о доле дивчины не панского роду.

На баштанах степных у людей здесь росли кавуны.
Всё вершилось — и власть, и семья — по церковным устоям.
Здесь когда-то паслись Бурсака лошадей табуны,
Всё дышало достатком и патриархальным покоем.

Утопился Бурсак, скакуна морду сунув в мешок, —
Казака уничтожили ложь и людские наветы.
Перестал родовым быть поместьем в степи хуторок,
А потом всё добили, дорвавшись до власти, Советы.

Сколько лет с той далёкой поры тихо минуло прочь!
На котов и прохожих брехали беззлобно собаки,
Тихо жил хуторок, пялясь окнами в тёмную ночь,
А у мельницы старой ловились огромные раки.

Так и жил хуторок бы, казалось, у тихой реки,
Но потом что-то с властью народ, как всегда, перепутал,
Отошли в лучший мир незаметно, отжив, старики,
Молодёжь разлетелась, как голуби, бросив свой хутор...

Я люблю приезжать в этот хутор на вешней заре:
Шпорышёвый ковёр на пригорке у речки расстелен,
У колодца у старого светится солнце в ведре
И, как пряди русалок, колышется в омуте зелень...

В одичавших садах, как и прежде, поют соловьи,
Что, запев здесь лет триста назад, душу рвут и доныне,
Я лежу на кургане, и грустные думы мои
В голове моей — прядями хмеля на старой калине.

Журавли — не кубанские птицы — летят над рекой,
Проплывая, как грустные тени, с курлыканьем в небыль.
На Кубани места есть красивей моих Бурсаков,
Но лишь здесь моё сердце дрожит серым кобчиком в небе.

Если вас вдруг охватят внезапно печаль и тоска,
Заверните сальца и горилку перцовую, братцы,
Приезжайте на старую мельницу на Бурсаках —
Там всегда вы найдёте меня, обещаю дождаться...

Владимир САЯПИН.

Горькая
память
войны

Николай ЧЕРНОГОРЕЦ

ИМЕЮТ ПРАВО НА ПАМЯТЬ

В станице Челбасской на памятнике нет 480 фамилий не вернувшихся с войны челбасян

В День Победы, 9 мая, в колонне «Бессмертного полка» я шёл с портретом своего деда — рядового Черногорца Тимофея Фёдоровича. Он, как и многие челбасяне, ушёл на фронт в первые месяцы Великой Отечественной войны, был призван Сталинским райвоенкоматом. В те годы этот РВК находился в станице Крыловской — райцентре Сталинского района, в состав которого входила станица Челбасская. Одновременно призыв осуществлял и Каневской РВК из станиц и хуторов Каневского района. Почему я упоминаю о Каневском райвоенкомате, объясню чуть позже.

Рядовой Черногорец Т. Ф., как видно из документов, участвовал в обороне Москвы и в контрнаступлении советских войск в составе кавалерийской части, был ранен, в мае 1942 года находился на излечении в городе Туле. Вернувшись на фронт в другую часть, Тимофей Фёдорович был тяжело ранен 20 ноября 1942 года, находился на излечении в госпитале, дислоцировавшемся в городе Рязани, и 9 февраля 1943 года умер.

Похоронили его на воинском участке Скорбященского кладбища. Сейчас это Воинский мемориал. 22 июня и 9 мая каждый год здесь проходят торжественные мероприятия. Цветы на памятную плиту с фамилией моего деда возлагают и мои четверо внуков и внучка. Тимофей Фёдорович для них — прапрадед, и они знают, кем он был, за что сражался и погиб.

С Рязанью связан, кстати, весьма интересный эпизод. О судьбе Тимофея Фёдоровича его родные не знали долгое время, считали пропавшим без вести. Только в 1995 году, когда вышел 7-ой том Книги памяти Краснодарского края, в списке Ленинградского (почему-то) района была помещена точная информация о нём. Но тираж Книги — всего 300 экземпляров, так что неведение продолжалось. Когда же в интернете появился сайт ОБД «Мемориал», вот оттуда я и узнал, где похоронен мой дед. Поехал в Рязань, но могилы не нашёл! Местные жители рассказали, что недавно проходила реконструкция мемориа-

ла, поэтому я не исключил возможности недоразумения. Я обратился с письмом к бывшему теперь губернатору Рязанской области Олегу Ивановичу Ковалёву. Вскоре пришёл ответ о восстановлении надгробия с фамилией моего деда. Так была восстановлена справедливость!

…Ежегодно я приезжаю в родную станицу Челбасскую. И в первые часы иду в центр, к памятнику челбасянам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, читаю скорбный список. Есть в нём и фамилия «Черногорец», но с другим инициалом — не «Т. Ф.», а «Г. Ф.». Сколько я ни искал, участника войны Черногорца Г. Ф. найти не мог. Очевидно, при нанесении букв на памятник произошла ошибка. Я уверен, что поздно или рано она будет устранена. К решению этого вопроса активно подключилась администрация Челбасского сельского поселения, лично глава Андрей Васильевич Козлов.

Ну, а теперь главное, о чём я хотел рассказать. Решил я проверить, а нет ли других «опечаток» на памятнике. Оказалось — есть! И немало. И тогда я приступил к исследованию полного списка челбасян-воинов. В результате длительного скрупулёзного изучения сайтов ОБД «Мемориал» и «Подвиг народа» сложилась Книга памяти станицы Челбасской. В ней около тысячи фамилий. Книгу я (пока в рабочем варианте) опубликовал на двух сайтах в интернете, сделал ссылку в группе «Челбасяне» социальной сети «Одноклассники». Мне стали поступать отклики: поправки, добавления, уточнения, которые я оперативно вносил в Книгу памяти. Спасибо всем неравнодушным! Работа продолжается, вносятся всё новые и новые фамилии, сведения.

К большому своему огорчению, я обнаружил, что на памятнике нет фамилий очень многих челбасян, погибших или пропавших без вести в годы войны. Таких, по моим подсчётам, 480 человек! Скорее всего, фамилии для списка были предоставлены в своё время каким-то одним военкоматом нынешнего Ленинградского района (бывшего Сталинского), хотя станица Челбасская была уже включена в состав Каневского района. И с тех пор список не проверялся, не обновлялся.

Я был в станице Ленинградской, на мемориале не обнаружил ни одной челбасской фамилии. Я был в нашем райцентре, станице Каневской, и на каменных плитах районной Стены памяти нашёл только несколько десятков фамилий челбасян. Таким образом челбасяне-воины остались как бы в подвешенном «межрайонном» состоянии. Поэтому так важно установить ВСЕ фамилии, внести их на памятник именно в станице Челбасской.

И не нужно, по моему мнению, ждать какой-то особой или круглой даты, чтобы отреставрировать памятник, а то и, судя по количеству отсутствующих фамилий, соорудить новый — по новому проекту, с новыми памятными плитами с неблекнущими фамилиями челбасян, защищавших Родину и не вернувшихся с полей сражений. Они достойны нашей памяти, они имеют на память право.

Герои Кущёвской атаки похоронены в станице Челбасской

В центре кубанской станицы Челбасской в парке находится мемориальный комплекс, посвящённый воинам, погибшим на фронте, умершим от ран и пропавшим без вести. На 15-метровом шпиле прикреплён металлический орден Отечественной войны. У обелиска — фигура солдата, бронзовый цвет которой символизирует мужество и героизм, внизу перед солдатом — пятиконечная звезда. По краю площадки полукругом размещены вертикальные плиты, на которых выгравированы фамилии и инициалы не вернувшихся с войны челбасян.

Мемориал был сооружён в 1974 году. Ежегодно здесь проводятся торжественные мероприятия, посвящённые Дню Победы.

Здесь хранится память не только о воинах Великой Отечественной. Справа от обелиска находится могила командира 2-го Кубанского кавалерийского полка Владимира Николаевича Лысенко (1890–1927), а также братская могила борцов, павших за дело революции в 1918 году, — на плите 30 фамилий.

А слева от обелиска обозначено место ещё одной братской могилы. Могила БЕЗЫМЯННАЯ. Рядом с ней на плите вместо фамилий высечена надпись: *«Куда б ни шёл, ни ехал ты, но здесь остановись, могиле этой дорогой всем сердцем поклонись»*. Согласно учётной карточке воинского захоронения (номер захоронения в ВМЦ 23-348/2014), составленной в 2014 году, здесь покоятся семь неизвестных советских воинов. Они были похоронены в 1942 году — об этом имеется запись в более ранней, 2001-го года, учётной карточке воинского захоронения.

Удалось установить имена и фамилии всех воинов Красной Армии, похороненных в этой доныне безымянной братской могиле станицы Челбасской. Помощь в этом мне оказал краевед из станицы Ленинградской Иван Богдан.

В Центральном архиве Министерства обороны РФ хранится документ — «Донесение о безвозвратных потерях 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса от марта 1943 года» (ЦАМО, ф. 58, оп. 18001, д. 1481). В донесении имеется список безвозвратных потерь в 200-ом полевом подвижном госпитале с июля 1942 года по 25 марта 1943 года. Указано, что 2 и 4 августа 1942 года в госпитале умерли и похоронены в станице Челбасской шесть воинов Красной Армии:

- **Брызгунов Евгений Николаевич,**
- **Жадько Иван Корнеевич,**
- **Логинов Иван Фёдорович,**
- **Ткачёв Василий Дмитриевич,**
- **Троицкий Михаил Алексеевич,**
- **Тыщенко Иван Харитонович.**

Что о них известно? Сопоставив имеющиеся в ЦАМО документы, я установил следующее.

Брызгунов Евгений Николаевич (в документе госпиталя его фамилия написана ошибочно: «Безгунов») — уроженец села Федосеевки ныне Ростовской области, политрук, был военным комиссаром эскадрона 32-го кавалерийского полка 13-ой Кубанской казачьей кавалерийской дивизии. Член ВКП(б). Умер 2 августа 1942 года от проникающего ранения в живот и похоронен в станице Челбасской. Как сообщалось в документе госпиталя, его жена Брызгунова Фёкла Григорьевна проживала в станице Прочноокопской Новокубанского района Краснодарского края.

Иначе записано в Книге памяти Краснодарского края (т. 7, стр. 241): *«Брызгунов Евгений Николаевич, р. 1903. Призван в СА 1941. Политрук. Погиб авг. 1942. Похоронен: ст-ца Кущёвская, Краснодарский край»*. Замечу небрежность формулировки: в 1941 году призывали не в СА (Советскую Армию), а в РККА.

В извещении жене политрука Фёкле Георгиевне (здесь отчество такое), проживавшей в станице Прочноокопской, сообщается, что её муж, *«верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 2 августа 1942 г. во время атаки в конном строю под ст-цей Кущёвской Краснодарского края, похоронен в районе ст-цы Кущёвской Краснодарского края»*. Извещение подписали начальник штаба и военком дивизии, которая к тому времени уже стала гвардейской и именовалась 10-ой гвардейской Кубанской казачьей кавалерийской дивизией 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса.

Жадько Иван Корнеевич родился в 1897 году. Как и многие его ровесники, стал добровольцем, в армию попал через Шкуринский РВК. Звание — рядовой. Как записано в документе госпиталя, умер 4 августа 1942 года от осколочного ранения живота. Но есть запись (ошибочная, так как доверия больше всё-таки документу госпиталя) в Книге памяти Краснодарского края (т. 6, стр. 38), что он умер 21 августа 1942 года. Видимо, составители Книги чёрточку между цифрой 2 и месяцем VIII приняли за цифру 1. Похоронен казак в станице Челбасской.

Логинов Иван Фёдорович, рядовой 15-ой Донской казачьей кавалерийской дивизии (вообще-то, в этой дивизии рядовые имели звание «казак») 17-го казачьего кавалерийского корпуса. Умер 4 августа 1942 года от осколочного ранения живота. Похоронен в станице Челбасской. Другие сведения, к сожалению, пока не обнаружены.

Ткачёв Василий Дмитриевич родился в 1896 году в станице Баракаевской Майкопского отдела Кубанской области (ныне Мостовской район Краснодарского края). Доброволец, в армию попал через Мостовской РВК. Военветфельдшер (соответствует званию лейтенант), служил ветеринарным фельдшером в 29-ом кавалерийском полку 13-ой Кубанской казачьей кавалерийской дивизии. Умер 2 августа 1942 года от осколочного ранения. Хотя в Книге памяти Краснодарского края записано (на основании документа Мостовского РВК 1946 года), что он пропал без вести в мае 1942 года — теперь понятно, что это ошибочная запись. Похоронен в станице Челбасской. Жена

Ткачёва Анна Яковлевна после войны проживала в селе Беноково Мостовского района.

Троицкий Михаил Алексеевич родился в 1887 году в станице Бжедуховской Майкопского отдела Кубанской области (ныне Белореченский район Краснодарского края). Был призван Рязанским РВК. Майор, заместитель командира 32-го кавалерийского полка 13-ой Кубанской казачьей кавалерийской дивизии. Член ВКП(б). Как говорится в извещении, направленном в город Майкоп Адыгейской автономной области жене Троицкой Татьяне Прокофьевне, её муж, *«верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 2 августа 1942 г. при атаке в конном строю под ст-цей Кущёвской Краснодарского края, похоронен в р-не ст-цы Кущёвской, Краснодарский край»*. На основе этих данных внесена запись в Книгу памяти Краснодарского края (т. 8, стр. 473). Но в документе госпиталя № 200 записано, что майор умер 2 августа 1942 года от проникающего ранения живота и похоронен в станице Челбасской.

Тыщенко Иван Харитонович, звание не указано, умер от открытой пневмонии 4 августа 1942 года. Больше никаких сведений нет.

На основе этих данных, полученных в результате анализа документов, хранящихся в ЦАМО РФ, можно констатировать: три человека из шести, умерших от ран в госпитале № 200 2–4 августа 1942 года, — участники Кущёвской атаки. По крайней мере, о двоих из них, политруке Брызгунове и майоре Троицком, говорится достаточно ясно: погибли в конной атаке 2 августа 1942 года.

Коротко напомню об этом сражении. Летом 1942 года немецкая армия после занятия Ростова-на-Дону начала наступление на Кубань. У станицы Кущёвской захватчиков встретили казачьи дивизии 17-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, сформированного в начале 1942 года из станичников-добровольцев непризывного возраста. Ожесточённые бои начались в конце июля, а 2 августа 1942 года казаки в конном строю, развернувшись лавой, пошли в атаку. Впереди летели эскадроны 29-го и 32-го полков 13-ой Кубанской казачьей кавалерийской дивизии. Наступление фашистов было на несколько дней остановлено.

27 августа приказом Наркома обороны СССР И. В. Сталина корпус получил новое имя: 4-ый гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус. Гвардейскими стали и его подразделения. С этим именем, получая на знамёна корпуса и дивизий ордена, кубанские казаки в мае 1945 года дошли до Праги. Правда, дошли не все, многие полегли в боях, начиная с памятного сражения под Кущёвской.

Итак, можно сделать вывод: в безымянной до сей поры братской могиле в станице Челбасской похоронены герои Кущёвской атаки.

Стоит отметить, что полевой подвижной госпиталь (ППГ) № 200, входивший в состав 17-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, с 1 июля 1942 года базировался в станице Староминской, затем в Ленинградской, Крыловской. Далее путь ППГ лежал через Челбасскую на юг, вместе с отступавшей армией, и осенью он оказался в Кизляре.

За короткое время нахождения в Челбасской (2–4 августа 1942 года) от ран умерли шесть воинов Красной Армии, что и было зафиксировано в именном списке безвозвратных потерь, подписанном начальником госпиталя гвардии военврачом 2-го ранга Колбасиным.

После ожесточённой схватки на кущёвских полях медико-санитарные эскадроны дивизий оперативно доставили в госпиталь тяжело раненных конников, в то же самое время многие из них были зачислены командирами полков в число погибших, как это и случилось с политруком Брызгуновым и майором Троицким.

А кто же седьмой?..

Это **Перлич Михаил Исаакович** (Исакович). Он родился в 1916 (по другим данным, в 1921 или даже в 1893) году в городе Бердичеве Житомирской области Украинской ССР, проживал в Ухтомском районе Московской области, отсюда ушёл на фронт 9 марта 1942 года по призыву Ухтомского РВК. Служил рядовым связистом в 15-ом отдельном полку связи (предположительно 5-ой воздушной армии). Как сообщается в «похоронке», умер в больнице Сталинского района от болезни 26 марта 1943 года, вскоре после освобождения станицы Челбасской от оккупантов (есть также запись, что он *«погиб в бою 26 марта 1943 года»*, хотя бои в это время шли уже очень далеко от станицы). Станичники похоронили связиста Перлича в братской могиле, где уже покоились воины Красной Армии.

На обратной стороне извещения, выписанного Сталинским РВК в тот же день, отправленного почтой в Ухтомский РВК и вручённого жене только 25 июня 1943 года, рукой приписано: *«Уроженец г. Бердичева. Родители проживают в Чкаловской области»*. Фамилия Перлича М. И. значится в Книге памяти Краснодарского края (т. 6, стр. 69; т. 7, стр. 74), Книге памяти Московской области (т. 13, ч. 1, стр. 450) и Книге памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом (т. 8, стр. 404), в которой есть ссылка на документ, хранящийся в ЦАМО (ф. 58, оп. 18001. д.10, л. 168). В нём чётко написано, что красноармеец Перлич (в ОБД «Мемориал» допущена опечатка: «Перхич») умер в больнице станицы Челбасской (в ОБД «Мемориал» снова опечатка: «Чалбаселяй»!) от общего паралича всего организма.

…Фамилии установлены. Теперь бы найти родственников тех, кто похоронен в безымянной братской могиле. Они могли бы сделать запросы в архивы, получить справки и ходатайствовать о внесении фамилий на мемориальную плиту. Возможно ли?.. Мне кажется, если к решению этого вопроса не подключатся органы власти в Каневском районе и Краснодаре, братская могила в Челбасской так и останется безымянной. Никто не забыт?..

Николай ЛЕМИШ

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

(в основу положены действительные события)

Памяти моей мамы Елены Алексеевны
и всем безвестным труженицам тыла,
вынесшим на своих плечах тяжесть
Великой Отечественной войны, посвящаю...

Тяжкая доля выпала женщинам-колхозницам, работающим в тылу в военное лихолетье. В силу разных обстоятельств им пришлось даже участвовать в военных действиях. Таким было то героическое время, когда вся многомиллионная и многонациональная страна жила и сражалась под единым девизом: «Всё для фронта — всё для победы». Когда их мужья были на фронте, они тоже сражались, преодолевая голод, нужду, работая на пределе сил. К кому-то из них судьба была благосклонна — их мужья пришли с войны. Иначе и не было бы нас, поколения 40-х. Склоняя седую голову перед памятью тружениц тыла, прошу прощения, что рассказ мой оказался запоздалым...

В то июньское утро Евдокия проснулась, когда только забрезжил рассвет. В окне показался уголок неба, подсвеченного занимающейся зарёй. Виной её пробуждения стал тяжкий тревожный сон, зрительные образы которого отпечатались в памяти. Будто идёт она со своими ровесницами по бескрайней степи. Справа и слева — поля зреющей пшеницы, подсолнухов. Босые ноги ступают по мягкой дорожной пыли, отчего ногам очень приятно. Светит яркое и ласковое летнее солнце. Вдоль широкой степной дороги — узоры из полевых цветов. Пахнет нагретой землёй, разнотравьем, пшеничными колосьями. Эти запахи пьянят и радуют, всем легко и весело. Может быть, от яркого мира будущее кажется светлым и прекрасным. Все в лёгких, не стесняющих движения ситцевых платьях. Легко дышать, а ноги сами несут. Хочется бежать, кричать от счастья и радости.

Но вдруг небо внезапно потемнело. Это над степью закружились несметные полчища воронья. От их мерзкого карканья всем враз стало безмерно страшно. Сделав круг над головами девчат, стая спикировала на пшеничное поле, накрыв его чёрным покрывалом. И на глазах ошалевших людей эта копошащаяся масса кинулась уничтожать зреющий урожай. Прогнать их было просто невозможно. Вдруг, откуда ни возьмись, появилась стайка коршунов. Они мужественно накинулись на многократно превышающую по количеству популяцию ворон. Сражение было недолгим. Вороньё с криками поднялось в воздух. Да только поле было уничтожено — среди перемолоченной соломы виднелись редкие колоски. Во всём происшедшем было что-то противоестественное и зловещее, отчего Евдокия проснулась вся в холодном поту.

Чтобы разогнать последствия тяжёлого сна, Евдокия, наскоро одевшись, вышла на крыльцо. Поднималась заря нового дня, и первые лучи солнца известили об этом. Сам день обещал быть солнечным и жарким.

Воскресенье не было выходным. В разгаре сенокос, а ещё прополка. Нынешний день, говорят, год кормит. И поэтому колхозникам везде надо успевать. А как иначе? Пшеницу донимает осот, да ещё буркун. Откуда только и берутся они? Виною тому, видно, майские ливни. На подходе вторая прополка кукурузы и подсолнуха.

Прогнав остатки утреннего сна и умывшись у рукомойника на улице, Евдокия столкнулась с мужем, вернувшимся с огорода с охапкой свежескошенной травы. Тот встал раньше неё и собирался на работу. Он был бригадиром тракторной МТС. Все его люди тоже сегодня в поле. Как раз его бригада закреплена за колхозом имени Ворошилова, где полеводческое звено второй бригады возглавляет Евдокия.

Наскоро собрав мужу завтрак и сумку на работу, она неспешно подоила корову и выгнала её в стадо (как говорят здесь, «в чэрэду»). Скотину уже собирал неугомонный пастух Фаддей Елисеевич, оглашавший улицу окриками и хлёсткими щелчками арапника.

Выгнав Зорьку за ворота, Евдокия вспомнила, что бригадир поутру поедет в правление, а ей наказал провести в бригаде утренний наряд и расставить звенья по работам. Колхозную бедарку она с вечера оставила дома. Гнедой — в сарае, ему надо подкинуть свежей травы. Звено Евдокии будет полоть пшеницу — «чистики» были заказаны кузнецу ещё на неделе.

Проклятый сон! Он не покидал Евдокию, продолжая тревожить душу, не давая сосредоточиться. Всё ещё под впечатлением сновидения, она проглотила завтрак, даже не ощутив вкуса еды. Собрав в кошёлку нехитрую снедь, отнесла её в бедарку.

Во двор вышла проснувшаяся свекровь. Евдокия наказала ей смотреть за дочкой, когда та проснётся, и сдать молоко на «госпоставку». Благо, пункт приёма молока был неподалёку. Осталось запрячь Гнедого в бедарку и — в путь. За воротами Гнедой сразу перешёл на рысь. Он знал дорогу в бригаду, и это давало возможность Евдокии вдоволь наслаждаться утренним воздухом, напоённым степными запахами, и любоваться природой.

Но ничто не могло успокоить молодую женщину. Тот чёрный предутренний сон так и не давал душе покоя.

Она не могла знать, что на Западе зарождалась война, самая страшная из тех, что до этого знало человечество. Виною тому стала фашистская Германия, войска которой на необозримом пространстве нарушили границы Советского государства. На их защиту грудью встали советские пограничники. А к моменту наибольших душевных терзаний Евдокии большинство застав уже погибло. Среди взрывов авиабомб и огня пожарищ мужественные защитники Брестской крепости отбили уже не одну атаку нагло наседавших фашистов. В первый же день войны фашисты продемонстрировали варварские методы её ведения, сбросив на беззащитную крепость тысячи авиабомб, в том числе многотонных. Подтянув артиллерию большого калибра, они практически не оставили шансов на жизнь её защитникам. Но ещё долго-долго фашисты не смогут сломить мужество защитников крепости.

А меж тем жители огромной страны досматривали утренние сны. В тот июньский день рассвет над большой Европейской частью Советского Союза наступил в 3 часа 45 минут. Его встретили тысячи выпускников советских школ, у которых 21 июня прошли выпускные вечера. Мало кто из них дожил до Великой Победы. Не только Евдокия, но и многие миллионы советских граждан ещё не знали о постигшей их страшной беде. Пока было просто 22 июня 1941 года...

Евдокию поджидали хлопоты обычной мирной трудовой жизни. Прибыв в бригаду,

она быстро расставила людей по рабочим местам, отпустила кухарке из кладовой продукты, по ходу решая текущие вопросы. А закончив организационные хлопоты, отправилась со своим звеном на прополку. Работа у девчат, как всегда, спорилась. Когда подошло предобеденное время, звено собралось под скудной тенью от поросли молодой лесополосы. Кухарка обещала привезти обед.

И тут в пыльном облаке на дороге показался всадник, гнавший коня намётом. Пожилая колхозница Дарья Еремеевна возмутилась: «Та чи цэ Грышка, бисова нывира, запалэ нэхрысть коняку!» Тот же, спешившись и едва переводя дух, выпалил: «По радиву ныдавно пэрэдалы, шо Германия напала на нас. Война». И поскакал дальше.

Несколько минут все пребывали в оторопи. Первой нарушила молчание Фёкла Демидовна, потерявшая в гражданскую мужа, а в финскую — сына. Девчата же пока осмысливали всю трагедию свалившегося несчастья. Меж тем Демидовна «затужила» по-настоящему. Её слёзы и причитания всколыхнули всех женщин. До них дошло, что пришла беда, да такая, что и умом не понять.

Две комсомолки-активистки Вера и Поля заявили, что врага быстро разобьют. Наша Красная Армия очень сильна, и война не будет долгой. Демидовна же, придя в себя, сказала: «Молоди вы ще дивчата, ничого ны понимаитэ у жизни и ны знаитэ, шо ця война будэ страшною. За Гирманией идэ багато стран, и вси воны слухають Гытлера. Багато погыбнэ ще нашого народу. Мы йих побидым, та тикы якою цыною; скилькы ще будэ сырот и вдов у нашои дыржави?!»

Так в одночасье мирный день превратился в день горя и печали. Ведь война скоро заберёт их женихов и мужей, и не известно, вернутся ли они с той войны. Наконец, все поняли, какое несчастье свалилось на каждую семью. И никто не останется в стороне.

После обеда приехал бригадир Иван Гаврилович и внёс ясность в происходящие события. Поутру, побывав в правлении колхоза, он затем поехал в Райзо и там, в центре станицы, оказался в толпе людей, ожидавших у громкоговорителя важное правительственное сообщение. Местом сбора оказалась площадь у сельмага. Сначала радио молчало, потом раздался глуховатый невыразительный голос наркома иностранных дел Молотова. Но слова, произнесённые им, были страшнее грома. Ибо война, от которой Советский Союз стремился уйти, стала реальностью. И хотя о войне он говорил как-то обыденно, без особых эмоций, трагизм ситуации от этого ещё больше обострялся.

В оцепеневшую толпу продолжали градом сыпаться страшные слова: «Война... Вероломное нападение гитлеровской Германии... Без объявления войны... Нарушив неприкосновенность границ... Самолёты бомбят мирные города и сёла...» Напряжение слушателей достигло предела. Первый же плач в толпе вызвал цепную реакцию. От мужчин посыпались проклятия в адрес вероломных фашистов. Слёзы, слёзы... А монотонный голос диктора уже зачитывал возрастные

группы мужчин, подлежащих по всей стране военному призыву. Теперь жизнь граждан Советского Союза разделилась на два измерения: до войны и после...

В колхозе им. Ворошилова на следующий день было собрание. На нём выступили представители райкома партии и комсомола, а также правления колхоза. Выступавшие клеймили фашистов, вероломно напавших на нашу страну, и выражали уверенность в скорой победе советского народа. Выступления комсомольских вожаков были оптимистичными. Представительница райкома комсомола и женсовета, носившая новомодное имя Велиора, с присущим ей апломбом заявила, что несколько «сталинских» ударов по агрессору — и Красная Армия подойдёт к границам Германии. А немецкий пролетариат только этого и ждёт, чтобы дружно восстать и сбросить ненавистного Гитлера.

Наивные слова и наивные надежды... Никто тогда ещё не мог знать, что пройдут четыре года побед и поражений, огромных человеческих потерь, прежде чем Красная Армия придёт в Европу. Трудно в те дни было представить, что не только солдатам и офицерам придётся вынести тяжесть войны, но и на хрупкие плечи женщин и подростков, оставшихся в тылу, ляжет непосильная ноша изнурительного труда.

Это была война, которой люди ещё не знали. А вот старики, прошедшие уже по три войны, после собрания в кругу колхозников говорили о том, что германец очень силён, что у него хорошо вооружённая армия, имеющая опыт войны, и битва будет кровопролитной, и длиться будет не один год. Но не все им верили.

Мирная отлаженная жизнь стала меняться у Евдокии и её сверстниц буквально на глазах. Война требовала не только быстрых, но и неординарных решений. С работы приходил муж и рассказывал, что из МТС забирают в армию не только людей, но и тяжёлые трактора, автомашины. Трактористов и комбайнёров должны заменить женщины. Каждому уходящему на фронт необходимо на своё место подготовить замену. Бронь распространялась только на узких специалистов и руководящий состав.

По колхозам ездили военные ветеринары и отбирали для нужд армии лучших лошадей. Подруга Оксана рассказала, что из конторы «Госрезерва» в кавалерийские части уже давно отправили всё конское поголовье. Ушли и все продуктовые резервы. Всё чаще звучал призыв убрать урожай без потерь. Все меньше и меньше мужчин оставалось на колхозных полях. Забыли колхозники и за выходные. Женщины, у которых была возможность оставить детей на стариков, ночевали в бригадах. Сами колхозники оставались почти без хлеба, а урожай 41-го года целиком нужно было отправить в фонд обороны страны.

Тяжело работать, но тяжело и жить. Ещё выручают подсобное хозяйство да старые запасы. А сводки с фронтов всё хуже и хуже. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, немцы всё глубже продвигаются внутрь страны. Они захватили Гомель, Барановичи, Минск. Потери, несомненно, серьёзные. Но та весть, что упорные бои идут за Киев, вызвала у людей состояние шока.

Война требует всё больше и больше людских резервов. На железнодорожном вокзале каждый день провожают мобилизованных. Мимо идут эшелоны с солдатами. Война поглощает огромные материальные ресурсы, а главное — живую силу. У Евдокии на фронте уже два дяди, у мужа Фёдора — два родных брата. Подошла очередь и брата Евдокии Ивана. Иван ещё до войны отслужил действующую службу и готов задать немцам перцу. День его проводов запомнился близким, особенно Евдокии, надолго.

Иван, признанный песенник и музыкант, взял с собою гармонь. При прощании с близкими, обнимая оставшегося «на броне» брата Никиту, сестёр, взял на руки детей, поцеловал жену и, на время утратив былую уверенность, с грустью обронил: «Ны ждить братыку, сыстрычкы, диткы, и ты, Маруся, мэнэ живым с хронту. Писня повыдэ мэнэ в бой за Родину, за ридну Кубань; и я буду тилькы впэрэди, и солдаты за мною... Ны плачтэ по мини. Як шо прыйдэ на мэнэ похоронка, то ны тужить. Знайтэ, шо свою жизнь я продам дорого, накосю немцив из пулемёта нымало. Як шо найдытэ батюшку, то отслужитэ по мини молэбинь. И знайтэ, шо в ций войни погыбнуть миллионы».

Закончив свою речь, он подошёл к матери, опустившись перед ней на колени, стал целовать ей руки. Мужественная женщина, много повидавшая и пережившая, еле сдерживая слезу, успокаивала сына: «Ну шо ты, сынок, ны хороны сэбэ. Твий покойный батько чотыри войны пройшов и, абы ны голодовка, то був бы з намы. Воюй, сынок, достойно. Хай Божа Матир защитыть тэбэ. Ось тоби мое матырыньскэ благословление и иконка Богоматыри. Бырыжи йийи, сынок. Вона защитыть тэбэ от пули».

Вереницей потянулись полные тревоги дни. Евдокия уже не раз вспоминала тот роковой сон в ночь на 22 июня. Всё чаще война касалась своим чёрным крылом её семьи. Пропал без вести двоюродный брат Николай; пришла повестка и жениху родной сестры Анны. За два дня до войны они подали в сельсовет заявление на регистрацию брака. Даже подвенечное платье было пошито. И вот теперь она остаётся ни невестой, ни женой. Сколько их, таких девчат, будет ещё по всей стране?!

Работа и заботы сменяли друг друга. На смену лету пришла осень. Очень трудно стало в колхозе без мужских рук. Обстановка на фронте становилась всё хуже и хуже. Враг, не считаясь с потерями, рвётся к Москве. Это направление обороны считается главным и стратегическим. Поговаривают о приближении немцев к Воронежу, а возможно, и к

Ростову. Среди некоторых лиц сложилось мнение, что фашисты на Кубань никогда не придут.

Но и об этом не знали ни Евдокия, ни многие колхозники, уделом жизни которых теперь стал изнурительный труд. Война жестоко скорректировала жизнь тружеников в целом. Старшая сестра Евдокии, потерявшая в голодомор всю семью, теперь работает и спит на элеваторе, своём рабочем месте, неделями не появляясь дома. Сам элеватор работает в режиме военного времени, отправка зерна идёт круглосуточно. Время торопит — хлеб до зарезу нужен армии. Урожай 41-го года почти убрали, а по колхозам поговаривают, что на трудодень будут давать меньше килограмма. В сравнении с предыдущим годом это крохи. И всему виною война.

Народ надеется, что война всё же обойдёт Кубань стороной. Сейчас на строительство оборонительных укреплений под городом Ростовом мобилизуют гужевой транспорт и людей. По колхозам собирают телеги-«шарабаны» и редкие автомашины. Теперь по степным дорогам в сторону Ростова передвигаются потоки транспорта и людей. Скоро очередь дошла и до Евдокии. Несколько десятков молодых женщин и девчат из колхоза им. Ворошилова были направлены на рытьё траншей и противотанковых рвов. Пришлось одеться по-осеннему, взять с собой пропитание и отправиться в дорогу: туда, где идёт война, где одна неизвестность и лишения.

Нам, живущим уже в XXI веке, сегодня и не представить, что до Ростова можно добраться пешим ходом. А тогда это было обычное дело. На телегах подвозили только уставших и приболевших — берегли лошадей.

Хоть и трудно было идти, да ещё и нести котомки, но к месту добрались без происшествий. И там Евдокия увидела огромный человеческий муравейник.

Работать приходилось с раннего утра до позднего вечера. Руки, казалось, приросли к лопатам. Потом долго ещё сходили кровавые мозоли. Спали в полевых условиях, готовили еду на кострах. Хоть город и помогал, чем мог, но накормить такую массу людей, конечно, было непросто. Страшила обстановка, становившаяся всё более напряжённой и непредсказуемой. Отчётливо слышался грохот артиллерийской канонады, предвещавший быстрое появление немецких войск. Пока погода позволяла работать, оборонительный рубеж почти подготовили. С наступлением распутицы и холодов людей стали отпускать по домам вместе с транспортом.

Обратный путь всем казался зримо короче, и через три дня Евдокия с девчатами уже были дома. Едва успела привести себя в порядок, как из колхоза прибыл посыльный с приказом выходить на работу. Там на вес золота была любая пара рук. Даже пожилому свёкру нашлась в колхозе работа.

Радио передавало безрадостные сводки «Совинформбюро». Дошли слухи, что бои идут уже за Ростов. В один из дней в колхозе появились военные. Собрали собрание, и те выступили с обращением к колхозникам.

Оказывается, на южном крыле фронта сложилась критическая обстановка, усугубившаяся ещё и осенней распутицей. Именно из-за неё стало трудно доставлять обороняющимся патроны, снаряды и продукты питания. В связи с этим было принято решение сформировать из женщин-колхозниц специальные отряды по доставке в город Ростов продуктов питания.

В первую очередь это коснётся тех женщин, которые уже работали на строительстве военных укреплений на ростовской линии обороны. Именно они бывали уже под бомбёжками и артобстрелом. Согласно мобилизационных планов, в списки будут включены бездетные и незамужние женщины, а также имеющие одного ребёнка, при условии, что его можно на кого-то оставить. Евдокия с двоюродной и родной сёстрами и подругами, побывавшие в своё время «на окопах», вошли в списки сразу.

В тот же день из женщин колхоза им. Ворошилова сформировали группу в полсотни человек и отправили в сельсовет, где их ждала медкомиссия. Таких отрядов было много — практически от всех колхозов. Медосмотр проходил быстро: всех взвешивали и с учётом веса определяли, насколько будет тяжёлым переносимый груз. После всех формальностей женщин отпустили по домам, условившись, что утром следующего дня все соберутся вновь у сельсовета. За группой «ворошиловцев» была закреплена телега с возничим.

Утром каждая из групп получила маршрутное задание, накладные, документы, а каждая из женщин — заплечный мешок с пшеном, крупой, сухарями. Евдокия как старшая проверила у всех экипировку, а также крестики, обойдя комсомолок.

Дорога была дальняя, полная тревоги и неопределённости. Шли гуськом, придерживаясь степных дорог. Сложностей, кроме преодоления бездорожья, в пути не было. Добравшись к вечеру до большого хутора, решили заночевать в окраинных хатах. Жители поделились пропитанием, напоили чаем. Но главным было для путешествующих — отогреться и поспать. Переночевав, с рассветом вновь двинулись в дорогу.

За станицей Кущёвской путь на Ростов лежал через поля, балки, лесополосы. Ноги утопали в грязи, что отнимало немало физических сил. Пожилой возница Макар Федотович заботился в дороге о своих подопечных, как мог: подвозил уставших, подбадривал идущих, подвозил вещмешки, кому было особенно тяжело. Когда стал слышен отдалённый гул канонады, в рядах идущих появилась тревога. Во время очередного привала Макар Федотович собрал вокруг себя всю группу,

чтобы «дать наставления». Речь его была краткой: «Шоб вы, дивчата, ны осыротылы своих диток и матырив, у кого воны, дай йим Бог, выжилы в голодовку, знайтэ, шо у гырманцив зараз багато самолётив и бонбив. Воны ны посуромляцця стрылять и бонбыть мырных людэй. У ту «гырманьску» у йих уже булы эропланы и воны былы нас з воздуху ны жалиючи. А шо будэ щас, и сказать страшно. Як шо появляцця ихни эропланы — розбигайтэсь зразу у разни стороны. И подальше од мэнэ и моей конякы, бо я дуже для йих прымитный. Падайтэ лыцем уныз и ны ворочайтэсь. Сумкы хай на вас, сумка може выручить, спасты од осколкив и пуль».

Выслушав Федотовича и передохнув, отряд продолжил свой путь. Уже вечерело, когда они подошли к железнодорожному переезду, у которого стояла будка путевого обходчика. Едва миновав это место, услышали гул самолётов. Со стороны заката летели три чёрных с крестами машины. Поступила команда Федотовича: «Девчата, разбегайтесь!» Побежали, кто куда. Только старому казаку бежать некуда. Его лошадка, отличавшаяся кротким нравом, от воя пикирующих бомбардировщиков как будто взбесилась. Пришлось старику держать её, насмерть испуганную.

Евдокия, вжавшись в сырую землю, слышала душераздирающий вой бомб и пулемётные очереди. Немцы бомбили железную дорогу, приближавшийся на всех парах железнодорожный состав, а заодно — разбросанных по полю людей.

Евдокия сначала про себя, а потом громко вслух читала «Отче наш» и «Верую...», моля об одном: чтобы самолёты побыстрее улетели. Дрожала земля, свистели осколки, комья земли били по телу. Ахнуло где-то рядом. Евдокию на время оглушило и присыпало землёй, она даже потеряла ощущение реальности. Когда всё стихло, она с трудом освободилась от давившей на неё земли. Встать же было трудно: кружилась голова, шумело в ушах. Первое, на что она обратила внимание, — это отсутствие телеги и лошади. Не было нигде и Макария Федотовича.

Стали подниматься и остальные. Вскоре вся группа была в сборе. У Глаши и Нюры обнаружили лёгкие ранения. Их перевязали, чем могли, и забрали у них мешки. Лишь не было нигде их конного экипажа. Только на предполагаемом месте остановки ещё дымилась воронка. Всего-то и нашли они от деда — обрывок заячьей шапки да обломок дышла с кусками упряжи. Поглядев по сторонам, увидели, что нет и будки обходчика. Вроде, как её и не было. Вдалеке от насыпи догорал железнодорожный вагон. Погоревав по поводу утраты телеги с мудрым возчиком, двинулись дальше.

Потом они до конца дней своих поминали добрым словом погибшего наставника. Многие, по сути, были обязаны ему жизнью. И когда в победном 45-ом они встречали День Победы, все, не сговариваясь, выпили за упокой души Макария Федотовича.

Меж тем ночь заставала их в дороге. Похолодало, моросил мелкий дождик — ситуация не из лучших. И тут вдалеке забрезжили огоньки: один, другой... Хутор!

Это придало сил, и вскоре путешествующие уже отогревались у хуторян. В то военное лихолетье дать приют людям, оказавшимся волей судьбы в дороге, было делом обычным. Жители делились кровом и куском хлеба бескорыстно. Переночевав, задолго до рассвета группа отправилась в путь. Где-то впереди были город Ростов и неизвестность.

Как оказалось, впереди их ожидало ещё одно испытание. Когда рассвело, группа подошла к реке Дон. В дымке рассветных сумерек виднелся железнодорожный мост. Один пролёт моста был взорван. Оставшиеся его части соединяла мощная железная балка. Оторопев, женщины остановились перед препятствием. Потоптавшись на месте, они поняли, что наклонная балка — это средство переправы, и не иначе. Всё время поглядывали в небо, боясь самолётов. Но переправляться на другую сторону без моста тоже было страшно.

Неожиданно появилась группа солдат (около полувзвода) с винтовками. Они тоже сначала стушевались. Вперёд вырвался малорослый разбитной солдатик. С криком: «Не боись, девчата! Семи бедам не бывать, а одной не миновать», оседлал железную балку, обхватив её ногами, и заскользил по железу. Очутившись на противоположной стороне, он замахал руками. Солдаты взяли у нескольких оробевших девчат вещмешки, готовясь к переправе. Решилась переправляться и Евдокия. Перекрестившись, под одобрительный гомон солдат она оседлала балку и поехала вниз. Всё получилось как-то само собой, если, конечно, смотреть со стороны.

Как потом она рассказывала девчатам, сначала страх сковал всё её тело, потом она закрыла глаза и, читая молитву, отдалась Божьей воле. Очень страшно было смотреть вниз. Там, внизу, у опор моста бурлила вода.

Очутившись на другой стороне, отдышавшись и придя в себя, она стала махать руками своим подругам. Те робко, по одной стали тоже переправляться. Чтобы женщинам было легче, между ними переправлялись по двое солдат, помогавших переправлять ношу раненых. Остальные, подбадривая девчат репликами и уговорами, помогли женской группе переправиться в полном составе, подстраховывая легкораненых. Сами же солдаты, молодые и здоровые, с лихостью пронеслись по железной балке. Уже в конце переправы Евдокия с Феней расспросили у солдат о местоположении артиллеристов, для которых и предназначались продукты. На этом пути солдат и женщин разошлись.

За Доном картина была удручающей. Кругом виднелись следы бомбёжек, разбитая техника, телеги, убитые лошади и люди. Страшно было смотреть на отдельные фрагменты человеческих тел. Здесь бог войны, безжалостный и кровожадный Молох, обильно собрал свою дань. Очень много было повреждённых домов и строений. На дорогах — глубокие колеи, по которым, часто буксуя, ползли автомашины. Едущие в кузовах перемазанные в грязи солдаты дружно толкали машины, которых вдоль обочин застряло немало. Водители в отчаянии «голосовали» и просили помощи. Не раз и женщины выталкивали из грязи такие машины, загруженные ящиками со снарядами, продовольствием, патронами и другим военным имуществом, так необходимым фронту.

Дальше путь отряда Евдокии лежал к городу. Отчётливо стала слышна канонада. В небе начали появляться немецкие самолёты, которые, по-видимому, интересовала только линия обороны. Часто воздух прошивали трассы пулемётных очередей. Было очень страшно, но идти всё равно надо.

Вскоре женщины вышли в расположение пехотной части. Перед ними предстали худые, измождённые, усталые до невозможности солдаты. Небритые, они все казались на одно лицо. Узнав, что женщины несут продукты, они пожаловались, что уже двое суток без горячей еды, так как разбомбили кухню, и сухой паёк тоже закончился. Девчата тут же поделились с бойцами собственным пайком: салом, сухарями, крупой. Тяжко было видеть, как жадно ели изголодавшиеся бойцы. Некоторые из них жевали даже сухое пшено. Такова была изнанка суровой фронтовой жизни.

А тут ещё привязались «мессеры», да так, что нельзя разжечь костры: ни обсушиться, ни обогреться. Осмотревшись, Евдокия увидела, что у кого-то из бойцов шинель на два размера больше, у кого-то разбитые ботинки с обмотками, ещё летние гимнастёрки, давно уже не стиранное бельё. Сразу была видна работа для женских рук.

Наученная опытом работы на окопах, Евдокия и теперь взяла с собой ножницы, нитки, иголку и даже бритву. И вот теперь, вместо того чтобы отдохнуть от утомительной дороги, она стала подрезать солдатам шинели, зашивать изорванное обмундирование. А бритва сразу пошла «по рукам». Солдаты несказанно обрадовались неожиданной помощи женщин, оказавшейся так кстати.

На ночь женщин разместили в блиндажах и в каком-то уцелевшем строении, хоть и без стёкол, но зато с целой крышей. Пехотный командир сообщил, что утром прибудет повозка от артиллеристов — за продуктами, которые принесли для них женщины.

Утром повозка, действительно, приехала. Пехотинцы, оставив часть пропитания у себя, остальное загрузили в повозку. Всё тот же пехотный капитан, оформив приёмные документы, отдал их Евдокии и попросил женщин задержаться ещё.

Вскоре прибыл на полуторке командир артиллерийского дивизиона. Поблагодарив женщин и колхоз за оказанную помощь, он попросил нескольких девчат остаться в их гаубичном дивизионе. Дело в том, что артиллеристы понесли серьёзные потери, и некому

было подносить снаряды, и ещё — им нужны санитарки. Все необходимые документы он обещал оформить и поставить добровольцев на воинское довольствие. И добавил, что заставлять кого-либо не имеет права, останутся только добровольцы. И, потупив глаза, сказал, что идёт на эту меру с тяжёлой душой: если, не дай Бог, что случится с девчатами, то ему не отмолить этот грех до конца своей жизни. Будет ли долгой его жизнь, ему неведомо — война...

Евдокия как старшая вызвалась первой, так как у неё один ребёнок и на хозяйстве старики. Вслед за ней вызвалась и сестра Анна. Да только той командир отказал сразу, пояснив, что ещё один грех он на себя не возьмёт. Этот уже немолодой майор, прошедший три войны, сказал просто и обыденно: «В бою всё бывает, поэтому, жалея вашу пожилую мать, я оставлю только одну из вас»... Да, война тяжкая и кровавая была его работой, но работой, не сравнимой ни с какой другою.

После недолгих обсуждений добровольцев набралось около двух десятков. Отряд новоиспечённых военнослужащих погрузился в полуторку, офицер сел в кабину, и машина тронулась. Перед отъездом майор напомнил, что при бомбёжке необходимо немедленно покинуть машину, бежать подальше и искать окоп или воронку. Но путешествие обошлось без приключений, если не считать того, что машину не раз приходилось вытаскивать из грязи.

По прибытии добровольцев внесли в списки, распределили по батареям. Нескольких девчат после недолгого обучения определили в санитарки. Из обмундирования выдали солдатские брюки, так как в них легко можно ползать по земле. Посмотрев на себя и вдоволь насмеявшись над комичным видом, все разошлись по своим местам.

Евдокия стала подносчиком снарядов у артиллерийского орудия. Кроме неё, возле орудия было ещё три бойца: командир орудия — старший сержант, наводчик и заряжающий — солдаты. Ребята молодые, но они уже успели повоевать.

На новом месте события развивались стремительно. Утром началась артиллерийская подготовка. Подключилась и третья батарея. От выстрелов закладывало уши. Сизый дым стелился над позициями. Евдокия перемещалась, пригнувшись. А когда позади орудия разорвался снаряд, то стала перемещаться ползком, таская за собой в мешке по два снаряда. Её путь был от снарядных ящиков — до орудия. Притащив снаряды, она передавала их в руки заряжающему, и снова отправлялась за снарядами.

Было не очень страшно, пока немцы не стали обстреливать позиции батареи. Бомбёжка на железнодорожном переезде была «цветочками». Евдокия ужаснулась от мысли о том, каковы же будут «ягодки». Там хоть можно было лежать, вжавшись в землю, а здесь залёживаться нельзя.

Немцы, меж тем, пристрелялись, взрывы вражеских снарядов приближались к батарее. В воздух поднимались фонтаны земли, взрывная волна била по ушам. Когда обстрел становился совсем невыносимым, артиллеристы прятались в вырытую щель. Стоило вражеской стрельбе хоть чуть-чуть стихнуть,

как орудийный расчёт вновь появлялся на своём месте. Их батарея была конной. Коноводы с лошадьми всё это время находились в овраге. Слава Богу, туда не попал ни один вражеский снаряд. Евдокия понимала, что их батарея — участник артиллерийской дуэли, и что где-то впереди находится позиция фашистов. Её воображение рисовало образы ненавистных врагов такими, каких она видела на плакате в их колхозном правлении, где гитлеровский солдат был изображён со свирепым лицом убийцы детей.

Постепенно грохот боя стал отдаляться. Артиллеристы понемногу приходили в себя. Соседнее орудие было повреждено. В расчёте тоже были потери. Тяжело ранен осколком в ногу командир орудия. Ему всего лет тридцать пять, родом из Барнаула. Прошёл невредимым всю финскую кампанию, а сейчас, похоже, отвоевался. Его перевязали и оставили ждать отправки в медсанбат, а потом в эвакогоспиталь. Командир пытается бодриться, но лицо бледное, покрыто бисеринками пота. Видно, ранение серьёзное. Вокруг же всё перепахано снарядами. В соседней батарее — серьёзные потери, все санитарки там.

Но передышка была недолгой. Где-то немцы опять шли в атаку.

Поднеся несколько снарядов к пушке, Евдокия попросила у лейтенанта, корректирующего орудийный огонь, бинокль, чтобы увидеть поле боя. Поле было далеко. По нему ползли игрушечные танки, бежали едва различимые фигурки немецких пехотинцев. В ней закипела ненависть к этим людям, пришедшим на её землю, чтобы убивать. А скоро будут убивать и их. И она, женщина, дочь, жена и мать, совсем не жалеет этих нелюдей. Ведь она совсем недавно видела, как они пытались убить её и её новых товарищей. Ей до слёз было жалко тяжелораненого сержанта. Дай Бог ему выжить, ведь у него трое детей. Дай Бог ему вернуться домой, хоть и инвалидом. Евдокия как никогда остро ощутила всю жестокость и противоестественность войны.

Сколько уже людей погибло! А пока её нет дома, может, и мужа уже забрали на фронт. От мысли, что его тоже могут ранить, а то и убить, ей стало страшно. Рванув ворот фуфайки и оторвав пуговицу, она глубоко дышала, вдыхая холодный воздух. Женским чутьём она ощущала, что самая страшная война ещё впереди. Но размышления пришлось прервать. Вновь заговорила батарея, и Евдокия бросилась к снарядным ящикам. Её задача — подносить снаряды. Она ощутила, что привыкает к разрывам вражеских снарядов и сумасшедшему грохоту боя. О собственной смерти мало думала, мысленно молясь за своих товарищей, пехотинцев, идущих в атаку на немцев, за исход боя. Она потеряла счёт времени и пришла в себя, ощутив, что грохот боя стих. Лейтенант, только что переговоривший по полевому телефону, сказал, что немецкую атаку отбили, и их расчёт отлично поработал.

Наступило затишье. В такие минуты солдаты приводят в порядок себя и позиции. Евдокия помогала девчатам-санитаркам Поле и Тане резать марлю на бинты. Нашлась и ещё работа. В соседней батарее опять были раненые. Ночь прошла спокойно. А утром подморозило. Это намного лучше, чем грязь. Ещё один день стояло затишье. День особенно бы не запомнился Евдокии, если бы командир батареи не послал её в соседнюю батарею за продуктами.

Неподалёку от артиллеристов расположилась группа моряков из состава бригады морской пехоты. Все в красивой чёрной форме, вооружены автоматами. Форма на них сидела ладно, не скажешь, что недавно их вывели из тяжёлого боя. Там Евдокия столкнулась лицом к лицу с молодым красивым офицером. Что-то знакомое почудилось ей в этом облике. Потом она узнала Петра — сына их соседа Акима Петровича. Тогда она вспомнила: отец ей рассказывал, что сосед ещё летом должен был окончить мединститут.

Пётр тоже узнал Евдокию и пояснил ей, что он у морских пехотинцев служит командиром медсанбата. Ещё рассказал, что его отец, невзирая на возраст, пошёл на фронт добровольцем и воюет где-то неподалёку. У моряков тоже были большие потери, поэтому они попали на переформирование. Пётр выразил уверенность, что Ростов наши войска не сдадут. На прощание он передал привет своей матери, близким, сожалея, что не может с ними встретиться сам и обнять их. Очень сокрушался, что не провожал отца на фронт. Потом, вспомнив что-то, попросил Евдокию подождать. Когда он вернулся, то передал ей в руки санитарную сумку с медикаментами. С тем они окончательно и расстались.

Пётр был на шесть лет моложе неё, красивый и статный. От одной мысли, что он может погибнуть в бою, она содрогнулась. Нежданная встреча навеяла ей тоску по дому, по дочери, мужу, близким.

Ещё один день на фронте прошёл без происшествий. Зато следующий, конца ноября 1941 года, запомнился на всю жизнь.

С раннего утра Евдокия с подругой Феней помогали новому повару кашеварить у полевой кухни, которую разместили в небольшой ложбинке, чтобы «не засветить» позиции. И тут налетели немецкие самолёты. Оставив кухню, все кинулись в траншею, но, не добежав, попадали на землю. Евдокии досталась полузамёрзшая лужа. Хоть и холодно было, она лежала, не шевелясь. А в небе шёл бой.

Откуда-то вынырнула тройка краснозвёздных истребителей, разорвав строй немцев, изготовившихся к бомбометанию. Некоторые, испугавшись, сбросили бомбы, куда попало. Боясь поднять голову, Евдокия чувствовала, что наши самолёты расстроили все планы фашистских асов. Рёв двигателей, грохот взрывов слились в сплошной звук.

И тут высокий вой зашедшего в атаку немецкого самолёта поменялся на низкий, приближающийся к земле, гул. Евдокия скорее

почувствовала, чем поняла, что этот уже отвоевался. Догадку подтвердил взрыв.

Но, похоже, фашисты не отказались от попытки разбомбить позиции наших войск. Евдокия, слыша взрывы авиабомб, все звуковые эффекты боя, молила Богородицу, чтобы Она уберегла и защитила их. Потеряв счёт времени, почувствовала, что её фуфайка вмёрзла в лужу. И когда всё, наконец, стихло, с трудом оторвала одежду ото льда. Времени на размышления не оставалось. Орудие их было цело, возле него суетился орудийный расчёт. Где-то впереди продолжался бой, и артиллерийская поддержка оказалась кстати.

Сопоставляя рассказ комбата о падении Ростова с тяжёлым положением на фронте под Москвой, Евдокия всё же верила, что у немцев не хватит сил развивать наступление на Кубань. Её мысли были прерваны новым налётом. На этот раз самолётов было намного больше. Из траншеи она видела, как от самолётов отрывались чёрные точки и стремительно неслись к земле.

Стало страшно, и ей казалось, что все эти бомбы падают на неё. Да только одна прилетела неслышно. Внезапно вздыбилась земля и с силой обрушилась на Евдокию. Мгновенно всё потемнело, и она провалилась в пустоту. Очнулась уже в госпитале. Белый потолок и стены. Болит и кружится голова. Левая рука вся в бинтах, в голове тупая и ноющая боль.

Во время утреннего обхода пожилой военврач сказал, что она ещё легко отделалась. Бойцы, откопавшие её и доставившие в госпиталь, сказали, что бомба разорвалась рядом. И то, что она жива, — просто чудо. Как чудо и то, что, несмотря на контузию, раненую руку и воспаление лёгких, она идёт на поправку. Доктор всё это отнёс на счёт крепкого молодого организма. Но ей нужно было ещё подлечиться.

А город Ростов наши войска освободили полностью. Освобождён был и Таганрог.

Тогда, в ноябре 1941-го, в потоке отступающих немецких войск под Таганрогом была впервые замечена сотня из донских казаков, находившихся на службе у немцев. Вооружённые автоматами ППШ, с холодным оружием, в традиционной казачьей форме, они вызывали удивление. Но всё ещё было впереди. Впереди были «власовщина», зверства на оккупированных территориях айнзатцкоманд, ягдкоманд, состоящих целиком из «отечественных» подонков. Мир ещё содрогнётся от трагедий Бабьего Яра, деревень Лидице и Хатыни...

Советские войска, освободившие Ростов и Таганрог, взяли курс на Синявку и Донбасс. Угроза прорыва немцев на Кубань миновала. В госпитале уже не раз побывали девчата и принесли новости. При той бомбёжке ранило ещё двоих девчат, но их уже выписали. А всю группу колхозниц отправят по домам, уже скоро. Немцев далеко отогнали от Ростова, они терпят поражение под Москвой. От этих разговоров Евдокия считала часы пребывания в госпитале. Несколько раз обращалась к врачу с просьбой выписать её. Уговоры длились три дня. После этого главврачу пришлось сдаться. Задержка была лишь в оформлении документов, нужно было подождать ещё один день. Но терпение у Евдокии было на пределе, да ещё взбудоражили девчата. Они, считай, с ранней осени не были дома, а за окном уже декабрь.

Главврачу она сказала, что документы о работе группы получила, а что касаемо справок о ранении и участии в военных событиях, то они ей, наверное, не пригодятся. Главврач сокрушённо покачал головой: «Милая моя, вы делаете большую ошибку. Впереди, хоть и не скоро — Победа и мирная жизнь, верить будут не словам, а документам. И многие ещё будут примазываться к нашей Победе».

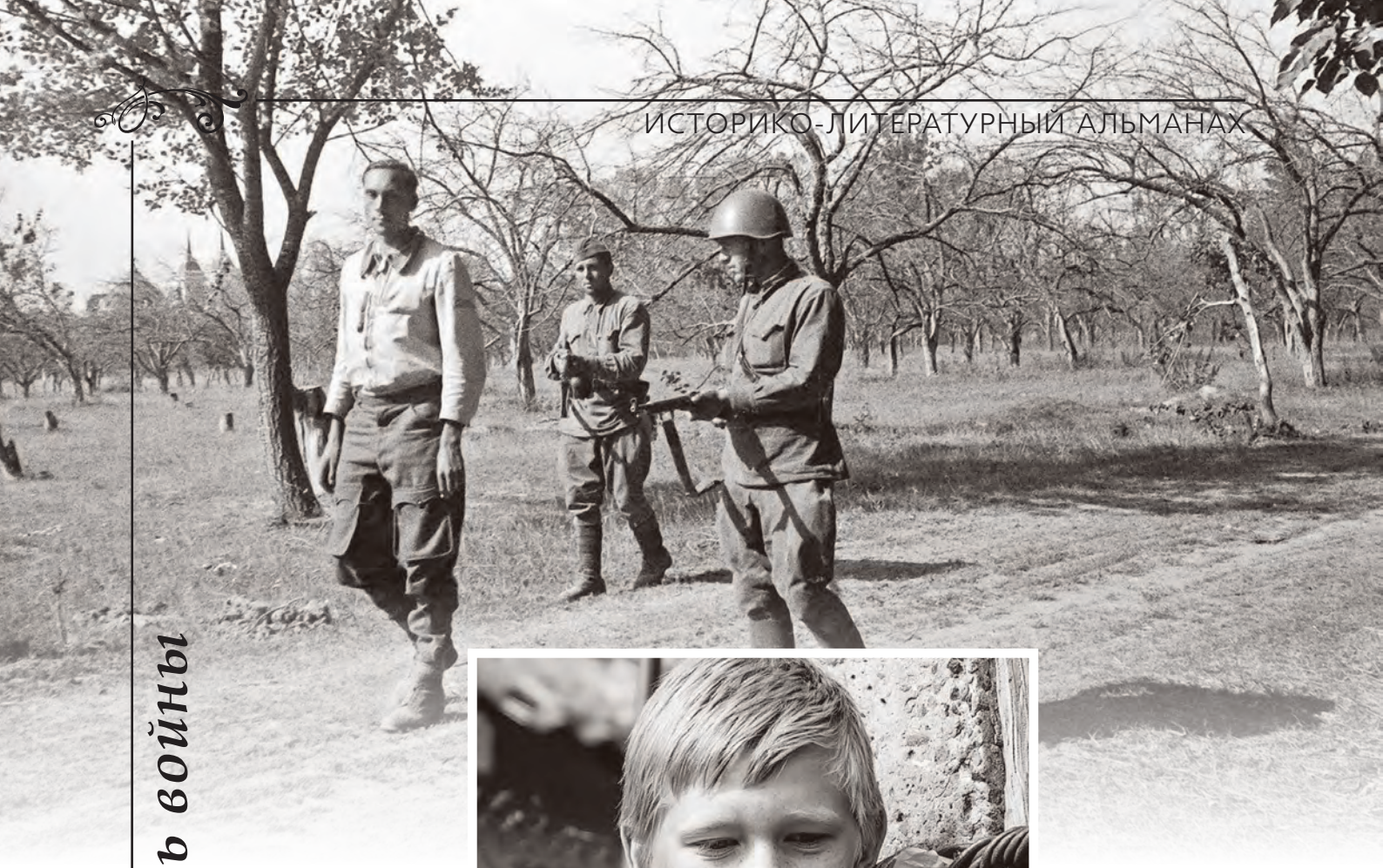
Обратный путь для Евдокии был несравнимо тяжёлым — совершенно не было сил. А вот в моральном плане было значительно легче, близость дома прибавляла сил. Мост через Дон был восстановлен, и переправа произошла без проблем. Да и груз за плечами не тяжёлый. Русские женщины ещё многое перенесут на своих плечах.

Радость встречи с близкими заставила забыть наказ, чтобы дома не задерживались — время военное, и каждая пара рук на счету. Евдокии и нескольким женщинам, умеющим шить, поручили шитьё казачьей формы для почти уже сформированной сотни казаков. Сотне надлежит войти в состав казачьего полка, который дислоцируется в станице Брюховецкой. Полк, в свою очередь, войдёт в состав 17-го Кубанского кавалерийского казачьего корпуса. Из рессор кузнецы ковали казачьи шашки, кинжалы. Шорники шили конскую упряжь, уздечки, сёдла и многое другое из снаряжения кавалеристов.

Умевшую кроить Евдокию определили на самые ответственные операции. Шили черкески, бешметы, шапки-кубанки. В экипировке казаков участвовали колхозы, предприятия, трудовые артели и просто жители района. Не хватало сапожников, тогда к делу приставили стариков, могущих держать в руках сапожный инструмент. Дни мчались в веренице событий и военных сводок. Главная из них — разгром немецких войск под Москвой. Радость победы придавала сил всем, кто неустанно трудился в тылу и вместе с войсками ковал хоть и не окончательную, но победу.

Пришла весна — первая весна военного времени. Трудности весеннего сева были неисчислимы. Не хватало не только тракторов, но и лошадей. Если бы только эта беда! Совсем нет трактористов, прицепщиков, комбайнёров. Просто нет мужских рук. Ещё зимою открыли краткосрочные курсы механизаторов при МТС. Курсанты — женщины и подростки, которые и были основной движущей силой в колхозах. Работали от темна до темна при скудном питании, при отсутствии элементарных бытовых условий.

Продолжение следует.



Владимир КАПУСТА

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОДЧИК

Невыдуманная история

Много лет прошло с тех пор, как минула война, но во времена моего детства почти все взрослые, окружавшие меня, были её участниками. Они рассказывали много разных, как трагических, так и курьёзных, весёлых историй. И вот одна из них.

Шёл август 1942 года. Немцы заняли Ростов-на-Дону и наступали на кубанские станицы. А в это время в нашей станице, как и в других окрестных, формировались казачьи сотни, и много местной детворы тоже хотело попасть в их строй. Кто-то в своих документах исправлял дату рождения, приравнивая её к призывному возрасту, а кто-то придумывал себе какие-то военные специальности, нужные для фронта.

Однажды один местный мальчишка по имени Никитка случайно услышал, что казачий

сотник Емельян срочно ищет переводчика с немецкого языка. Никитка вспомнил, что два года в школе учил немецкий. Он подумал, что это шанс попасть на фронт. Придя в штаб казачьей сотни и встретив там знакомого казака из числа наших станичников, мальчишка попросил его, чтобы тот передал сотнику Емельяну, что он, Никитка — сын Митрохи, может говорить с немцами «по-ихнему». Эту новость срочно доложили в казачий штаб, после чего Никитку посадили на лошадь и переправили в расположение казачьих войск. Прибыв на передовую, сопровождающие подвели Никитку к казачьему сотнику, который посмотрел на него и спросил:

— Откуда знаешь немецкий?

И Никитка, что цыган на рынке, стал ему правдоподобно рассказывать, как он в школе хорошо учил немецкий. И ко всему жалобно добавил:

— Возьми-и-те меня на фронт…

— Ладно, — сказал сотник Емельян, — на фронт взять не обещаю, но живого немца покажу. Пойдём в землянку и будем допрашивать пленного. Так что будешь переводчиком.

Оба вошли в землянку и сели за стол. Вслед за ними в сопровождении конвоя привели пленного немца — рядового солдата. У Никитки при виде живого врага округлились глаза и открылся рот, а сотник долго молча смотрел на немца, как будто пытался прочитать его мысли, но, кроме испуга, на лице ничего не увидел. Продолжая пристально смотреть в его вражеские глаза, сотник спросил:

— Ты кто?

В землянке повисла зловещая тишина, все настороженно молчали, поглядывая друг на друга.

После минутной паузы сотник повернулся к Никитке:

— Ты слышал, что я сказал?!

Тот испуганно ответил:

— Я кто? Я — Никита, Митрохин сын…

— Я сказал, спроси у немца! — злобно прорычал сотник.

Никитка так растерялся, что даже забыл, зачем он здесь, и, глядя на немца, крикнул ему по-русски:

— Ты кто такой, фашистская морда?

Немец, не понимая сказанного, но, по всей видимости, догадываясь, что от него хотят, так же громко ответил ему по-немецки:

— Их бин золь-да-тен! [1]

Сотник, глядя на Никитку, спросил:

— Ну и чё он сказал?

А тот, впервые услышав незнакомую речь и пытаясь сравнить её со своим скудным запасом немецких слов, но не найдя среди них похожих, быстро, как и положено переводчику, пробормотал:

— Кажись, немец просит бинт и соль, товарищ сотник.

Сотник почесал затылок и, понимая, что тут что-то не так, задумчиво посмотрел на Никитку и спросил:

— И на шо ему соль?

Никитка, сдвинув брови и грозно посмотрев на немца, «перевёл» вопрос:

— А на шо тебе, фашистская морда, золь-датен?

Немцу показалось, что его понимают, и он ещё громче крикнул, утвердительно замотав головой:

— Я! Я! Их бин золь-датен! [2]

Услышав ответ, Никитка подумал, что разговор у него с немцем получается, как по-настоящему. Довольный собой, он перевёл услышанное:

— А-а-а-а… Так это ж нимыць сказав, шо «Я, я сам вам дам бинт и соль!»

Сотник, всё-таки подозревая что-то неладное, подумал: «Либо немец — дурак, либо Никитка — брехун. Ладно, выведем шельму на чистую воду!» И, обращаясь к Никитке, грозным голосом приказал:

— А ну-ка, переводчик ты наш, спроси у этой немецкой морды, какая у него военная специальность?

И добавил:

— По-немецки, ты слышишь, скажи ему по-немецки!

У Никитки от сурового взгляда сотника сердце ушло в пятки, а рот и глаза открылись больше, чем у пленного немца. Понимая, что сотник следующего вопроса задавать уже не будет, а со всего размаха может дать ему хорошую оплеуху, Никитка выкрикнул весь свой нехитрый словарный запас на немецком:

— Хенде хох! [3] Гутен таг! [4]

После того как перепуганный немец весь затрясся и поднял руки, сотник взял за шиворот юного переводчика и вытолкал его из землянки. Немец же, решив, что настал его последний час, от страха прыгнул в угол и в истерике закричал:

— Нихт шиссэн! [5] Нихт шиссэн! Гитлер капут! [6]

Немца кое-как успокоили, а Никитку сотник передал уряднику Афанасию со словами: «Отвези этого брехуна к мамке, пущай она его до победы никуда не отпускает».

И, улыбаясь, добавил: «А то этот малый мне всех немцев распугает, я их по всей степи потом не соберу!»

[1] *«Их бин золь-да-тен» — Я — солдат.*
[2] *«Я, Я… Их бин золь-да-тен» — Да, да… Я есть солдат.*
[3] *«Хенде хох» — Руки вверх.*
[4] *«Гутен таг» — Добрый день.*
[5] *«Нихт шиссэн» — Не стрелять.*
[6] *«Гитлер капут» — Гитлеру конец.*

До войны. Пётр Дуленко с супругой Надеждой, сыновьями Володей (справа) и Василием и родственницей Марфой (стоит позади).

Наталья ДУЛЕНКО

ПОЖЕЛТЕВШИЕ СТРАНИЦЫ

Много раз слышала от мужа рассказы о его прадедушке-герое — Дуленко Петре Фёдоровиче. С каким теплом он всегда отзывается о нём, с какой благодарностью!.. Пожелтевшие от времени страницы документов деда и чёрно-белые старинные фотографии, награды, доставшиеся такой дорогой ценой, бережно хранятся на антресолях. Боевые характеристики, наградные листы, карточки учёта и медицинские выписки… Документы потрёпаны, сложно прочитать выцветшие от времени буквы печатной машинки. Попробую разобраться со всеми выписками и справками и узнать судьбу этого удивительного человека.

Пётр Дуленко родился 29 июня 1908 года в станице Крымской Кубанской области (ныне город Крымск Краснодарского края). Отец его Фёдор Игнатович и мать Анна Иосифовна были бедняками, занимались сельским хозяйством. Отец всю жизнь батрачил: работал по найму. В семье, помимо Пети, было ещё четверо детей: Иван — 1906 года рождения, Пантелей — 1910, Вера — 1912 (по другим данным — 1911) и Ульяна — 1916 года рождения.

После Октябрьской революции отца не стало. К тому времени брат Петра Иван Фёдорович работал в станице Крымской по найму, а после Великой Отечественной войны (1941 — 45 гг.) устроился слесарем на консервный комбинат станицы Крымской. Сестра Вера также пошла работать по найму, вскоре в станице Баканской (район города Новороссийска) вышла замуж за механика цементного завода «Пролетарий» В. Миклашевского.

Петя стал беспризорничать. В 1920 году он оказался в детском доме и два года был на по-

печении в детском доме города Темрюка (по другим данным — города Анапы). Известно, что в 1922 году мать, не пережив потери кормильца семьи, отвезла в детский дом и младших, Пантелея и Веру, судьба которых и по сей день не известна.

С 1924-го по 1928 год Петя получал среднее неполное образование в Крымской средней школе, одновременно работал у крестьян по найму.

В 1927 году повзрослевший Пётр Фёдорович вступил в ВЛКСМ, вскоре его приняли в кандидаты ВКП(б).

В том же году Пётр женился на беднячке Полянковой Надежде Кузьминичне. Уже через год у них появился на свет первенец Владимир. Спустя три года, в 1930-ом, родился второй сын — Василий.

Вскоре, через центральную ячейку ВЛКСМ, Петра Дуленко выдвинули председателем построечного комитета консервного комбината станицы Крымской, где он проработал до марта 1937 года.

Потом Пётр Фёдорович прошёл переподготовку в Абинских лагерях командного состава и стал политруком роты. А 14 октября 1937 года был уволен в запас. С этого времени он работал секретарём партийной организации совхоза села Супсех Анапского района.

В семье ходит легенда, что фамилия рода ранее была другой. Родные рассказывают, мол, Пётр Фёдорович, страстно желая учиться в лётном училище, сменил неказистую фамилию «Дуля» на звучную «Дуленко». Так это или нет, история умалчивает. Подтверждающих документов не имеется.

В период Великой Отечественной войны Пётр Фёдорович принимал активное участие в боях против немецко-фашистских захватчиков. Немало выпало на его долю.

С апреля 1941-го по май 1942 года он был политруком авиаэскадрильи 9-ой армии. Пётр Дуленко относился к 1-ой группе учёта 1-го состава, командное воинское звание — капитан, воинско-учётная специальность — лётчик. В мае 1942 года он был в действующей Красной Армии 77-го района авиабазирования.

Согласно справке от 1 февраля 1943 года эвакуационного госпиталя № 2459, *«в боях за Советскую Родину с немецко-фашистскими захватчиками капитан-инструктор 7 отдела 47 армии Дуленко П. Ф. 15 июля 1941 года был тяжело ранен — перелом правой голени, 14 октября 1941 года ранен м/п* (вероятно, межпозвонковое ранение) *спины»*.

В справке от 1942 года за подписью Героя Советского Союза подполковника Крючкова мы находим доклад с указанием места прохождения службы Петра Фёдоровича: *«...участвовал при обороне города Одессы в качестве командира эскадрильи в 257 полку...»* Был награждён медалью за оборону города Одессы.

С мая по август 1942 года работал инструктором 7-го отдела 9-ой армии Штаба 47. Имеются подтверждающие документы, в которых говорится, что в июле 1942-го бригадным комиссаром Спиридоновым политрук Дуленко был послан начальником политотдела 9-ой армии на эвакуацию сёл Яцково и Скрипки Ворошиловградской области. После отхода 9-ой армии Дуленко было приказано *«...собрать всех отстающих людей и ликвидировать десантные группы противника»*.

Согласно боевой характеристике, подписанной майором Левит Л. Г., в этот период работавшим в 7-ом отделе политотдела 9-ой армии старшим инструктором по работе среди войск противника, Пётр Дуленко *«...собрал 250 человек командиров и бойцов и вооружил их. С боями Пётр Дуленко вывел их из окружения. Причём, ликвидировал 3 десантных группы: 1-я группа противника — в селе Поверно, 2-я группа — в селе Сапожкино и 3-я группа — в хуторе Серцево»*.

Пётр Фёдорович переправил людей и лошадей через Дон и привёл их к штабу 9-ой армии в город Батайск. За этот подвиг командованием армии ему была объявлена благодарность. И по приказу № 0284 Дуленко Пётр был представлен к награде и отправлен в отпуск на 19 дней. Согласно документам, в виду различных обстоятельств награда нашла своего героя лишь спустя два года.

С августа 1942 года до октября 1943-го он был инструктором 7-го отдела 46-ой армии.

Справка.
Выдана Каневским РВК
в том, что офицеру запаса
капитану Дуленко Петру Федо-
ровичу по линии Райвоенко-

С 1942 года Пётр Фёдорович поддерживал постоянную связь с партизанскими отрядами. В частности, с отрядами в местностях Славянской и Кагановичской (в будущем — станица Калининская), с Новороссийской истребительной группой и Крымским партизанским отрядом. Благодаря подтверждающим документам и боевым характеристикам мы узнаём, что старший политрук Дуленко П. Ф. получил задание от начальника политотдела 47-ой армии полковника Гаха перейти линию фронта и прибыть на связь с партизанами. Начальник разведки Крымского партизанского отряда подполковник Госбезопасности Жижимонтов дал Петру Дуленко трёх бойцов и направил их на выполнение боевого задания. Группа направилась в тыл врага через населённые пункты Гостагаевскую, Николаевскую, Кугаф, Узуй.

Они выполнили задание, разведав места нахождения и скопления противника: штаб немецкого Ново-Российского фронта, который находился в то время в станице Крымской в 10-летней школе, и, главным образом, юниорские лагеря, где находились советские военнопленные. Захватив с собой шпиона Щербину и предателя Саустяна, Пётр Дуленко представил их на седьмые сутки в штаб 47-ой армии.

На сайте «НЕПОКОРЁННЫЕ» (http://nepokorennye — сайт о местах гибели и захоронений узников концлагерей и мирных жителей на оккупированной фашистами в 1941 — 1944 годах территории СССР) мы находим подтверждение существования во время Великой Отечественной войны концентрационного лагеря военнопленных в коммуне «Володарского» в 12 км от станицы Крымской.

Благодаря действиям Петра Фёдоровича и бойцов началось пешее наступление советской армии и бомбёжка противника авиацией, чем был нанесён сильный урон немецким войскам.

Чуть позже, 24 августа, Дуленко Пётр получил новое задание вместе с бойцами, которые были выделены командующим 47-ой армией в количестве 20 человек под названием «Диверсантская группа в тылу врага». Пробравшись по ущельям и горам вместе со старшим политруком Дуленко и прибыв на место 26 августа, командир разведки разработал план действия в тылу врага.

В план действия ввели 55 человек:

- 12 человек Крымского партизанского отряда;
- 18 человек Славянского партизанского отряда;
- 18 человек Кагановичского партизанского отряда;
- и остальные 7 человек из Новороссийского истребительного отряда.

30 августа, ровно в 12 часов ночи, они подошли к переднему краю обороны противника, бесшумно перешли его по направлению к цели. Пробравшись до коммуны «Володарского» Крымского района, окружили юнилагеря (эти действия дали возможность нашим войскам перейти в наступление и отбросить противника до 5 км), разгромив штаб немецкой части, стоящей в Карасун Базаре, захватив с собой 25 голов скота и взяв пленного румынского ефрейтора с данными о количестве немецких войск, находившихся на территориях Гостагаевской, Кугано Узун, Карасун Базар, Сухазибик.

Перейдя с боями линию фронта, 8 сентября 1942 года представили пленного в штаб 47-ой армии; скот сдали третьему батальону 31-ой дивизии контрвзвода 47-ой армии. Добытые данные от румынского ефрейтора позволили перейти к наступательным действиям.

18 сентября 1942 года Пётр Дуленко получил третье задание — как консультант. Вместе с командиром отряда разработали план и 23 сентября 1942 года тронулись по указанному плану действовать в тылу врага, пробиваясь с бойцами к Крымскому партизанскому отряду.

Ровно в семь часов вечера Пётр Фёдорович с помощником командира Крымского отряда и с группой в количестве 35 человек отправились на задание. Пройдя около 7 км от места нахождения партизанского отряда Крымского района, группа Петра Фёдоровича встретилась с немецко-румынскими войсками. Завязался бой. После часового боя румыны отступили и оставили на поле 45 человек убитыми, 24 винтовки, 18 автоматов, два ручных пулемёта и один станковый пулемёт.

Отразив атаку фашистов и использовав практически весь боезапас, Пётр Дуленко от-

вёл свой отряд с позиций. Умело подобрав линию обороны, окопав бойцов, сохранил весь отряд. Не потерял ни одного бойца! Единственное лёгкое ранение получил сам политрук Дуленко.

После боя группа вернулась в расположение Крымского партизанского отряда и отправилась на пополнение боеприпасов.

27 сентября 1942 года Пётр Дуленко с группой вновь прибыл в партизанский отряд; посоветовавшись, взял проводника и отправился опять в разведку. После четырёхдневного пребывания в тылу врага политрук вернулся назад и отправился в штаб. Обо всех этих подвигах свидетельствует боевая характеристика, подписанная начальником НКГБ Пашковского района Жижимонтовым.

Благодаря медицинской выписке из истории болезни мы узнаём, что 13 октября 1942 года при падении с горящим самолётом Пётр Дуленко получил общую контузию с ушибом позвоночника. Около двух суток он был без сознания, после этого случая у него началось дрожание рук и ног, а также появились припадки с потерей сознания. Любые волнительные ситуации на службе провоцировали приступы эпилепсии. Несколько раз его отправляли на лечение, но службу в Советской Армии Пётр Фёдорович продолжил до конца войны.

Согласно справке эвакуационного госпиталя № 2459 от 1 февраля 1943 года, *«в боях за Советскую Родину с немецко-фашистскими захватчиками капитан инструктор 7 отдела 47 армии Дуленко П. Ф. 15 мая 1943 года получил ранение: 3 пули в левый бок»*.

Командир 2-ой роты 1-го батальона отдельного полка резерва офицерского состава СКВО гвардии старший лейтенант Дмитриев дал 29 сентября 1943 года Дуленко Петру Фёдоровичу следующую характеристику: *«За время службы капитан Дуленко показал себя дисциплинированным, исполнительным офицером... Родине предан... Поручения командования выполняет в точности и в срок. Среди офицерского состава пользуется авторитетом...»*

С 13 июля 1943 года по 23 июля 1944 года Дуленко Пётр Фёдорович состоял на действительной военной службе в качестве райвоенкома станицы Брюховецкой. С 23 ноября по 4 сентября 1944-го находился в эвакогоспитале № 2113. По болезни был демобилизован в звании капитана и приехал в Каневскую.

На фронте в 1942 году погиб старший сын Петра Фёдоровича Владимир. Сын Василий также служил в рядах Советской Армии; после войны работал токарем в Куйбышевском МТС станицы Каневской.

Будучи инвалидом II группы, с 1944 года Пётр Фёдорович был назначен директором Каневского отделения сельхозэлектро. С 1945-го по 1947 год работал директором кинотеатра «Родина», начальником отдела кинофикации района. Он был на хорошем счету у начальства, не раз получал благодарности. Был директором Жилкомтреста станицы Каневской, директором станичной электростанции. С 1949 года работал заместителем директора по хозяйственной части средней школы № 1; не раз получал благодарности и поощрения, руководством коллектива не единожды направлялся на санаторно-курортное лечение.

С 1955 года Пётр Фёдорович работал в Каневском сельпо (ныне райпотребсоюз) в качестве заместителя председателя. Ежеквартально он перевыполнял планы по заготовкам и закупкам. В 1957 году правление РПС подало заявку сельпо о выделении Дуленко Петру Фёдоровичу мотоцикла М-72.

Последнее место работы — бригадиром, а впоследствии заведующим откормочным пунктом станицы Каневской.

Помимо медали «За оборону Одессы», Дуленко Пётр Фёдорович был удостоен медалей «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», «За доблесть и труд» и множества юбилейных медалей. На сайте «Подвиг народа» мы находим разархивированные документы, среди которых имеется «Наградной лист» от 15 июня 1944 года, в котором значится, что капитан Дуленко П. Ф. представлен к правительственной награде — ордену «Красной Звезды». В архиве Министерства обороны СССР в Юбилейной картотеке награждений Архива ЦАМО имеются данные о том, что Пётр Дуленко был награждён орденом Отечественной войны I степени. Награды и документы по сей день бережно хранятся потомками.

До последних дней Пётр Фёдорович Дуленко был почитаемым ветераном станицы Каневской, часто встречался со школьниками, которым рассказывал о том, что пришлось пережить на той страшной войне. Умер 25 августа 1986 года, похоронен на старом кладбище.

Каждый раз, когда узнаю о ком-то из участников Великой Отечественной войны, изучаю документы, свидетельства, у меня складывается общая картина ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ. Победы, доставшейся потом и кровью, тысячами и миллионами людских жизней… Ужасом, пережитым нашими предками! Их силой и мужеством!

Страшно... Страшно за ужас прошлого, страшно за настоящее наше и наших детей: что ждёт их в этом нестабильном мире, на шатающихся подмостках под ногами государств и народов, окружённых фальшью и лицемерием?..

В одном я уверена точно: русских не победить! Тело уничтожить легко, но дух — невозможно! Дух — это нечто целостное, объединяющее не только живущих сегодня людей, но и тех, кто сложил свои головы на поле брани и семьдесят пять лет назад, и сто, и двести, и за тысячу лет до того…

Георгий БОЙКО, полковник милиции в отставке

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Бойко Алексей Алексеевич (1926–1998)

Мой отец Бойко Алексей Алексеевич родился 15 июля 1926 года в городе Анапе в семье Алексея Ивановича и Надежды Петровны Бойко.

Дед Алексей Иванович в Гражданскую войну — военный политработник, затем — в ЧОНе (части особого назначения, выполнявшей задачи по борьбе с военно-политическим бандитизмом).

Во время Великой Отечественной войны дед служил в войсках НКВД, охранял особо важные объекты. После войны — начальник военизированной охраны консервного комбината в хуторе Яблоновском, что на другом берегу реки Кубани от Краснодара. Тогда это было одно из крупнейших предприятий консервной промышленности всего Союза ССР.

Отец был физически очень сильным и выглядел значительно старше своего возраста. Уверен, именно это помогло ему 15 июля 1942 года, когда он в день своего шестнадцатилетия, как записано в наградном листе от 19 августа 1944 года, непосредственно (добровольно) явился в 1-ый отдельный гвардейский *«дивизион бронекатеров, дислоцировавшийся в Анапе, и убедил командира, чтобы его взяли добровольцем».*

Официально, через Анапский райвоенкомат, в призыве в армию ему отказали, зная его фактический возраст. Чтобы уйти на фронт, отцу пришлось пойти на обман и приписать два лишних года. Этому есть документальное подтверждение. В свидетельстве о болезни № 1104 от 11 ноября 1943 года, выданном комиссией при эвакогоспитале 2456 Алексею Алексеевичу Бойко в связи с комиссованием по состоянию здоровья, год рождения указан 1924-ый.

19 сентября 1942 года наши войска оставили большую часть Новороссийска, но не позволили врагу развить наступление вдоль Черноморского побережья. Противник, пытаясь прорваться к морю, начал наступление через горно-лесистую местность севернее Новороссийска, из района станицы Абинской на Шапсугскую.

За трое суток тяжелейших боёв неприятелю удалось отодвинуть подразделение 216-ой стрелковой дивизии на пять — шесть километров, создав угрозу прорыва на Новороссийск и Геленджик. Наше командование перебросило сюда 83-ю и 255-ю отдельные бригады морской пехоты. На рассвете 25 сентября морпехи нанесли контрудар по врагу. В результате двухдневных боёв 3-я румынская горно-стрелковая дивизия (одно из лучших воинских соединений Королевской армии Румынии) была разгромлена, потеряв убитыми, ранеными, пленными до восьми тысяч солдат и офицеров.

Я не знаю, участвовал ли отец именно в этой операции, но, согласно архивным документам, с 25 сентября 1942 года он в списках

255-ой отдельной бригады морской пехоты, комплектовавшейся в том числе и за счёт экипажей военных кораблей. Видимо, в составе группы моряков 1-го отдельного гвардейского дивизиона бронекатеров Алексей Бойко и попал в морскую пехоту. И воевал достойно.

10 октября 1942 года в районе разъезда Куринского при попытке захвата в плен четверых гитлеровцев он двоих сопротивлявшихся уничтожил, а двоих доставил как пленных в штаб.

17 октября там же ранил одного гитлеровца и взял его в плен.

19–20 октября уничтожил четверых вражеских солдат, в том числе пулемётчика, и захватил пулемёт.

24 октября получил лёгкое ранение в ногу, быстро вернулся в строй и воевал уже под Туапсе, куда 255-ю бригаду морской пехоты перебросили, чтобы сдержать натиск врага.

За образцовое выполнение боевых задач и проявленные личным составом доблесть и мужество 13 декабря 1942 года 255-я бригада морской пехоты награждается Орденом Красного Знамени, после чего именуется Краснознамённой.

В ночь с 5 на 6 февраля 1943 года с канонерских лодок «Красный Аджаристан» и «Красная Грузия», четырёх тральщиков и нескольких катеров в помощь отряду Цезаря Куникова, захватившему 4 февраля плацдарм на западном берегу Цемесской бухты, в районе посёлка Станички (южного предместья Новороссийска, вошедшего в историю Великой Отечественной войны как «Малая земля»), высадились 2900 бойцов и командиров 255-ой отдельной Краснознамённой бригады морской пехоты и два батальона 165-ой стрелковой бригады. Морские пехотинцы без промедления пошли на вражеские позиции. С тяжёлыми боями заняли узлы обороны у радиостанции, кладбища и в районе водокачки.

Немцы при поддержке большого количества танков в тот же день попытались уничтожить десант. Вот здесь и проявил свой профессионализм личный состав отдельного противотанкового дивизиона 255-ой морской бригады, а в их числе и мой отец — командир отделения противотанковых ружей. Значительную часть танков противника подбили, остальные отошли.

28 марта краснофлотец Бойко получает тяжёлое осколочное ранение, и его вывозят в госпиталь на «Большую землю».

После лечения в нескольких госпиталях медицинская комиссия при эвакогоспитале 2456 11 ноября 1943 года признала старшину 2-ой статьи Алексея Алексеевича Бойко, военнослужащего 255-ой Таманской Краснознамённой морской бригады, негодным к воинской службе с исключением с воинского учёта. В этом заключении есть приписка: *«Следовать пешком не может»*.

Ещё когда моя дочь Раиса работала над проектом «Моя семья на службе Отечеству», мы получили копию наградного листа на бывшего командира отделения противотанковых ружей отдельного противотанкового дивизиона 255-ой Таманской Краснознамённой морской бригады Алексея Алексеевича Бойко. Военный комиссар Красногвардейского района города Краснодара представлял отца к награждению медалью «За отвагу», краевой военком с этим согласился, но командование войсками Северо-Кавказского округа решило повысить статус награды, и отцу вручили Орден Славы III степени.

В 1985 году А. А. Бойко за участие в Великой Отечественной войне награждён Орденом Отечественной войны I степени.

Но у отца была ещё одна боевая награда — медаль «За отвагу». Как я понимаю, этой медалью его наградили на фронте, но тяжёлое ранение, длительное нахождение в госпиталях, а затем увольнение из армии с исключением с воинского учёта, не позволявшее вернуться в родную часть, привели к тому, что своевременно медаль не вручили. Отец её получил уже через много лет после войны.

Для меня эта медаль не менее важна, чем боевые ордена отца. Я сам в мирное время, во время борьбы с международным терроризмом в Чеченской Республике, удостоен медали «За отвагу». Горжусь, что имею такую же награду, как мой отец — участник Великой Отечественной войны.

Отец в 16 лет ушёл на фронт защищать Родину от фашистов, сражался геройски, в 17 лет был тяжело ранен, вернулся домой, пошёл на производство, создал семью и достойно прошёл всю послевоенную жизнь.

В 1947 году в жизни отца (тогда ему был 21 год) произошли два знаменательных события. 25 февраля родилась дочка, первый ребёнок. А он поступил на работу в только что созданное строительно-монтажное управление (СМУ — 76). Начав работать там со дня образования, он не менял места работы всю свою трудовую деятельность. Когда в 1997 году отмечали 50-летие организации, тогда уже называвшейся Краснодарским монтажным управлением специализированного (КМУС-2) треста «Севкавтехмонтаж», мой отец ещё работал. Ушёл на пенсию где-то через год.

Если бы меня попросили дать краткую характеристику отцу, я бы ответил: классический трудоголик и настоящий патриот своего коллектива. Он, инвалид Великой Отечественной войны, почти без одной ноги, чтобы прокормить семью, устроился работать молотобойцем в кузне вновь созданного предприятия. Попробуйте представить себе это: целый день бить молотом по металлу — стоять и махать им... Какие нужны мощные руки (а они были!) и сильные ноги (а тут вопрос...)

В те времена на предприятиях имелись политорганы, где, как правило, работали коммунисты-фронтовики. И на моего отца обратили внимание. Как так, почти мальчишка

по возрасту, молодой коммунист, фронтовик-доброволец, орденоносец, в такие годы инвалид, а выполняет тяжёлую работу, машет молча на одной ноге молотом, не требуя для себя ничего? С ним поговорили, оказалось — восемь классов образования (что тогда было редкостью), грамотно пишет, чётко излагает мысли. Направили работать в контору, а потом присмотрелись поближе и направили на учёбу в Москву.

По возвращении отец работал рядовым нормировщиком, заместителем, а потом начальником отдела труда и зарплаты. Дружелюбный, общительный, доброжелательный, участливый ко всем, он был душой любого коллектива. Его любили, уважали, ценили, им гордились. А он никогда не зазнавался, не требовал для себя особых почестей и благ. А вполне мог — уже появились законы о льготах для ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны. Я в конце его жизни спрашивал: «Почему ты себе квартиру, машину не «выбил», ты же имел право?» В ответ он больше молчал, не отвечая, или говорил, что он не рвач, какие награды есть, те и заслужил. Даже я, вроде, тоже не стяжатель, удивлялся его жизненной позиции.

Сколько помню отца, не могу представить его праздно проводящим время: лежащим на диване, смотрящим телевизор, читающим газеты или сидящим на улице на скамейке, беседующим с соседями. В молодые годы он часто ездил в командировки по краю. А став руководителем отдела труда и зарплаты большого производственного предприятия, часто задерживался на работе, особенно в конце месяца или квартала, когда закрывали наряды для начисления зарплаты рабочим.

В выходные он занимался дома по хозяйству — частный дом и небольшое подворье требовали внимания. А ещё каждую весну, чтобы прокормить семью, отец, как и другие работники предприятия, брал землю в ближайших от Краснодара колхозах, и мы выращивали овощи и бахчевые культуры.

Для меня это было ужасно. Своего транспорта у нас никогда не было, поэтому ехали на пригородных автобусах до нужной станицы, а там пешком шли по полю до нашего участка. Несли орудия труда, продукты, воду, семена на посадку. А потом ещё ездили пропалывать, удобрять. Трудно представить, как он мог столько идти, а потом целый день работать, идти вечером обратно до трассы, ехать домой... А ещё если день солнечный — поздней весной и летом... Действительно сила, извиняюсь, лошадиная! Ведь ему уже было за сорок, да ещё одной ногой ходил только на пятке. Он в инвалидном ателье специально на больную ногу шил ботинок...

Как я позже стал понимать, отец был глубоко убеждён, что это делать просто необходимо — на нём лежит ответственность за семью, детей. Их надо накормить, одеть, обуть, чтобы в школе, в техникуме они выглядели не хуже других. Ведь, кроме него, в семье другого кормильца, по сути, не было. Мать, очень красивая женщина, в молодости попала под трамвай, стала инвалидом, в основном была домохозяйкой. Да, в доме порядок, уют, дети ухожены, все накормлены, но семейный бюджет от этого не пополнялся. Работяга, приносящий доход, один — отец.

...Старшие сёстры повзрослели, окончили техникумы, уехали из дома по направлениям. А я остался дома. Уже повзрослел, окончил восемь классов, учился в Краснодарском монтажном техникуме, занимался в футбольной секции при стадионе «Кубань». Появились свои интересы, приятели, хотелось проводить время с ними. А всё было по-прежнему: надо было ездить на огороды вместе с отцом, но теперь нас было только двое. Для меня, молодого парня, это была каторга — и физически, и морально. Но авторитет отца был непререкаем. Да и я стал понимать, что ему тяжело, но он держит планку: семью нужно содержать, и никто этого не сделает, кроме него.

И на работе он по-прежнему всегда успевал, выполняя её качественно, на профессиональном уровне. Ему предлагали более высокие должности на других предприятиях, но он всегда отказывался. Говорил: «Я здесь с первого дня, это мой коллектив, моя семья, я им нужен, а они — мне».

Звучит, наверное, неожиданно, и даже удивительно, но о войне отец никогда не рассказывал. Ни в семье, ни в компаниях, когда приходили гости. Мне он тоже о войне ничего не говорил. Когда занимались совместно какой-то работой, говорил: «Учись, сын, у меня, пока батька живой, в жизни пригодится».

В 1961 или 1962 году к нам в гости приехал родной дядя отца Иван Иванович, мой двоюродный дед. Этот видный человек, внешне фактурный, солидный, участник Великой Отечественной, до войны работал на высоких советских и партийных должностях, войну окончил полковником на Западной Украине, остался жить во Львове, там и умер. Отец его сильно уважал, часто вспоминал, называя «дядя Ваня». Вот друг с другом они, отец и дед, употребив спиртного, о войне говорили много. Я тогда об этом услышал первый раз.

Ещё помню, на день рождения отца зашли мои близкие друзья, жившие по соседству. Они его очень уважали, прислушивались к его советам. Это было уже в середине 70-х годов, когда мы отслужили срочную службу. Отец, уже выпивший, пригласил всех нас за стол, угостил. Все расслабились, пошёл разговор о жизни, житейских планах.

На столе стоял транзисторный приёмник, тогда ещё дефицитный. Его отцу подарили на работе на какой-то юбилей, он его берёг. Неожиданно из него послышалась песня: «Прощай, любимый город, уходим завтра в море...» И вдруг отец заплакал. Не навзрыд, не в голос. Просто появились слёзы.

Это на моей памяти было впервые. Чтобы он когда-нибудь плакал, или его состояние было на грани подобного? Да никогда! Он был

сильным телом и сильным духом. А здесь… Все растерялись. А он пояснил, что когда уходили десантом на «Малую землю», пели эту песню, а в бою его ранили и искалечили ногу. И он, когда слышит эту песню, всегда об этом вспоминает и расстраивается.

Следующий раз он плакал на моих глазах много лет спустя, когда умерла моя мама, его жена, с которой он прожил вместе больше пятидесяти лет, отпраздновав «золотую свадьбу».

В нашей семье было четверо детей: три дочери — Людмила (1947 года рождения), Наталья (1950-го), Виктория (1967-го) и сын — я, Георгий.

Говорят, мужчина состоялся, если он построил дом, посадил дерево, вырастил сына. Мой отец все эти три заповеди исполнил. Несмотря на трудные, далеко не сытые годы, отец построил просторный кирпичный дом. На работе помогли взять ссуду, помогали приобрести строительный материал (это был большой дефицит). Когда в 1960 году семья из пяти человек въехала в новый дом, из мебели были кровати и два старых шкафа. Работал один отец-инвалид, ещё надо было выплачивать ссуду. Со временем обустроились, провели водопровод, газ (это когда я уже из армии вернулся).

Всем детям отец дал возможность получить образование: старшие сёстры и я окончили в Краснодаре техникумы, что в советские времена считалось престижным и давало возможность работать на инженерно-технических должностях. Младшая дочь получила высшее образование, но здесь помогли и старшие дети, ведь мы были уже взрослыми, самостоятельными людьми, работали, поддерживали родителей.

Когда меня, молодого мастера хозрасчётного участка СРМУ «Крайгаза», секретаря комитета комсомола организации, пригласили в райком ВЛКСМ и настойчиво предложили по комсомольской путёвке идти служить в органы внутренних дел, я много не думал и дал согласие. Ещё проходя срочную службу, я задумывался связать жизнь с армией или госбезопасностью, имея предложения от командования части и особого отдела. Но на тот момент сильно болели родители, ждали меня домой, надеялись на мою помощь, и я решил повременить. Всё объяснил, меня поняли и дали спокойно демобилизоваться. За почти два года на «гражданке» домашние дела утряслись, я сравнил жизнь «в погонах» и гражданского человека и склонился к первому варианту.

Я любил порядок, ненавидел хамов и негодяев, бросающих вызов обществу. Нравилось получать чёткие приказы и их выполнять, самому отдавать приказы другим и требовать их исполнения. Вернувшись домой, я рассказал родителям о принятом решении. Мне было почти 23 года, за плечами армия, работа руководителем среднего звена на производстве, то есть опыт работы с людьми, жизненный опыт, хоть и малый, уже имелись. Возражений со стороны родителей не было, не было и аплодисментов. В семье милицию уважали, как и все органы власти, но пылкой любви не испытывали. Мне дали возможность принять решение самостоятельно.

По мере моего карьерного роста, продвижения по службе отец проявлял всё больший интерес к моей работе, аккуратно давал советы, просил быть осторожным в экстремальных ситуациях. И всегда говорил: «Не забывай, перед тобой люди, твои сограждане, мы их защитили от фашистов, а вы защитите их от негодяев и проходимцев. Палку не перегибай, будь честным и справедливым. На крови и несчастье простых людей благ для себя не создавай, за деньги не продавай душу».

Когда мне, майору милиции, заместителю начальника райотдела, на юбилей Уголовного розыска страны досрочно, на два года раньше положенного срока, присвоили звание подполковника, мама плакала, а отец крепко жал руку и смотрел в глаза, с благодарностью и по-доброму, без слёз. Когда он рассказывал своим знакомым обо мне, чувствовалось, что он гордился мною как человеком, выбравшим опасную, но почётную профессию, носящим офицерские погоны.

А я горжусь своим отцом — участником Великой Отечественной войны Алексеем Алексеевичем Бойко, заботливым родителем и настоящим человеком. Память о нём будет жить в моём роде.

Константин БАНДИН

СЛЫШИТ РОДИНА ИХ ПОЗЫВНОЙ

В Каневском районном историко-краеведческом музее есть особенный экспонат. В витрине под стеклом висит женская военная форма с погонами младшего сержанта, рядом с которой находится армейский вещмешок. Во время Великой Отечественной войны её носила наша землячка Колтун Вера Григорьевна. Всю жизнь как дорогую реликвию она хранила эти вещи, как память о военной юности.

Фронтовая биография Веры Григорьевны началась летом 1941 года, когда её, восемнадцатилетнюю работницу Каневского райтелеграфа, мобилизовали в ряды Красной Армии. Так она оказалась на Южном фронте, где в то время шли тяжёлые бои. Потом были Западный, Калининский и 1-ый Прибалтийский фронты.

День Победы встретила наша землячка в Прибалтике, где Советские войска добивали Курляндскую группировку противника, почти целиком состоявшую из латышских и эстонских формирований «ваффен СС».

Вспоминая военное лихолетье, Вера Григорьевна особенно тепло отзывалась о «Маршале Победы» Георгии Константиновиче Жукове, с которым ей довелось встретиться.

— Впервые я увидела Жукова в Красном Лимане, что на Харьковщине, — вспоминала Вера Колтун. *— Штаб 4-ой армии располагался в Доме отдыха ВЦСПС, мы дежурили на узле связи, я служила тогда во взводе морзистов. Кроме штаба, нам приходилось нести дежурства на полевых узлах — ВПУ.*

Однажды ночью девушек-связисток привезли на «полуторке» на ВПУ, который собирались развернуть в подвале разрушенного дома. От строения остались только две стены и подвал, остальное — горы кирпича и щебёнки. В километре была передовая, откуда доносились звуки канонады и шум разрывов авиабомб. Сюда, на ВПУ, приходили командиры, они приносили сведения, которые связистки передавали по рации в штаб армии. Оружия у девчат не было.

— Лишь по одной гранате, которые мы носили в противогазных сумках, — вспоминала фронтовичка. *— В случае угрозы захвата нашего ВПУ противником, мы были обязаны подорвать себя гранатой, так как являлись носителями важнейших секретов. У нас находились ключи от шифров, мы знали позывные всех командных пунктов. У каждой из нас был спецпропуск в штабы всех уровней, включая штабы армий и даже фронта. Заполучить такой пропуск — мечта для вражеской разведки, поэтому они охотились за нами.*

Однажды началась массированная бомбёжка, во время которой исчезла напарница Веры Григорьевны. Когда всё стихло, перепуганная молоденькая связистка, оставшись одна, вылезла из подвала и стала осматриваться.

— Кругом стояла мёртвая тишина, такая, что казалось, я слышу стук своего сердца. И вдруг неподалёку, вроде, залаяла собака, потом другая, потом ещё... Этот шум становился всё ближе. Оказалось, это разговаривают немцы, в полный голос, не боясь быть обнаруженными. Тогда я поняла, что в настоящее время нахожусь в тылу врага. Кругом были фашисты!

Утром девушка выбралась из подвала и стала наблюдать. У неё был приказ находиться на месте до тех пор, пока за ними не придёт машина. Вдруг она заметила «полуторку», которая неслась мимо на бешеной скорости. Вера выскочила из укрытия и стала кричать вслед, волоча за собой тяжёлый радиопередатчик. Грузовик остановился, из кабины вылез лейтенант-артиллерист.

— Это была не наша машина. Оказалось, шофёр уговорил командира заехать в соседнюю деревню, где жила его мать, поэтому артиллеристы отстали от своей части. Офицер приказал мне залезть в кузов, а мою аппаратуру он разбил. «Полуторка» снова разогналась, понеслась по просёлку, поднимая клубы пыли. Я легла на дно кузова, во время движения меня кидало от борта к борту, да так, что разбила в кровь себе лицо и поранила руки об острое покорёженное железо, которым они были обиты. Внезапно грузовик съехал в овраг, где застрял в илистом дне ручья. Лейтенант приказал шофёру заминировать мотор гранатой, после чего все трое двинулись пешком на восток, куда откатился фронт. Шли на дистанции друг от друга в пределах видимости, сначала шагом, потом перебежками, а затем и ползком. Место было открытое, немцы могли заметить.

Колючая трава царапала лицо, поэтому я ползла с закрытыми глазами. Мы по очереди исполняли роль ведущего: сначала впереди полз лейтенант, потом шофёр, а затем его сменила я. Стемнело. И вот ползу я, закрыв глаза, на ощупь и чувствую, что мои пальцы коснулись края — видимо, овраг. Глянула вниз и вижу — немцы! Стоят танки, артиллерия, мотоциклы, отдыхает пехота. А вдалеке взлетают осветительные ракеты и доносятся характерные звуки передовой. Вот она — линия фронта!

Пересечь эту линию пришлось под покровом темноты, ползком через минное поле. Первым полз офицер, прокладывая проход. Как оказалось, шёл наудачу, рискуя ежесекундно подорваться. За ним передвигался по-пластунски шофёр, последней — девушка-связистка.

— Преодолев половину препятствия, мы попали под миномётный обстрел. Выбрались на бережок, поросший молодыми сосенками, затем прошли по лесу и вышли... где-то под Красным Лиманом. Дальше проводником была я, так как очень хорошо знала местность. Так мы оказались возле знакомого мне Дома отдыха ВЦСПС. Нас остановил часовой, которому я предъявила свой пропуск. Поднимаюсь на второй этаж — нет никого. Узел связи свернули. Вдруг открывается дверь, передо мной стоит генерал-армии Жуков, который был вместе с адъютантом.

Выслушав рассказ девушки, Георгий Константинович приказал сопровождавшему офицеру: «Отвези её к Дунаеву (командиру полка связи), а с этими разберёмся». Адъютант Жукова привёз связистку на машине командующего к эшелону, к нему прицепили пассажирский вагон, в котором находился штаб. На этом поезде Вера доехала до Коломны, во время движения поезд несколько раз подвергался бомбёжке.

Эшелон железнодорожники прятали в тупиках, а однажды пропал машинист. По перрону забегали офицеры: «Где машинист?» И вдруг голос с сильным прибалтийским акцентом: «Я машинист, сейчас я вас замаскирую!» Этот «латыш» поставил поезд между двумя составами наливняков. Цистерны были наполнены горючим для танков, поэтому после вражеского налёта эшелон оказался зажатым двумя стенами огня. Машинист оказался немецким диверсантом.

Как рассказывала Вера Григорьевна, на всю жизнь она запомнила глаза людей, наполненные ужасом, и как те метались между горящими вагонами. Наша землячка кинулась под пылающую цистерну, вдруг слышит голос: «Не двигаться!» Кто-то навалился сверху, придавив её к земле. Через мгновение раздался оглушительный взрыв.

— Что было дальше, я не помню, взрывной волной меня подбросило вверх, а очнулась я в госпитале. В 1942 году меня хотели демобилизовать, но Кубань находилась в оккупации, и я осталась в армии. Закончила войну в Прибалтике. Вышла замуж за однополчанина Игната Колтуна, нас зарегистрировали в освобождённом литовском городе Шауляй. В 1945 году вернулась к мирной жизни.

Однако военные испытания не прошли бесследно для здоровья Веры Григорьевны Колтун. Всю жизнь её мучили головные боли. Когда она получила вторую группу инвалидности, муж её оставил с четырьмя детьми на руках. Пришлось поднимать их самой. Выросли дети, разъехались по стране.

За два года до смерти Вера Григорьевна Колтун подарила музею уникальную книгу, которая называется «Сражающаяся партия». Книга рассказывает об источниках нашей Победы и о её всемирно-историческом значении.

И особую ценность представляют пометки, сделанные рукой нашей землячки-фронтовички. Они сообщают нам о тех людях, чьи фотографии помещены в книге. Никому не известные герои войны благодаря ей обретают имена, мы узнаём некоторые подробности их военной биографии.

Время безжалостно к людям, с каждым годом редеет строй ветеранов войны. Но подвиг их будет жить в веках!

Воспоминания записала
Зоя СИЗОВА

ДЕТИ ВОЙНЫ

Дети и война — это звучит парадоксально, эти понятия совершенно не сопоставимы. Великая Отечественная война принесла моральные и физические страдания миллионам маленьких детей, лишив их детства. Она стёрла улыбки с детских лиц, заставила детей рано повзрослеть. Ничем не искупить детскую слезу!

С тех пор прошло много времени, но помнят дети войны, как много она у них отняла, какое им досталось трудное детство. И как они выжили?! Ведь никто не спрашивал, ели ли дети, и что они ели? Был один приказ, который нельзя было не выполнить: «Всё для фронта, всё для победы!»

Зеленская Любовь Павловна

Родилась я 7 января 1939 года в станице Каневской.

Мама — Петруцкая (Ищенко) Прасковья Алексеевна. Папа — Петруцкий Павел Иванович.

Мама работала в колхозе, папа — на элеваторе. Жили в своей хате, кормились подсобным хозяйством, но коровы не было.

К началу войны я была совсем маленькая. Ходила в колхозные ясли. Мне было 3–4 года, сестра носила меня в ясли на плечах. Часто останавливалась отдыхать и жаловалась, что я слишком тяжёлая. В яслях было огромное количество вшей и клопов. Помню, как мы их давили и размазывали кровь по стенам.

В хате было холодно. Утром мама просыпалась рано и сначала пробивала лёд в ведре, потом затапливала печку и готовила есть. Топили камышом. Мама ходила с резаком на речку, резала сухой камыш и на тачке привозила домой.

Хлеба не было, ручной крупорушкой мололи крупу и делали лепёшки.

Мыла не было. Из жердёл собирали косточки, варили их, добавляли каустическую соду и использовали для стирки белого белья.

Чёрное стирали «рудой» глиной. Добавляли глину в воду, делали болтушку и замачивали там чёрное бельё. Оно откисало, потом выполаскивали.

Фото отца в госпитале.

Весна была спасением — собирали щавель, лебеду. Лебеду рубили, смешивали с крупой и пекли лепёшки. Ели всякую траву: калачики, молочай.

Мама была верующая: ходила в церковь, молилась дома.

Однажды стирать было совсем нечем. Мама плакала, обняла нас, и мы так и уснули. Утром проснулись, мама вышла на порог, а там — наша собака Сирко принесла откуда-то кусок настоящего мыла. Мама нам обработала головы от вшей, вымыла настоящим мылом и выстирала все вещи.

Спичек тоже не было. Но соседи были очень добрые. Если утром у кого-то топилась печка, мама давала нам жаровню и посылала к соседям, чтобы принесли «жару» — углей для растопки печи.

Ещё один раз Сирко принёс горячую булку хлеба. Мог бы и съесть, если не всю, то хоть сколько-нибудь. Но он как будто знал, что дети в семье голодные. Только отпечатки зубов остались на булке, которыми он держал её.

Пол был земляной. По выходным пол (доливку) мазали глиной. Мы, дети, собирали на улице коровий навоз и приносили домой. Мама размачивала глину с коровьим навозом, и этим раствором мазали пол, чтобы чисто было.

Ездили на телегах, запряжённых быками. Мама ездила на работу рано и привозила нас в ясли сонных. С работы возвращалась, когда начинало темнеть, — забирала нас тоже сонных.

Сахара не было, был сахарин. Иногда мама покупала его у спекулянтов и прятала от нас. Когда варила взвар, добавляла сахарин туда, чтобы хоть чуть-чуть побаловать детей.

Почтальона и ждали, и боялись. Если получали треугольник, у всех на улице был праздник. Если же кто-то получал серый казённый конверт с похоронкой, на всю улицу раздавался пронзительный крик. Взрослые бежали туда, чтобы успокоить женщину. Дети бежали следом за взрослыми. На улице была непролазная грязь. Бежали межами, где росли деревья, чтобы не потерять обувь.

Поминали погибших кутьёй в храме. Я поняла это, брала медную кружечку и шла в церковь. Там все клали мне кутью, и я её съедала. А потом просила, чтобы дали сестре, и относила ей домой, так как сестра в церковь не ходила.

Ходили полураздетые. Рукава у одежды были короткие, обувь — та, что досталась от взрослых.

Однажды в храме, кроме кутьи, мне дали два больших яблока. Я их принесла домой, все очень обрадовались. Яблоко порезали на кусочки и накормили всех. Мама была очень удивлена и сказала: «Вот видишь, и дочка нас накормила».

Во время оккупации был такой случай: румыны ходили по улицам и забирали кур у людей. Зашли они и к нам. Мать дрожит вся, а мы за юбку держимся. В сенях было открыто горище. Румын стал кричать: «Партизан! Партизан!» Потом посветили фонариком, партизан не оказалось, они успокоились и пошли в курятник ловить курей. Один стал объяснять что-то по-своему. Мы ничего не можем понять. Мама им по порядку вы-

Фото семьи Петруцкого, которое мама возила отцу в госпиталь.

Фото отца после войны.

носила продукты, но он махал головой, что нет. Затем мать вынесла им солёных огурцов. Они стали кивать головами и говорить: «Давай! Давай!»

— Бирить, тикы дитэй ны трогайтэ! — сказала им мать. Они забрали курей и огурцы и ушли.

Отца ранили на фронте, он прислал маме письмо, чтобы приехала проведать и привезла фотографии детей, мол, может, и не выживу. Лежал он в госпитале в городе Воронеже.

Маме дали в колхозе денег и помогли съездить к мужу в госпиталь. Соседи тоже собрали деньги и продукты, чтобы мать мужу увезла: «Може, и наших хто накормэ?»

После госпиталя отца с бригадой плотников послали в город Архангельск восстанавливать заводы и город. Почта работала плохо. Мать очень переживала, что нет известий, часто плакала. Пришёл он домой только в 1946 году.

О том, что закончилась война, сообщила мама. Она рассказала, что приехал нарочный на лошади, махал бумагой и кричал: «Победа! Победа!»

А ещё по соседству жили Христюки. Их отец раньше всех пришёл домой. Он был в Берлине и оттуда привёз для своих детей белой бумаги. Для нас это было настоящим дивом. Моя сестра училась в школе и писала на газетах.

Сын этого соседа принёс бумагу в школу. Её разрезали и дали по одному листику всем детям. Листики быстро закончились, а нам хотелось ещё. Так мы его от досады дразнили: «Ах ты, фриц, немецка танка!»

Перья для ручек продавали в магазине, а вот самих ручек не было. Мы вырезали камышинки, расщепляли их ножом, вставляли туда перо и писали.

Для всех война закончилась, а для нас нет — от отца известий так и не было.

Пришёл он неожиданно. Это было ночью. Собака много лет не видела отца, но Сирко лаял и визжал от радости, ещё не увидев хозяина. Мама выскочила в нижнем белье и упала на грудь мужу, плакала от радости.

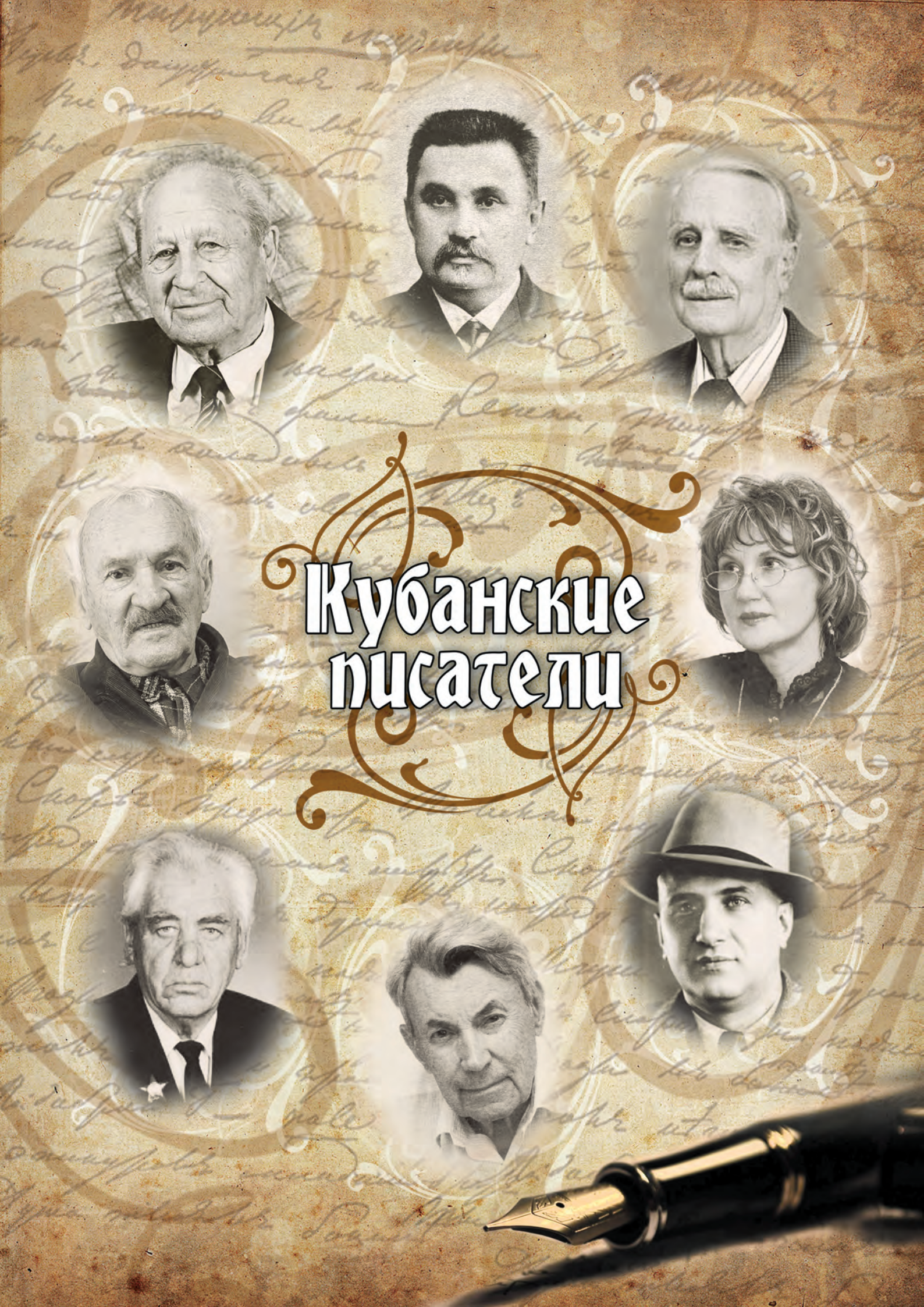
У отца был хлеб. Он дал детям по кусочку, а один кусочек дал собаке — за то, что узнала хозяина.

Было темно, но мы все проснулись и встали. Мама начала есть варить. На воду зимой носили снег, топили его. Летом воду мама носила из колодца.

После войны я окончила школу № 1. Работала в колхозе имени Фрунзе (колхоз Калинина). Потом окончила курсы машинописи и делопроизводства в городе Краснодаре. Окончила их досрочно — за три месяца вместо шести. Получила документ.

Работала в сельпо кассиром и машинисткой, затем в районо. После районо работала в аптеке до пенсии.

Вышла замуж. Имею дочь, трёх внучек и пять правнуков.


Кубанские
писатели

26 марта 2018 года в городе Краснодаре состоялась премьера спектакля «Наш маленький Париж» по одноимённой книге В. И. Лихоносова. На премьере посчастливилось побывать и мне. А после спектакля удалось встретиться с автором книги и взять у него автограф. Представилась ему членом редколлегии журнала «Каневчане». Услышала лестные отзывы о нашем альманахе. На предложение напечатать что-либо из его произведений Виктор Иванович любезно согласился. Предлагаем вашему вниманию его рассказ «Запонка с гербом».

Зоя СИЗОВА.

Виктор ЛИХОНОСОВ

ЗАПОНКА

В станице Полтавской в генеральской хате висели портреты трёх государей: Александра Второго, Александра Третьего и Николая Второго. По нескольку раз на день хозяин ловил их всегда одинаковые взгляды, а в нечаянном расположении духа каждому из них говорил что-нибудь особое.

«Брата Вашего, — говорил Александру Третьему, — великого князя Михаила Николаевича хоронить не поехал. Турецкая рана болит к старости. Генерал Малама был, а у нас в Екатеринодаре стоял на панихиде Бабыч, в белом соборе. Михаила Николаевича не забуду».

«Вспоминают у нас, — говорил Александру Третьему, — как Вы, Ваше Величество, Царство Небесное, тюрьму и богадельню посетили. И пообедали в Круглике с казаками дружно».

Но чаще всего по-домашнему обращался он к царствующему государю, беззвучно докладывал ему что-то простое и важное. «Уезжаю, Ваше Величество, на прощальный обед в честь генерала Кухаренка-сына. Сорок лет отслужил Вам. Батька его был наказным атаманом ещё при Николае Павловиче. Посидим там, попоём, повздыхаем». А вернувшись на другой день в хату, снимая с пояса кинжал, повернулся к портрету и сказал вслух: «Вот, Ваше Величество... Отправили на покой Кухаренку, пообедали в саду. Я ему сказал: «Земно кланяемся и слёзно прощаемся»».

Иногда, вытирая с портретов пыль шёлковым платочком, ласкал, жалел как родных: «Вы ж спите не так, как мы... На Ваших плечах Россия...»

Все государи мёртво слушали его и молчали. Они молчали ночью, когда он вдруг просыпался, утром и днём, но он привык к тому, что они всегда в его хате и как будто охраняют его своими монаршими ликами.

С ГЕРБОМ

Подобно ветру, дуют и пропадают сроки. Вчера ещё, кажется, ехал по знойной степи в Уманскую, и вот уже утром по бледному свету в окошке чувствуешь, что лето прошло. Так и в жизни. Господами лежат в огороде жёлтые кабаки, на кончике засыхающего огуречного стебля нежно прорывается запоздалый цветочек. Ещё покрасуется до первых заморозков. Любо пройти вниз к стоячей воде и с мосточка на журавлиных кольях поглядеть по-родному на дальнюю камышовую стену. Через греблю перебирается с волами казак; клали греблю давно. Тихо, чисто кругом. Живи, пока Господь даёт силу ногам и сердцу. Радуйся, что опять проснулся, дышишь ровно и незаметно. Утром отрадней благодарит душа за всё, на что дивятся старые глаза. В молодости и камышовые метёлки не так шепчутся, и не жалко, когда гнутся тяжёлые ветки сливы.

Как хорошо никуда не спешить, не менять места, никому не рапортовать!

«Граф Воронцов-Дашков, — посылал он свои думки государю Николаю Александровичу прямо с огорода, — говорил нам при встрече: «Длинна годами, богата событиями и отличиями ваша служба, и в венок славы немало вплели вы лавровых ветвей». Старались. Уже мы в отставке».

Василий Саввич Скакун своё отслужил.

Но его не забывали. Через Уманский казачий отдел приглашало его войско на торжества и застолья, поздравляли три полка с Рождеством, Пасхой, именинами. Все ещё были рядом, друг друга знали; чья-нибудь фамилия в газете, сообщения из Персии, с Кавказа, из Варшавы, выборы атаманов в станицах бросали вдруг к ласковым воспоминаниям. В «Кубанских областных ведомостях» о похоронах и поминках знакомых казаков не мог читать без слёз.

Всё прошло, и как быстро! Отправляли его на службу в царский конвой, когда с Кубани до Петербурга тряслись на лошадях, а не так, как потом: играли в поезде в карты. Служил долго, примерно — двадцать лет вблизи царских палат; двадцать лет жаловали подарками, жетонами, чинами, льготными отпусками домой. Кажется, всю петербургскую знать пересмотрел, стоя сбоку, и гордился, что родное войско подняло его так высоко. Слышал голоса трёх царей русских, здоровался с ними; глаза их узнавали кубанского казака с речки Сосыки; «имел счастие» христосоваться с царями на светлую Пасху, принимать из их рук фарфоровое яичко. Командиры конвоя Ивашкин-Потапов, граф Шереметьев, Мейендорф подписывали ему разные бумаги.

А всё же казачья простота (от деда, отца-матери и всего быта черноморского) тоскою втёсывалась в него все годы. Был у него с братьями хуторок на Сосыке, и сколько же раз чувство срывалось туда, на степной ветерок, под старую грушу в саду, к табунам лошадей, к хатам, где не у всех были лавки вдоль стен, к друзьям по второму Черноморскому полку. На Гусарской улице в Царском селе, на скачках под Гатчиной, в Мариинском ли театре вдруг хотелось сняться с места и за несколько вёрст от хутора побродить в болотных сапогах с батькиной шапкой на голове да пострелять уток. Но всеми силами подтаскивал он в конвой сына Сергея, а потом и внуков Бориса и Николая. Покрыться же в Петербурге серебряным гробовым венком, как наказный атаман Малама, не захотел и берёг

свою хату на Кубани пуще глаза. Казачья земля пусть будет пухом.

Любили казачьи отставники кохаться на родовых наделах, засыпать под лай собак в хате с русской печкой. Там не прозеваешь, когда полетят к Ейску лебеди. Понесут кого-то на кладбище, деда, бабушку, родителей вспомнишь — они рядом. Из одиноких отцовских гнёзд, когда звали в Екатеринодар повеличать славную годовщину или стать в строй перед важной особой Двора, седобородые чины войска, герои войн и льготные конвойцы наряжались в праздничные черкески и с четырёх сторон вкатывались на рессорных фаэтонах, а то и на тележках в улицы с купеческими домами. Как родня, проводили они короткие дни в строю и за обедом, поминали былое, жили у родственников, полковых товарищей и, словно помолодев, уезжали. Ничто не угрожало, вовеки пребудет земля казачья. Спите отцы наши и деды, да не забудутся нами места, где претворяли вы царскую волю — в дистанции Александровского поста, возле кордона Новогригорьевского, у Марьянского куреня, в земле натухайцев и у абадзехов при реке Супп.

Простоватый запорожец дед Гаврила женил сына Савву на дочери войскового старшины, и досталась земелька в десяти верстах от Павловской, и было это, страшно сказать, сразу же после войны России с Наполеоном. Турлучный дом о двух покоях с сенцами, людская, кузня при нём, сарай на подклете — всё под камышом, обнесено сосновыми досками; да сад, да два загона для скота: сто шестьдесят лошадей паслись в степи, полторы сотни рогатого скота и две тысячи овец. По счастливому наследству перешли к Скакунам и хуторки, и чувство офицерской чести, и благодарность самодержавию. Разве они могли жить иначе?

Казаки, офицеры, обслуга ли Зимнего дворца (камердинеры, портные, лакеи, музыканты) счастливы были пристать к великолепию царского круга, посвятиться в придворные тайны, да и просто подсмотреть то, о чём когда-то напишут. Казак роднился с Петербургом, обживал квартиру на Шпалерной, сидел в театрах, и знали его уже не одни станичные атаманы, городской голова в Екатеринодаре или землемеры Уманского отдела, а и великие князья, министр Двора, какая-нибудь La femme de fei (отпетая красавица) из польской шляхты. Тогда не было сомнения в том, что заведённый порядок монархии укоренился навеки, и заслуженные дедами почести будут с прилежностью зачислены в торжественные списки. Уж каждый день об этом, конечно, не думалось, но сама жизнь, и обряды, и фотографии, даже общества приказчиков в «Ниве» настраивали на спокойствие и почитание. Никогда никому не дозволяла традиция пугаться самого смысла российского бытия, и тысячу раз плюнули бы в лицо ещё в 13-ом году тому, кто прозвал бы верных слуг юбилейной династии холопами и рабами, и тем паче прихвостнями. Жили и привыкли к древности: «Самодержец Российский, Государь Всемилостивейший...»

И так жили бы ещё много лет. Не зарастали бы в станицах могилы, не падали кресты. Род Скакунов прославился бы вековой службой в Конвое Его Величества.

Но слезами будет усеяна судьба казачья.

В 1918 году, в разгар гражданской войны, пропал в музее Ф. Коваленко мундир Александра Второго — мундир, который нёс Скакун на параде в честь 200-летия войска. Говорили: за Россию, к её алтарю, за царя, к его престолу сложим все силы. Но проклянут, забудут всех слуг Отечества. И даже за подвиги в русско-турецкой войне не помилуют. Счастливыми станут те, кто умер раньше: Иван Свидин, Никита Вишневецкий, Павел Бурсак. Они никогда не

услышат, о чём будут молить Бога несчастные их дети и внуки.

Через 60 лет казак Фидря найдёт в хуторе кинжал в серебряной оправе. «В честь памяти полковнику В. С. Скакуну от Л-Гв. Собственного Его Величества Конвоя 1-го куб. эск. 17 октября 1884 года». Кто спрятал кинжал в гильзу от пушечного снаряда?

В 1976 году в марте месяце подошёл я на Бурсаковской улице к старику Артёму Леонтьевичу, не знавшему в скорби куда деть себя: сорок дней назад у него умерла жена. Он часами стоял на тротуаре и как будто кого-то выглядывал: не идёт ли к нему знакомая родная душа? В хате горели свечки в стаканчиках. Както сразу заговорил он о молодости, вспомнил своё сватовство, Екатеринодар, извозчиков, магазин, обувного короля Сахава, фаэтон Дятлова, пристава Кузьму Крикливого («дядю Чёрного»), умершего после гражданской войны в Греции, генералов Бабыча и Косякина, швейцара областного правления Ивана Шевченко (с золотыми нашивками, когда увидел его, подумал — генерал) и есаула Бирюкова во Дворце наказного атамана, потом и Скакунов с речки Сосыки.

— Генералы Кокунько и Скакун послали меня в Екатеринодар писарчуком в областное правление. Мать гордилась. Из Атамановской я приехал и после женитьбы стоял на квартире у Петра Саввича Скакуна, брата генерала. Двор уложен камнем, а после дождя камыш вылезал. Василий Саввич нанимал на хуторе работников на лето, из России тогда много приходило на заработки. Спят под навесом у ссыпок. На лаптях мелом напишут: «1 руб. 50 коп.» И спят. Накрывает на дворе хозяин стол человек на пятьдесят. Борщ, говядина, хлеб. «Садитесь!» А сам ходит по-за столами. Кто хороший работник, быстро поест, встанет и скажет: «Спасибо!» А ленивый и жадный возит ложкой... «Та-ак... Ты оставайся, ты оставайся, а остальные — шоб духу вашего не было, не надо». Тогда так было. И атамана выбирали, чтоб хозяин был настоящий. В Уманскую взяли из Старощербиновской Онуфрия Назаренко; он, когда царю докладывали о памятнике в Тамани в 1911 году, ездил с Бабычем в Ливадию.

Сам Василий Саввич был на вид типа Тараса Бульбы, с пышными белыми усами. Огромный сад у него, малолетки рвали яблоки. Держал барашек, калмыки пасли. Купался в Сосыке. Мы возимся, он: «Хлопцы, бежить сюды. Помыйте мне спину». На кладку садился, мы его хлюпаем, хлюпаем. «Теперь ходимте, я вам гостинцу дам». Мы ладошки сложим, полную горсть конфет несём. А любимый кучер у него был Евтей. «Евтей, а ну запрягай кобылу». Садятся. «Поедемо туды, до церкви, да в правление заглянем». Его не боялись. И казак Федот Лозовой знал характер генерала. Заедет на хутор, рубит деревья. «Шо ты делаешь?» — «Та, Василий Саввич, хиба ж его у вас мало?!» Или барашку стащит. И странно: генерал жить без него не мог. «Евтей, привези мне Федота. Рыбки половим». А зимой: «Федот, поедемо на охоту зайцев бить». Понравилась Федоту собака Скакуна, стянул. Взял квач, опустил в дёготь и пятна положил на шерсть. «Це Фёдор украл!» И прощал ему. Евтей возил его в Уманскую на красивой линейке с красными колёсами, на белой лошади; у лошади на шее выжжена корона. Так говорили старики, будто царь крестил сына Сергея и подарил Скакуну. Ну, может, и не так, а называли его у нас «дарственный генерал».

Что запонку с гербом подарила императрица Мария Фёдоровна — это точно. Она по красоте ордену не уступала. Эту запонку, ордена и медали нацеплял на полотняную рубаху после революции и в шляпе, босиком, безумный ходил по хутору с жезлом, малолетки бежали за ним, а он будто приказывал казакам в Конвое, которые при царе ездили: «Малые калоши разрешаю носить при бурочных ноговицах — в наряде на конных постах, а так же в наряде во Дворец, когда надлежит быть в чувяках. Казакам, увольняемым со Двора, ношение калош воспрещено». Малолетки выстраивались, и он командовал, как им нести службу «при священной особе Государя Императора», а потом садился на кладку, где мы его ещё недавно хлюпали, и плакал: «Зарезали брата моего Петра, голодранцы, и Государя с царицей покончили...» А брата Петра Саввича зарезал на хуторе некий Шастик поздно ночью. Экономка его, когда пришли в Екатеринодар красные, донимала: «Поедемте на хутор, поедемте...» Я не пускал его: «Кто там с вами будет считаться?» Не послушал, и его вместе с экономкой угробили. Своё там у них кладбище было. Я не ездил туда с 19-го года. Боюсь печали на сердце...

Когда появился на свет мой роман о Екатеринодаре и зашумела молва, что его читают и передают друг другу, стал я притихше подпирать свою мечту о какой-то библейской встрече с чудом уцелевшим патриархом или наследником из екатеринодарских дворов: вдруг принесут пакет, а там такие перлы, что впору вставлять в роман целые куски; вдруг позвонят в дверь и, переступив порог, скажут: «Я внучка есаула Шапринского (Косякина, Скворикова, Трегубова, Шкуропатского, Кияшко)». Но прошла, как повторял герой Толстопят, слава земная. Из Ленинграда, Подмосковья и из самой Москвы назвался кое-кто: дочь конвойца, дочь есаула Бирюкова, внучка ювелира Гана. Из Аргентины написала дочь генерала М. В. Алексеева. В Екатеринодаре таинственно открылась внучатая племянница царского генерала. Чего я ждал?! Погибли, умерли, разбежались по белу свету, расстались с упованием на воскрешение прошлого царства знакомые мне по преданиям кубанцы; состарились, переменились потомки. На дне какой речки, в каких камышах лежат запонки с гербом?

Написал и почему-то отложил надолго. Ах, да обманывал сам себя, всё суеверничал: авось выпадет в архиве листочек, услышу, что в краях скакуновских, или получу весточку о сыновьях и внуках из стран чужих, куда, может, ушли они

в 20-ом году с Деникиным... Увы! Тихо кругом, отлетела молва в небеса, а на земле заняты люди своим делом. Камыш по берегам Сосыки нам никогда ни о ком не расскажет...

...А всегда в истории, где, кажется, уже следов не осталось, кто-то ещё что-то знает и молчит. Вокруг никто ничем не интересуется, и ему одиноко со своей памятью. Я написал в газету станицы Павловской. И тотчас получил конверт из станицы Новолеушковской.

Оказывается, незадолго до последней войны с немцами появился в какой-то день в станице не чужой человек. Прошёл ли он по улице в сумерках или, чтобы никто не заметил, прокрался с огорода — неизвестно. К Анне Фотиевне прибежала соседка Михальченко, попросила помочь ей переставить сундук. Не угадав обмана по глазам соседки, она прикрыла дверь хаты и вышла за воротца, в чём была. Ей ничего не снилось, никого она давно не вспоминала. Тайна, на которую обрекал её этот день, замолчит в ней до старости. Она вернулась в свою хату, как будто из прошлой жизни, и каждую минуту чувствовала, как она старается говорить поспокойнее и не вызывать подозрений. Сталин с трибуны мавзолея махал ей рукой. Она боялась и его. Муж прикрепил этот портрет над столом, и Сталин слушал их разговоры в часы обеда и ужина. Глядя на стену, не раз она думала, что в семье Скакунов висел портрет Николая Второго.

— И пришла я к соседке, а в хате мужчина. Гладко выбритый, по-городскому одетый. Я его сразу узнала, хотя он и сильно изменился. Муж мой первый, Борис Скакун. Мы смотрели друг на друга и молчали. Долго. Слёзы заливали моё лицо. И он обнял меня, целовал и успокаивал. Соседка вышла, а мы сели, и он рассказывал про себя: что он не под стражей, но уезжать с Колымы ему нельзя, а за хорошую работу дали ему два месяца отпуска и разрешили поехать на Кубань. «Моя любимая», — несколько раз сказал. Я не скрыла от него, что замужем за красным партизаном, растёт сын Вася, назвала его в честь Василия Саввича Скакуна. Сидели мы два часа. А потом я заторопилась, встала, попрощалась и больше его не видела. В 56-ом году получаю (всё через ту же соседку) письмо от него: просил меня сойтись. Но я уже за другого вышла (муж тот умер) и не дала согласия. Того, что было при Скакунах, где искать?

Замуж за Бориса Скакуна я вышла осенью 1918 года. Мне было пятнадцать лет. Жизнь моя в семье Скакунов была беззаботной. Я с детства всё умела делать — и коров доить, и травы накосить, и прополоть, и хлеб испечь. Свекровь ничего не давала мне делать, относилась ко мне со всей душой и лаской. В доме было много книг на французском языке. У нас с Борисом своя комната. Борис, как и брат его, отец и дед, служил в царском Конвое. Свёкор Василий Саввич с сыном Василием ушли вместе с деникинскими войсками. Мы с Борисом после отречения царя жили у моего брата Луценка, а когда его арестовали и по дороге в Павловскую убили, мы выехали на хутор в курень. За это время умерла моя свекровь. Про Василия Саввича стали говорить, что он всё же погиб; офицер сообщил, что его мёртвого везли из плавней на плоту. А Борис сказал моей матери: «Не такой дурак мой дед, чтобы погибать. Он давно уже в Париже». Борис стал скрываться за хутором, в станицах, где его не знали. Я перешла к отцу. Мы встречались редко — то в степи, то у речки, то у знакомых. И он говорил мне не раз: «Нюра, ну что ты будешь со мной мучиться, устраивай свою жизнь, выходи замуж за какого-нибудь красного партизана». Но я его любила и не могла бросить, да и греха боялась. И уже в 26-ом году, когда Бориса забрали на Колыму, я с испуга (а то и меня арестуют) вышла замуж за красного по фамилии Школьный. Нету больше Скакунов! Как нету и серебряной посуды, бокалов, графинов, поясов с серебряными наборами, вишнёвого цвета черкесок — я сама видела всё это в их доме. Где усадьба была Луценкова с садами, сейчас свиноферма колхоза «Родина». И Скакунову усадьбу не найдёшь... Да оно уже и горевать некому.

Не буду больше искать семью Скакунов. Пусть опомнится казачество, воскрешает златые дни и подсчитает умом и душою потери. Пусть поплачут казаки и в слезах осунутся, и загорюют: долго им идти к славе предков! Пусть дождутся нелукавых времён, когда в канун праздника толкнётся рука к бумаге и напишет верноподданнические строки. Легко было генералу В. С. Скакуну — он жил в царской России.

«Ваше Сиятельство, принося Вам глубокую благодарность за приглашение на празднование Конвоя Его Величества, я крайне удручён тем, что преклонные лета и полученная в турецкую войну рана (за которую я имел редкое счастье удостоиться вручения из Собственных рук незабвенного Государя Императора Александра Второго золотого оружия) не позволяют мне приехать на чествование 100-летия Конвоя.

Мне особенно больно, как, кажется, единственному оставшемуся в живых старому черноморцу-конвойцу, бывшему при окончательном формировании Конвоя и привезшему Черноморский Штандарт, находиться в такие дорогие минуты вдали от родной части... и с прискорбием сознавать, что, быть может, мне более не представится случай видеть на склоне лет Священную Особу Государя Императора... Дай Боже, чтобы и в будущем заветы старины не ослабевали, и Конвой всегда был образцом лихости и беззаветной преданности (Е. И. В.!) 10 мая 1911 года; станица Павловская»...

Читайте и горюйте, казаки: вам некому пока так писать, и нет в России священной особы Государя Императора.

Но что это я сказал? Кого это сейчас тронет? Прочитает какой-нибудь студент-филолог, а казак и не заметит. И даже в станице Павловской никто не вздохнёт: эх, нету с нами Скакунов...

Март 1994 года.

Историко-литературное объединение «Родник»

Степан ДЕРЕВЯНКО

ПОГОСТ

Рассказ

Высится над степью курган древний, и на нём — кресты. С северной стороны кургана посевы озими, уже раскустившейся, и полевая дорога, с южной — камышовые заросли, которыми оброс неширокий ручей, обозначенный на картах как речка Сухая Челбаска.

С востока и запада от кургана всё распахано, лишь вдали виднеются заросли заброшенных садков. В них когда-то стояли хаты, да и вообще на месте распашки был хутор, со времён столыпинских тут жили вышедшие на вольные хлеба казаки. Они и облюбовали скифский курган под своё кладбище, которое иначе у русских людей зовётся погост, а ещё иначе, если заглянуть в словарь Даля, — Божья нива. Мне, как и каждому человеку, не очень приятно думать про место, где в назначенный час придётся окончить свой земной путь. Но я решил сходить на погост моего родного хутора, следа от которого уже на земле не осталось, но остались на кургане могилы тех, кто на хуторе жил, кто, даже переехав в другое место, пожелал покоиться на этом тихом кладбище, на земле отцов. Многих из этих людей я помню, иных забыл, знаю только, что жили на хуторе такие люди, и были эти люди хорошие. Помнил, может быть, бы я больше, да малым был в те послевоенные пятидесятые годы, когда родители решили переехать в другой хутор, где было вольготнее, и был вольный выпас скотине.

…Я бросил машину на трассе и пошёл к погосту через озимое поле. Хотел сначала проехать, но по-над ближними посадками дорогу засеяли, там сплошь зеленела озимь, а ехать в объезд было далеко и незачем — к месту упокоения надо идти пешком и с раздумьями, как-никак идёшь поклониться людям, оставившим след в твоей памяти. И я шёл по озими, усыпанной каплями дождя, обронённого какой-то рваной тучей, непрерывные стаи которых плыли надо мной к югу. Из-за этих туч было пасмурно — абсолютно неподходящее время для фотосъёмки. Но когда я приблизился к погосту, небесную рванину пробили три широких солнечных луча, которые просветлили всё окрест, и это я посчитал Господним благословением моих намерений. Минут десять небесные прожектора подсвечивали мне фон, а после ошмётки туч заволокли свет, однако я успел обойти курган и сделать снимки. Потом взошёл на погост. И первая могила, перед которой я предстал, была могила деда Никиты Туренко. О! Это был чудный человек! Он и на фотографии памятника с той же окладистой белой бородой, с которой я его помню.

…В те послевоенные годы в колхозе имени Будённого, к которому относился наш хутор Сухие Челбасы, не было ещё детского садика, не было радио и электричества, и всё наше воспитание в летнюю пору сводилось к самовоспитанию — днями мы были предоставлены сами себе и с родителями общались только в конце дня, когда матери, подоив коров, сзывали нас вечерять. Тогда за кружкой молока с краюхой хлеба был первый вопрос отца:

— А ну кажы, шо сёгодни натворыв, пока батько з матырёй булы на роботи?

— Сёгодня нычёго. Мы с хлопцямы булы у дида Туренка.

— А, у дида, ну, тоди добрэ, — успокаивался отец и из штанов ремень не вытаскивал.

Можно, конечно, было и сбрехать, сказать, что были у деда, когда на самом деле обносили баштан у тётки Клапатенчихи, но это обязательно бы всплыло, и тогда порция ремня была бы тройной: за кавуны и за брехню вдвойне, потому что обманывать отца было не принято. Да я и не старался, а вот к деду Туренко старался удрать всегда при удобном случае. Дед Никита был нашим детским садом. Он сидел на колоде под своим плетнём в белой рубахе навыпуск и белых штанах из старого домотканого материала, сложив руки на вишнёвую палку. На нас глядел усмешливо и ласково. И когда мы собирались стайкой и обседали деда со всех сторон, как сорочата, он, перекрестившись и испросив у Господа благословения, начинал рассказывать сказку.

Говорил дед напевно и красиво на малороссийском наречии — помеси украинских и русских слов, и сказок знал множество. Иногда это были истории про то, как дед в молодости, до революции (он не упоминал этого греховного слова, а говорил «в старое время») ходил паломником в Палестину ко гробу Господню. И то ли дед так рассказывал свои истории, то ли мы их так воспринимали, но они тоже казались сказочными. Мы слушали деда Никиту, раскрыв рты, и впитывали, как губка, его добрые красивые слова. Наверное, они и были нашим воспитанием, во всяком случае, после дедовых и материных сказок мне захотелось читать, и до сих пор я не могу начитаться.

И никогда в жизни потом я не слышал, чтоб кто-нибудь из стариков собирал вокруг себя чужих детей и сказывал сказки… Может, дед Никита тогда исполнял Господнее предназначение и был нам всем дедом, потому что ни у кого из моих хуторских друзей: ни у Николы, ни у Петра, ни у Лёньки дедушек и бабушек не было — всех их унесли расказачивание и голодомор 32–33 годов, и из стариков на нашем хуторке был один дед Никита. Как ему удалось выжить в те страшные годы, не знаю, но греха за ним не водилось, потому что никто из родителей не сказал про него ни разу плохого слова — деда почитали и любили все. А я до сих пор помню напевный дедов голос и его сказки, которые потом приходили ко мне снами. Вечная тебе память, Никита Гаврилович Туренко, сказочник моего детства. Может быть, там, на твоей жердёловой колоде, мне назначено было рассказывать людям о судьбах других людей, и я исполняю назначенное…

За могилой деда без ограды, под одинаковыми памятниками лежат два очень близких мне человека: дядя Миша и тётя Вера Шкуратовы. Это наши соседи и родители моего друга Николы. У них было четверо детей, и я в их хате был вроде пятого. Садились семьёй обедать — садили за стол и меня. Вынося горячие пирожки на улицу, несли всегда и на мою долю, хотя я не был сиротой. Просто доброта к детям своим и чужим была тогда у родителей нормой, и кусок хлеба, который после войны доставался ещё трудно, делился меж всеми нами щедро.

Дядя Миша в те годы работал в колхозе трактористом. Трактора тогда были марок «ХТЗ» и «СТЗ» — такого качества, что одна марка расшифровывалась так: «Хрен тебя, товарищ, заведёшь», а другая: «С тобой, товарищ, замучаешься» (сами понимаете, где я заменил «фольклорные» слова). Эти трактора и сама работа выматывали трактористов так, что мало кто из них пожил после пенсии. Дядя Миша умер в 63 года, а вскоре после смерти мужа преставилась и тётя Вера — не смогла без него жить, любила очень. Хотя все четверо «шкуратят» к тому времени вышли в люди, и прислонить голову было к кому.

Дяде Мише или кому-то другому из мужиков, лежащих в кургане (просто не знаю, кому), я обязан жизнью. Когда меня лет в пять ударил в лицо копытом стригунок (я его дёрнул за хвост), и я упал без сознания, на той же бричке, на которой привозили доски, отец с возницей, завернув меня в фуфайку, погнали в больницу в райцентр за 30 километров. Лошадей загнали, но меня спасли — фронтовой хирург Коньков собрал мне лицо, пришил нос. Получилось не очень красиво, зато крепко — на всю жизнь. За лошадей потом моих спасителей хотели судить, но простили по просьбе хуторян — была как раз хрущёвская оттепель, и людей за всё подряд уже не сажали.

…Что ж, вот и проведал я вас, дядя Миша и тётя Вера, упокой Господь ваши души. Уж больно беспокойно было вам на этой земле.

Среди немногочисленных могил погоста, расположенных меж кустов сирени и вишняка, я вижу знакомые фамилии Шелковых, Стрюковых, Старосёловых, Шабловских, Ерёменко. А вот весь род Новохацких с первым захоронением в 1953 году и двумя последующими. Заросли эти могилы травой, забурьянели. Знать, никто уже не приходит к ним из родных людей — может, никого вблизи не осталось, а может, уже просто некому.

Пробираюсь сквозь кусты и вижу снова знакомые имена — несколько памятников с редкой для Кубани фамилией Целина. Нетронутая, непаханая земля — вот что такое целина. Видно дали эту фамилию при первой казачьей переписи кому-то из рода лет двести назад, когда вся кубанская степь была сплошной нетронутой землёй, которой, как девичьей груди, ещё рука мужская не касалась.

Тихо на погосте. Низкое осеннее небо повисло над ним, и верховой ветер с натугой гонит к югу затяжелевшие от дождя или снега тёмные тучи. Холодает. Но ничто не нарушает тишину вечного сна сего святого места, и только высохший, закрученный в спираль стручок глядичей акации неизвестно от чего вертится на ветке и торохтит семенами, будто погремушка. Видно, только ему одному дано здесь право шуметь.

Возвращаюсь назад через поле. Яркая зелень озимой пшеницы радует глаз, и хочется думать о скорой зиме, мягком снеге на озими и охоте на зайчишку по первотропу. Так и быть должно: пока жив человек, он о жизни думать должен.

Степан ДЕРЕВЯНКО

ЧАРЛЁНОК

Рассказ

На рынке в «собачьем» ряду, где торгуют щенками, старый охотник продавал таксёнка. Это был самый крупный, самый сильный, самый умный щенок из последнего помёта, сын его любимых собак Лёли и Чарлика, которого дед Володя хотел оставить себе. Годы заставляли думать о последней охотничьей собаке. В семьдесят лет уже много не побродишь с ружьишком. В семьдесят лет трёх с половиной килограммовое ружьё, в пятьдесят казавшееся лёгким, а в сорок — вообще невесомым, кажется пудовым, особенно если ходить за зайчиком по вспаханным полям. Да оно, если уж честно сказать, иной раз на охоту и ходить не хочется, азарта того нет, что был раньше — старости азарт не свойственен. Хотя разве он старый? Пять — семь километров отмахать по полям да балкам ещё может, правда, потом сердце колотится, но на то она и охота! А дома, если лежать под телевизором и глотать таблетки, как его годки, разве лучше? Так ещё быстрее сдохнешь. А у него ещё сердце не шунтировано, пуза нет — сухой, как забеганный заяц.

Правда, с собаками деду Володе Семёнычу — так его звали уважительно молодые охотники — в последний сезон не повезло. Чарлик погиб в камышах в схватке с шакалом (развелось их после Чеченской войны!), а Лёлю просто украли. Причём, на охоте: выскочила из камышей, гоняя фазана, на трассу, иномарка остановилась, открылась дверь, позвали, и собака, приученная запрыгивать в машину, уехала. На глазах у хозяина. Номер машины Семёныч не разглядел, а его самого водитель видел и не мог не понять, что собака на охоте. Украли. Укатила Лёля, не докормив трёх щенков. Докармливал их Семёныч: из соски, потом из миски молочком, супчиками до двух месяцев, оставил себе одного, а теперь вот трёхмесячного, свою охотничью надежду, вынес на рынок. Стала слепнуть жена, потребовалась операция по удалению катаракты, а доктора-коммерсанты заломили такую цену, что двух их пенсий не хватает. Будто этот искусственный хрусталик не стекляшка, а бриллиант. Вот и решил дед Володя продать по такому случаю младшего Чарлика, которого назвал Чарлёнком.

Думал сначала, ружьё, да кому оно старое нужно — курковка-горизонталка, хоть и высокого разбора. Ружьё Семёнычу при Советской власти вручили как звеньевому за наивысший урожай свёклы в районе. Тогда и награждали ружьями, и купить можно было в магазине любое без всяких медкомиссий и разрешений. А теперь ходи по врачам, чтоб написали, что ты не псих и не наркоман, по охотничьим обществам обивай ноги, по полициям — и везде плати деньги, тогда только получишь дозволение на покупку гладкоствольного. Нарезного таким, как он — простякам, вообще не выходить, до самого полицейского генерала дотопать надо. Туда свободно ходят судьи, прокуроры, сами полицейские. А простяки стреляют из «пукалки» двенадцатого калибра. Но в полях, где крупного зверя нет, нарезное и не нужно. Только продавать старое ружьё придётся долго, а операцию нужно делать сейчас. Потому Семёныч, погоревав, и вынес щенка на базар. Присел на принесённую из дома скамейку в ряду собачников и стал ждать покупателя.

Было холодно. Прошедшую ночь кружил мелкий снежок, вроде, и не частый, а к утру притрусил всё, и начал кусать мороз. Собачники поукутывали щенков, иные в специальных ящиках зажгли свечи для обогрева. Семёныч же сунул Чарлёнка за отворот ватной куртки, и оттуда «таксист» взирал на мир, постреливая по сторонам чёрными глазками. Чарлёнку нравилось за пазухой хозяина, но временами, когда дед Володя его не поддерживал, он проваливался, начинал скрести по куртке лапами, выбирался наверх и опять занимал позицию обзора. Деду Володе это нравилось, и он подсмеивался над щенком:

— Что, хвостик не держит? В нору ссовываешься? Держись лапками, дружок, ты из геройской породы!

И поглаживал щенку ушки-лопушки. Ушки Чарлёнка были настолько тонки, что просвечивались насквозь, и это говорило об особом охотничьем чутье и таланте таксы.

Несмотря на мороз, рынок понемногу заполнялся людьми. Стали интересоваться щенками овчарок, кавказских сторожевых — этих лохматых барбосов продавали прямо из багажников машин, как поросят. Холод им был не страшен. Семёныч заметил, что покупают их, в основном, мужики и женщины рослые, мордатые, богато одетые — наверное, для того, чтоб во дворе бегала зверятина, похожая на хозяев. Потом стали спрашивать пекинесов, какая-то полуслепая выцвевшая старушка искала щенка немецкого шпица, наклонилась чуть ли не нос к носу к Чарлёнку, отчего тот на неё зарычал и тявкнул.

— Ой! — отпрянула бабуська, — у Вас не шпицик? А то мои котики без весёлого шпицика скучают.

— У меня таксёнок, страшный любитель котиков, если купите, скучать котикам не придётся — все будут висеть на занавесках, как

игрушки на ёлке, — ответил старой Семёныч, усмехнувшись.

— Ой, извините, я знаю, что такое такса — это для котиков монстр!

Чарлёнок недовольно косился на старуху и ёрзал за пазухой. Он бы её, эту пропахшую ненавистными запахами кошатницу, облаял на весь базар, но поглаживание хозяина его успокаивало и не давало разозлиться.

После бабуськи никто к деду Володе с Чарлёнком не подходил. Спрашивали по-прежнему пекинесов, йоркширских терьеров, той-терьеров, охотники — их бы Семёныч определил сразу — на рынке не появлялись. Да и понятно почему — охотничью собаку на рынке неизвестно у кого не покупают. И Семёныч загрустил. Он гладил ушки Чарлёнку и говорил: «Не везёт нам, дружок. Не найдём тебе хозяина — бабка обидится, подумает, что не захотел продать. А я и не хочу, да деваться некуда — и ты мне нужен, и тебя жалко, а бабку жальче. Со слепой бабкой совсем «каюк» придёт, — дед Володя стёр рукавом слезу. — Детей у нас, вишь, не получилось, потому тянуть нам с бабкой друг друга до конца, пойми это, дружок. Но ты не сердись, в плохие руки тебя не отдам. И не смотри на них, на всех этих пекинесов-шмекинесов — всю эту диванную, перинную породу, — дед Володя сплюнул и махнул рукой. — Это разве собаки? Это коты в собачьей шкуре! Их не растревожит ветер с полей, им никогда не схватить в камышах фазана за хвост, не выгнать из норы рыжую хитрунью и не задать ей стрекача под выстрел хозяина. Эх, дружочек! — Семёныч опять всплакнул. — А когда кончится их собачий век, их никогда не похоронят, как охотника, в полях, под салют из ружья, и стакан в память о них не нальют. Эх, Чарлёнок… — старый охотник вконец расстроился. — Никто меня теперь не повеселит, и двор без тебя опустеет: коты обнаглеют, петух станет бродить, где попало — не будет во дворе хозяина. Да и бабка без тебя заскучает…»

От грустных мыслей Семёныча оторвал спешащий мимо знакомый охотник, молодой и шебутной учитель из соседнего хутора.

— О, дядь Володя Семёныч, здравствуйте! Никак Чарлёнка продать решили? Случилось что?

Учитель знал историю с пропажей собак Семёныча.

— Решил, Саша. Бабка слепнет, а эти жулики в белых халатах дерут три шкуры.

Учитель всё понял и не торговался. Он был весёлым парнем, шутником, его любили дети и собаки, и дед Володя обрадовался, что Чарлёнок попал в хорошие руки. На прощанье он прижал щенка к лицу, передал Саше и отвернулся — старику было не по себе.

— Не переживайте, дядя Володя, я заведу Чарлёнку подружку и кобелька из первого помёта подарю Вам, ещё поохотимся! — подзадорил старика учитель.

— Спасибо, сынок, дай Бог, чтоб к тому времени меня ноги носили.

И пошёл с рынка, забыв про скамейку.

Дома, только он хлопнул калиткой, жена вышла на крыльцо.

— Купили? — спросила и захлюпала носом.

— Купили. Успокойся. Хороший хлопец купил, я его знаю. Охотник.

— А ты как же, Володенька? Может, от лечения и толку не будет, а ты без собачки… — жена не смогла успокоиться.

— Будет толк, не будет… А с тобой слепой мне что, легче будет? — Семёныч поцеловал жену. — Иди в дом, Надюша, простудишься.

— Иди и ты, обедать будем.

Жена затворила дверь, а Семёныч поискал глазами скамейку, на которой любил посидеть за домом после охоты, и только теперь вспомнил, что забыл её на рынке. «Ладно, чего уж, где Тетеря, там потеря», — решил старик. Он взял старую фуфайку, бросил её на колоду за сараем и присел отдохнуть. Был уже полдень, но мороз держался, и снежок не таял. Наоборот, оттуда, с северной стороны, с полей выстраивались в атаку на станицу тучи, и ожидались, похоже, последние в эту зиму холода. «Как там Чарлёнку на новом месте? — подумалось старику, хотя он знал, что у учителя щенку будет не хуже, чем у него. — Главное, что теперь хватает денег на операцию, и жена не ослепнет. Завтра он повезёт Надюшу в город, в больницу, над которой вертится громадный глаз, и её вылечат. Да, вылечат, и всё у них будет по-прежнему», — твердил, успокаивая себя, дед Володя. И это была для него сейчас главная, самая важная думка, но почему-то в глубине души засела другая — про щенка, и, как лиса из норы, никак из души думка эта не хотела выходить.

Валентин ЦВЕТКОВ

УЧАСТНИК КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Рассказ

Мой товарищ Александр — человек с юмором. Слушать его без улыбки нельзя, а порой и вовсе ухохотаться можно. Недавно встретились с ним, и в череде реальных случаев рассказал он один — на тему коммунальную. Сама по себе она вызывает если не слёзы безысходной горечи, то, как минимум, кривую усмешку — приятного в ней по качеству услуг и ценам всегда было мало. А тут вдруг разобрал смех…

Последние месяцы работы у Александра, мастера по ремонту легковых автомобилей, было немного. То ли водители-любители стали ездить аккуратнее, то ли денег на восстановление транспортных средств у них не имелось. Но не подъезжали они к его двору, не сигналили и голосом не звали.

Совсем уж без дела не сидел — порядки в мастерской наводил, своего старенького «жигулёнка» обхаживал. Отсутствие посетителей расслабило. Несколько дней не брился, зарос изрядно. А тут жена, прибежавшая на обед, задание срочное дала: записать показания газового счетчика, сходить, куда надо, и заплатить, сколько нужно.

Приказ начальника — закон. Собрался быстро, приехал, пристроился к хвосту очереди. Пока, медленно и мелко перебирая ногами, подсовывался к заветному окошку, по сторонам осматривался, читал, что глаза видели.

Подал девушке по ту сторону барьера квитанцию и, указав на исписанный листок, спросил:

— А это у вас что, льготники?

— Да, — ответила она, не отрываясь от привычной работы.

— Скажите, — не унимался Александр, — а участники Куликовской битвы считаются льготниками?

Выбитая из размеренных движений нестандартным словом, девушка подняла голову от стола, посмотрела на заросшего посетителя и, в явной растерянности, почти по слогам ответила:

— Не зна-ю…

— А кто знает?

— Минуточку! — остановила она словопоток любопытного земляка. Осмотрела свою часть операционного зала и уже там проконсультировалась: — Мария Ивановна, участники Куликовской битвы относятся к числу льготников?

Та, занятая своим и тоже важным делом, отмахнулась:

— Ты же видишь — у меня посетитель. Не знаю я. Обратись к начальнику отдела.

Девушка встала со стула и хотела уже идти в соседний кабинет, да Александр сжалился, остановил её:

— Пошутил я, не получают эти воины государственные льготы. Ни к чему они им…

Случай этот, закончившийся в итоге всеобщим смехом — эмоциональной разрядкой, на сто процентов реальный. Отрицательных последствий — ближайших и перспективных — не последовало. Но не всегда бывает так, когда обслуживать население в государственном ли учреждении, в коммунальном ли предприятии или где ещё доверяют хоть и симпатичным, но малограмотным.

К нам в редакцию несколько месяцев с одной претензией неизвестно к кому ходил мужчина. После смерти матери стал оформлять на себя дом, в котором родительница прожила всю жизнь, да и он в нём состарился, и только тут выяснилось, будто и не сын он ей вовсе. У матери фамилия заканчивалась на букву «а», у него — на «о». Разница многие годы и десятилетия была незаметной, а столько проблем, нервов, денег ушло на её устранение! Понадеялись в своё время на служащую паспортного стола, а она, как только теперь выяснилось, оказалась невнимательной и неграмотной.

А вот другой случай. В течение полутора лет женщина работала в детском садике. Потом уехала с мужем на Север. Там заработала необходимый стаж, но и эти восемнадцать месяцев потерять не хотела. Сделала запрос и оперативно получила затребованный документ. Сравнительный анализ показал несоответствие текста полученной справки и записи в трудовой книжке. В одном документе архивариус точно переписал содержание приказов о приёме на работу и увольнении, где значилось: «Детский сад-ясли». В трудовой книжке запись гласила: «детсад». Мелочь, вроде бы, а выходило, что это как бы разные детские дошкольные учреждения. И снова из-за чьей-то ошибки — проблемы.

Подобные случаи может припомнить почти каждый человек. А потому на ум пришла мысль: стоит, видимо, на должности, от которых зависят другие люди, принимать самых компетентных, прошедших многоэтапный отбор. А если и проскочит сквозь это сито кто-либо по знакомству или чьей-то симпатии, пусть он за счёт своих средств и времени и исправляет допущенную ошибку. Это будет справедливо. Тогда не будут они выпячивать глаза в виде ответа на вопрос: является ли льготником участник Куликовской битвы?!

Валентин ЦВЕТКОВ

УТРО В СТАНИЦЕ

Проснулся рано я, с рассветом,
Зевая сладко, потянулся,
Взял полотенце и при этом
Невольно как-то улыбнулся.

На грядке, прямо под окном,
Слегка потея с пробужденья,
Рос лук, и было видно в том
До жизни жадное стремленье.

На ветке, ёжась от прохлады,
Перекликались звонко птицы.
Чуть ниже, около ограды,
От колеса лежали спицы.

На вишне — белая фата...
И в голове пошло круженье.
Мне в жизни просто не хватало
Лишь вот такого пробужденья.

СУХОЙ МАЙ

Я пот со лба рукой стираю.
Печёт огнём. Вот это май!
И к небу взор свой поднимаю:
Ты тресни, небо, дождик дай!

А небо чистое, ни тучи.
Все тучи словно разбрелись,
Запрятались в тени под кручей.
Кого накажешь? Разберись!

Земля парит последней влагой.
Пшеница шепчет: «Жарко мне...»
Я не в себе, как будто брагой
Хмельной напоен был в селе.

С надеждой я смотрю на небо.
Не пахнет дождиком, пропал.
Так нужен он сейчас для хлеба!
Да и меня бы искупал.

СЕРЁЖКА, ВЕТЕР И СКВОРЕЦ

Перо с подушки под забор
Весенним утром ранним
Серёжка выбросил во двор,
Гордясь своим стараньем.

Весёлый ветер-шалунишка
Перо потрогал, распушил
И очень сильно, даже слишком,
Серёжку этим рассмешил.

Перо бросал в кусты, на сетку,
Вокруг кружился, как волчок.
Но тут скворец присел на ветку.
Серёжка замер и — молчок.

Стоит, дышать стараясь тихо.
Он продолженье посмотреть
Уж очень хочет. Звонко, лихо
Скворец на ветке начал петь.

Потом перо внизу приметил,
У ветра шалого отнял.
А тот, как будто не приметил,
Скворца по-дружески обнял.

И полетели двое вместе
В гнездо к скворчихе поскорей.
Весна — пора не только песни,
Но и создания семей.

Владимир САЯПИН

«НА ЖАРЕНОГО ГОРОБЦА»

Рассказ

Июль, полдень, пятница. Только что отобедавшие водители, механики автохозяйства сидят в тени беседки, с наслаждением курят, лениво обмениваясь новостями. Хорошо… Конец недели, впереди два выходных, у каждого свои планы, не хочется забивать голову проблемами, дрёма одолевает мужиков. Воробьи гомонят в тополях, на них внимательно смотрит котяра, медленно помахивая хвостом из стороны в сторону.

От ворот автохозяйства к беседке кто-то направляется смешной косолапой походкой. По ней мужики и признают хозяина походки: «Максимович». Шумно дыша, Максимович падает на скамейку между мужиками. Жестом просит закурить, затягивается и обретает дар речи. Выпучив глаза и округлив рот, сообщает: «На Карпивском лимане позавчера кум Петро на закидушку выхватил одиннадцать сомов». Вздох изумления, потом недоверчиво: «А на шо вин ловыв?» «На жареного горобца», — безапелляционно, как приговор, прозвучало из уст Максимовича.

…Через полчаса была подписана путёвка, согласно которой бригада рыболовов на «походке» (это такая грузовая машина с будкой) должна вечером отбыть на лиман. Кто-то, сев на мотоцикл, смотался домой и привёз дробовик. Бедные воробьи! Полное ведро бездыханных «горобцов», полуощипанных неумелыми мужичьими руками, было высыпано на железный лист, под которым развели костёр. Можете представить, какой аромат поплыл над окрестностями, сотканный из недоощипанных перьев и жжёного мяса. Казалось бы, всё уже повидавшие собаки Кардан и Футорка предпочли на время покинуть территорию автохозяйства. Они ещё не забыли, как водители перед техосмотром выкрасили Футорку под цвет машины ГАИ, а Кардану «присобачили» сержантские погоны…

В шесть вечера воинственно настроенная рыболовная ватага, прихватив рыболовные снасти, ящик водки, гармошку и ведро с «благоухающими» воробьями, выехала в сторону лимана. Максимович с водителем ехали в кабине, мужики же, приняв по стакашку, дружно затянули «подорожную». Над полынной степью взмыло дружное:

— На дорози жук, жук,
На дорози чёрный,
Подывысь, моя кохана,
Який я моторный!

Юрка Гук растягивал меха гармошки, прищурясь счастливо, расплываясь в счастливой улыбке…

К лиману подъехали, когда уже начало смеркаться и от ящика водки осталась половина. Вылезли, потянулись. Каждый начал разматывать, налаживая, закидушки. Это такая рыболовная снасть без удилища, вместо поплавка снабжённая колокольчиком. Забрасывается она достаточно далеко и предназначена для ловли крупной рыбы. «Пэрвого — на юшку», — заявил Максимович, сглотнув голодную слюну. Все мужики дружно повторили движение кадыком. Щедрое воображение уже рисовало наваристую уху, щедро сдобренную зелёным луком и петрушкой, огромные, развaристые куски со-

мятины с жёлтым жирком, ломти свежего хлеба и сто граммов, медленно опускающиеся в наболевшее и исстрадавшееся «нутро», измученное голодом и жаждой…

Двадцать три закидушки были заброшены уже в темноте. Расположившись у костра, мужики, лениво переговариваясь, поглядывали на воду лимана, ожидая долгожданного звонка. Судя по рассказам Максимовича, у кума Петра первая поклёвка вчера случилась в течение двадцати минут, после чего на берег был выволочен сом в 15 кг…

Стрекотание сверчков и ленивое гудение комаров, голос выпи где-то на дальнем затоне. Прошло уже четыре часа, месяц, задрав вверх рога к вёдру, выставился на тёмном небосводе. Рыбаки, каждый у своих закидушек, уже давно клевали носом, пока Юра Гук не заматерился со словами: «Ну, и дэ той сом, душу ёго!!!» Все возмущённо загалдели, Максимович втянул голову в плечи — крутой нрав мужиков он хорошо знал. И в это время у него оглушительно, истерически зазвенел колокольчик: «ГА! А шо я казав!!!» Триумфально выпрямившись, рыбак начал выбирать леску, с трудом подтягивая к берегу долгожданную добычу. «Ось, дывысь, вэрхом пийшов, як ляпотыть!!!» — радостно комментировал удачливый рыбак. Надо сказать, что по всем признакам добыча попалась крупная, не желавшая быть вытянутой на берег и шумно, с всплесками и шлёпаньем по воде, сопротивлявшаяся усилиям Максимовича. Уже трое добровольных помощников с подсачниками и фонарями с нетерпением ждали появления сома-гиганта…

Луч фонаря выхватил из темноты огромного лохматого кобеля, за губу которого и уцепился рыболовецкий крючок. Бахтай шумно плескался и не желал быть вытянутым на берег… Оказывается, мужики, согретые парами хмельного, нанизав на крючки «жареных горобцов», дружно зашвырнули их… на другой берег канала, выложив, как деликатесы на кулинарной выставке, на холме другого берега. Кобелина аккуратно поснимал наживку со всех крючков, и только на последнем потерял бдительность, и был подсечён и изловлен. До утра он рычал и не давался мужикам, желающим его освободить от крючка. И только на рассвете ему каким-то образом удалось освободиться, и он ошалелым галопом скрылся с глаз, сопровождаемый крутыми междометиями и замечаниями.

Зло сорвать было не на ком — каждый опростоволосился. Потом кто-то догадался поймать лягушку, и на столь изысканную наживку сом был-таки изловлен, уха была сварена, рыбалка спасена…

Обратно возвращались, не глядя друг другу в глаза. И только Юрка Гук тягостно вздохнул, промолвив: «Лучше б я тёще картошку от жука побрыскав».

Кто-то из мужиков проболтался, и вскоре все жёны горе-рыбаков каждому из них, когда он начинал собираться на рыбалку, с ангельским смирением, опустив глазки, предлагали: «Може, горобчиков настрэляешь?»

Владимир САЯПИН

«СИГНАТЮР»

Пух тополиный медленно кружит,
Истома танго, полумрак хрустальный,
Твои глаза, как васильки во ржи,
И полутьма площадки танцевальной,

Глаз озорных шальной полуприщур...
Затих мотив, чтобы взметнуться снова.
Духов пьянящий запах... «Сигнатюр» —
Волшебный брэнд далёкого былого.

Какой была роскошною весна!
Кружил «Рекорд» виниловые диски,
Пронзая сладкой болью души нам,
Царил в ночи над миром Ободзинский.

Ещё душа и мысли — без грехов,
Чисты, как вечер в середине мая,
А я пьянею от твоих духов,
Тебя несмело в танце обнимая.

В аллеях парка — света пятаки
От ламп, светящих со столбов, свисая.
На свет летели майские жуки
И бабочки, в огне тех ламп сгорая...

Бывает, так зажмёт тоска в груди,
Царапнув сердце, словно кошка лапой! —
Я ставлю старый с Ободзинским диск
И снова слышу «Сигнатюра» запах,

И вспоминаю губ твоих тепло,
И страх, и радость от того, что будет...
О, Боже мой! Куда же всё ушло?
И как же мы недолговечны, люди!

Воспоминанья нам — как огоньки,
В которых мы когда-то растворимся,
И мы летим с тобой, как мотыльки,
И всё на свет их призрачный стремимся.

Владимир САЯПИН

* * *

Пунктиром красным, строчкою неровной
Алела кровь на стылой белизне:
Седой волчина полз, пятная кровью,
Порвав флажки, холодный белый снег.

Себя под пули Жакана подставив,
С ужасной рваной раной у плеча
Охотников он уводил от стаи,
Своей волчицы и своих волчат.

Не веря вовсе в лёгкую победу,
Шерсть на загривках вздыбя и дрожа,
Собаки шли, хрипя, за ним по следу,
Боясь напасть, трусливо хвост поджав.

Ему и псам сценарий был известен:
Роль вожака — пожертвовать собой;
Он не осилит косогор отвесный,
Здесь принимать ему последний бой.

Диск солнца зимний стыл за облаками,
Бесстрастно, тупо глядя на него.
Он снег хватал кровавыми клыками,
С тоскою глядя вверх, на косогор.

И вдруг... «Ну, как она могла решиться?!
И как могла ослушаться меня?» —
По снегу шла к нему его волчица,
Спокойно шла, решение приняв.

Она в упор в глаза его взглянула:
«Я поступить ИНАЧЕ не могла...»
Его, родного, ласково лизнула
И рядом с ним в последний раз легла...

Холодный вечер в серой дымке таял.
Не пожелавши миром разойтись,
Лежала в клочья порванная стая,
И два матёрых — против десяти.

Седой волчатник буркнул: «Да, не слабо.
Хоть я и царь природы — человек,
Но дал бы в жизни Бог такую бабу,
Я б согласился волком жить свой век».

Ложился лунный свет на саван пышный,
Искрилась россыпь звёзд над головой,
Дрожал за лесом дальним еле слышный
Спасённой стаи поминальный вой...

* * *

Под вечер вой большой метели смолк,
На сердце давит тишина немая.
Седой, как лунь, когда-то добрый волк
По снежной целине идёт, хромая...

Он никому не муж, не брат, не друг,
В глазах его — ни радости, ни боли.
Он одинокий старый волк-бирюк,
Бредущий по заснеженному полю,

По саванно-холодной белизне,
Лишь скрипом наста тишину нарушив.
И режет в кровь холодный острый снег
И лапы, и простуженную душу.

Прищурясь, звёзды пялятся во тьму.
Наверно, где-то есть судьба иная.
Как муторно по снегу одному
Идти, откуда и куда не зная!

По небу тени облаков бегут.
Как холодно в степи под утро ночью!
А спать, в клубок свернувшись, на снегу
Умеют только волки-одиночки.

Он никогда назад не поглядит,
И вдаль бирюк глядеть не любит тоже:
Капкан ли, пуля где-то впереди
Его уже нисколько не тревожат.

Но как-то раз в тяжёлом вязком сне,
Когда стучался дождь по листьям дробью,
Он видел сон о детстве, о весне,
И он щенком скулил, душою вздрогнув.

Замёрзший месяц на небе дрожал.
Чем старше волк — тем больше ценит гордость.
Волчина старый на снегу лежал,
На лапы положив седую морду...

* * *

Колокола голос хрипловатый
Слышен в предзакатной тишине —
Тот, что колокольчиком когда-то
Под дугой заливисто звенел.

Мчались полем сани распашные,
Месяц с неба с завистью глядел;
Выгибали шеи пристяжные,
Словно пара белых лебедей.

Коренного шерсть лоснилась сыто;
Сизым глазом бешено кося,
Конь, храпя, впечатывал копыта
В белый снег, загубники грызя.

Пел я песню старую с надрывом,
Крепко удила держа рукой,
И летели сани над обрывом,
Над замёрзшей, как стекло, рекой.

Звёзды яркой сыпью золотою —
Как глаза русалочьи в реке.
Вторя колокольцу под дугою,
Хохотали совы в сосняке.

Разбивали кони лёд в осколки,
Что секли лицо до крови мне,
И, прильнув к земле, боялись волки
Тех моих безбашенных коней...

Юность пронеслась, махнув игриво.
По седому ковылю иду,
Лошадей родных обняв за гривы,
И веду их шагом, в поводу.

Дерзкие и быстрые, как птицы,
Вам не страшен был ни волк, ни плеть,
Некуда нам больше торопиться,
Некуда во весь опор лететь.

За рекой расплакалась кукушка,
Где когда-то пели соловьи.
Три круто посоленных горбушки
Протяну вам, милые мои.

А себе плесну в стакан по мерку
И махну его в единый дых:
Пью за вашу преданность и верность,
Коренной и пара пристяжных...

* * *

Снег в лицо коню и мне, тропка склизкая.
Молча еду на коне, путь не близкий мой.
По холодной по степи еду смолоду,
Тлеет алая заря — к ветру, к холоду...

Старый верный конь со мной — это главное,
Сколько было переправ — не менял его.
Заметают путь в степи снеги белые,
Постарели мы с конём, поседели мы.

Мёрзнет роща на горе с ворон-птицами,
Всё сильней кружит метель — эх, не сбиться бы.
Добрый, мудрый конь храпит, бьёт копытами —
Видно, чует вороной волков-мытарей.

Не ускачешь — конь устал, не укроешься.
Хвост поджавшие бредут — не отмолишься:
Ждут, когда споткнётся конь, чтобы начисто,
Со спины, наверняка — как иначе-то?

Ждут, что тихий снег пургой дикой вздыбится,
Ждут, когда вконец из сил конь мой выбьется.
Не решаются пока, воют, сволочи.
И всего один патрон в одностволочке.

Эх, добраться б до тебя нынче целым мне,
Деревенька в семь домов, крыши белые.
А в домишке на краю, у околицы,
Знаю, очень ждут меня, Богу молятся.

Ждут с тех пор, когда щенком в стену тыкался,
И в удаче, и когда горько мыкался.
Чтобы помнил я тот дом, ну хоть трошечки,
Выставляют в ночь свечу на окошечке.

Степь вокруг — ни деревца, ни дровиночки,
Эх, не сбиться бы с конём нам с тропиночки.
Не зажжёшь в степи костёр, не согреешься,
Вот и едешь, и на что-то надеешься:

Что не даст пропасть в степи Матерь Божия...
Ружьецо с плеча сниму, всё надёжнее.
На снегу — следы коня, строчкой путая,
А по следу, за спиной — стая лютая...

Ольга СЕРГАНЬ

ШЁЛ 1922 ГОД...

Шёл 1922 год. Ульяна собиралась в курень… А по всему было видно: надвигалась гроза. «Уля! — начала было свекровь, — до куриня ехать далыченько. Дорога трывожна. Бачишь, дощ заходэ. Можэ…» Но Ульяна её перебила. Отведя глаза в сторону, выпалила: «Мамо! Если вы хочитэ, чоб я оставила Галю дома, то я ны оставлю. Я йиду з ней». У Февроньи Тихоновны не хватило духу спорить с невесткой. Она как-то горько махнула рукой, словно предчувствуя что-то, и молча стала подавать вещи в линейку. Младшая сестра мужа Настя посадила племянницу — крохотную, похожую на маленькую куколку, девятимесячную девочку — на льняную домотканую небелёную старую скатерть, которая сохранила яркую вышивку. Заботливо настелила поверх душистого сена. А стремительные порывы ветра уже сгибали верхушки шелковицы, груш, полоскали и кудрявили огромную тую.

«С Богом!» — произнёс Харитон Матвеевич. Уля натянула вожжи, и кони привычным маршрутом неспешным шагом двинулись к краю станицы. «Храны вас Бог, — ещё раз произнёс свёкор, — та ны бориця там з Васылём, як управытэсь — скоришь додому».

Кони шли медленно. Она их не торопила. Дома, дворы, палисадники — всё выглядело убого, порушенно, сиротски. Не шла радость от этих хат и дворов. Не щебетали перед дождём, как раньше, дети. Никто, ни один из соседских детей не крикнул: «Дощик, дощик прыпусты на бабыны капусты». А сколько пустующих подворий появилось в каждом квартале! Подавленная, запуганная станица молчала.

Колёса погружались в пыль, а в воздухе уже пахло дождём. Она проехала два длинных квартала, последняя хата осталась позади, и сразу за последним двором началась степь. Она старательно объезжала ухабы, чтобы меньше трясло. Линейка прошла через заливной луг к речке и поехала вдоль неё. Уля на ходу спрыгнула, сорвала несколько цветков — синих-пресиних, как глаза у её дочурки и у мужа. Ульяна была черноокая.

Ребёнок развеселился и стал затрагивать мать, привлекая её внимание. «Солнышко моё, радость моя, сладенькая моя девочка!» — приговаривала Ульяна. Поцеловала малышку в ушко и шейку: «Господи! Благодарю Тебя за это чудо, за моего долгожданного выстраданного первенца!» Ребёнок то уютно барахтался у неё в подоле, то непослушно выползал на сено, а Уля придерживала дочь и смеялась. И так хотелось прокричать всему миру о своём счастье!

Неугомонный ветер причёсывал широкое степное раздолье, то наклонял зреющие колосья к земле, то закручивал их, словно водовороты, в кольца, то на мгновение стихал. И уже «ны заходыла», а начиналась гроза. И вдруг её настиг какой-то гул. Откуда он ворвался? Что это? Гром? Ветер? Что гудит? Земля! Над горизонтом, который был на возвышенности, пошло стелиться чёрное облако зловещей пыли. От страшной догадки бешено заколотилось сердце. Показались всадники, двое стали отделяться от остальных по направлению к Ульяне. А дальше… Она одной рукой схватила дочь, повернула обратно к реке, зажала её между коленей и пустила лошадей бешеным аллюром.

«Тттппру!!!» — кони остановились, как вкопанные, у самой воды. «Трусылось всэ тило, рукы, губы, плэчи». Не помня себя, распрягла Тамару и Танагу: «Додому! Чуитэ? Додому!» (Тамара и Танага — их кони, которые и остались в семье Герасименко). Ни секунды не раздумывая, босая, боясь оглянуться, нырнула в спасительный камыш. Галя кричала во всё горло. А Ульяна, не разбирая, куда ступать, ранив ноги, бежала вглубь плавней. И вдруг: выстрелы, окрики! «Господи! Спаси, сохрани и помилуй!» Резко стало сумеречно. Такого ливня она ещё не видела! И в ту же секунду разразился гром с ослепительными молниями — шальной, всесильный и лютующий над этой степью, рекой и людьми. Плач ребёнка потерялся в этой стихии, лязг выстрелов тоже. А Ульяна продолжала бежать, «прыгорнув дытыну до сэбэ. Исхлёстанная и порезанная камышом. Ны счулась, куды и скико бигла. Колы спохватылась, побачила солнце».

Заплутала. И тут отказали ноги. Она присела, почти что в воду. Развернула перепуганное дитя, дала грудь. Малышка всхлипывала, почти не сосала, отрывалась от соска и вопросительно, укоризненно смотрела на мать. Ульяна разрыдалась. Поняла, что их не преследуют, и что спаслись они благодаря этой грозе. Домой кони прибежали быстрее, чем пришла Уля. А там не знали, что делать, что думать. Февронья Тихоновна повалилась на колени перед образами. А Харитон Матвеевич с кумом поскакали в курень к сыну. Молились и Настя, и Киля.

Мы не знаем, кого встретила на своём пути моя прапрабабушка… Белые это были, красные или зелёные. В стране пятый год шла гражданская братоубийственная война, где нет окопов, нет линии фронта; война, навсегда сделавшая родных людей чужими, война, которая так и оставила близких по разные стороны баррикад; война, что раскидала наших родных по всему свету.

Ольга СЕРГАНЬ

Я К ТЕБЕ – ПО РЕЗНЫМ ЛИСТОПАДАМ ДУШИ

Я к Тебе — по тяжёлым февральским снегам,
Я к Тебе — по октябрьскому тонкому льду…
Я Тебя никогда никому не отдам!
Я к Тебе долечу, добегу, доплыву!

Я к Тебе — можжевеловым запахом в дом,
Переспевшим брусничником с сопок сорвусь.
Из черёмухи мною завитым венком
Ранним утром на зорьке с тобой обручусь!

Я к Тебе — по нетронутым следом снегам,
По глубокой и тёмной студёной воде.
Я к Тебе — по безумно крутым берегам
Добегу, долечу, к одному лишь Тебе!

Я к Тебе — фиолетовой тропкой во снах,
Обережной молитвою — в трав забытьё…
Я в Твоих бирюзово-зелёных глазах.
Помню тысячи «ДА!» И дыханье своё!

Я — по палу к Тебе, по горящей стерне,
По безлюдным пустыням, смертельным ветрам.
Я на палубу въеду на белом коне,
Но Тебя никогда никому не отдам!

Я к Тебе — по цветным покрывалам небес,
От лампады затепленной в спальне свечой,
Я к Тебе, всем несчастиям наперерез,
Добегу, доплыву и подставлю плечо!

Я ТЕБЯ НАРИСУЮ…

Я тебя нарисую на крыльях летящей голубки.
Ты мне грезишься в пламени страсти горящей свечи.
Я тебя нарисую на льдинке, прозрачной и хрупкой,
Как ваяет художник картину из тонкой парчи!

Я тебя нарисую на парусе белом скользящем.
Я тебя нарисую на солнечном рваном луче!
Дерзкой, ветреной, томной, любимой, родной, настоящей,
С нежной прядью волос золотистых на левом плече!

Я тебя нарисую, сквозь облако радугу льющей!
Чётко высеку линии, контуры в сердце твои!
В ореоле сиянья богиней, по волнам бегущей,
С нежной прядью волос золотистых на левой груди!

Я тебя нарисую прекраснее ангела света!
Спящей капелькой росною в лилии, на лепестке.
И зелёной весной, что спешит на свидание к лету.
С нежной прядью волос золотистых на левом виске.

Василий МАКУХИН

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Продолжение.
Начало в №№ 12–17.

Дети

Пётр знал грамоту и хотел, чтобы его дети тоже могли писать и читать. По мере сил и свободного времени он учил Якима, а после и остальных детей письму и чтению. В Деревянковке при Успенской церкви открылся класс для обучения молодых казачат. Яким и Миша уже выросли из школьного возраста, а Настенька даже не мечтала учиться — девочек в обучение не брали. Она могла немного писать, читать и считать. Родители считали, что этого для девочки достаточно.

Настя училась у матери всем женским премудростям, могла даже самостоятельно приготовить обед на всех. Арина учила дочку шить, делать многие работы по дому. В свои девять лет Настенька была самостоятельной девочкой. Арина говорила ей, как вести себя во взрослой жизни, говорила, что придёт время, и Настеньке надо будет выходить замуж. Чтобы жить в ладу и согласии, нужно уметь многое, в том числе иметь терпение и мудрость.

Настенька неожиданно начала рисовать. Везде, где можно было: на стене хаты углём, на случайно добытой бумаге карандашом, просто на дорожной пыли палочкой, но у неё получались красивые картинки. Арина помнила, что и она, и Пётр в своё время тоже рисовали неплохо, и всячески поощряла увлечение дочери. При случае просила разрисовать охрами и красками печку в хате или орнамент вокруг окон на внешней стороне стены. Приезжали на хутор соседи, любовались рисунками Настеньки и даже просили раскрасить перед праздниками их хаты. За это давали ей то кринку с вареньем или мёдом, то красивые ленты в косу. Родители гордились способностями дочки, и Пётр даже думал отправить на год Настеньку в монастырь на Лебяжьем лимане, где обучали талантливых детей разным ремёслам.

Однажды рисунки Настеньки заметил крестьянин Архип Ястребов, что работал по найму в хозяйстве Обломий. Оказывается, он раньше батрачил у одного помещика в Курской области и часто видел, как тот рисует портреты и пейзажи. Сам не лишённый художественных способностей, Архип тоже немного рисовал и подсказывал Настеньке, как пользоваться кистью, красками и как делать построение рисунка. За два года Архип передал Настеньке всё, что сам знал, и удивился, когда однажды Настя показала ему настоящую картину, писанную маслом на холсте.

Пётр хоть и считал увлечение дочери баловством, но всё равно, будучи в Деревянковке, покупал разные материалы для художеств. Заинтересовались талантом Насти и в поселении. Однажды, когда семья Обломий была в церкви на службе, к Петру подошёл пономарь Георгий и спросил:

— Цэ ваша дочка малюе портрэты? Я чув, що в ней красыво выходыть. Мы хотилы б попросыты нэи напысаты иконы для иконостаса нашой цэрквы.

— Цэ в ней запытаетэ, я нэ в прави змушуваты йии цэ робыты, хоча ваша пропозыция робыть чэсть наший родыни, — ответил, немного смутившись, Пётр. Он не ожидал, что увлечение Настеньки может перейти в серьёзное дело.

Пономарь отвёл Настеньку в сторону и стал просить её написать иконы. Арина подошла к ним и взволнованно смотрела на дочь — что та скажет. Настенька растерялась и не знала, что ответить. У неё в голове пронеслось много мыслей: неужели это ей, маленькой девочке, дают такое серьёзное дело…

— Я нэ знаю, як иконы малюваты, я николы такэ нэ робыла. Пидкажить мэни, и я постараюся. За цэ мэни ангэлы принэсуть щастя?

Настенька совсем смутилась и уткнулась лицом в плечо матери.

Братья смотрели на Настю с удивлением: всегда неприметная, тихая, что-то делала, но никто не обращал на неё особого внимания. А тут на виду у всех, в церкви, сам пономарь сделал ей предложение поработать на общее благо. Яким вдруг заметил, что сестра уже повзрослела. Это была не та сопливая и хныкающая девочка, а вполне взрослая серьёзная девушка. Он с гордостью подумал, что у него очень замечательная семья: родители — красивые уважаемые люди, дед — герой, на-

стоящий запорожский рыцарь, вот сестра отличилась своим талантом. Яким понимал, что у него особенная семья, которой можно гордиться, и, соответственно, это накладывает свой отпечаток — нельзя потерять уважение и честь семьи, в любой ситуации нужно быть первым и самым лучшим среди всех. Он обнял младшего брата за плечо и на секунду прижал его к себе. Миша с удивлением посмотрел на Якима — никогда тот не отличался нежностью. Яким улыбнулся и подмигнул брату:

— Слава Богу, що мы козакы! Помны завжды про цэ.

После службы к Обломиям снова подошёл пономарь и попросил задержаться — с ними хочет поговорить батюшка. Вышел к ним поп и от себя лично попросил Настеньку написать иконы. Рассказал, что для этого нужно месяц поститься, проводить время в молитвах и рассуждениях о Боге. Попросил приехать через неделю Петра вместе с Настей, он к этому времени подготовит материалы, краски, кисточки и доски. Через неделю он расскажет, как именно рисовать иконы, какие иконы нужны для иконостаса.

По дороге Арина удивлялась:

— Вид бачыш, Пэтро, як наши таланты пэрэдалыся дочци, и тэпэр йии талант знадобывся людям. Трэба нэбагато звильныты Настэньку вид домашньой рутыны, нэхай дийсно постараеться для загальной справы.

С этого дня жизнь Настеньки очень изменилась. Арина действительно наполовину освободила дочь от домашних хлопот и старалась напоминать ей о молитвах и воздержаниях в еде. Настенька стала делать наброски портретов своих близких — тренировать руку. Она понимала, что рисовать надо так, чтобы было очень похоже, и главное, чтобы видно было, кто что делает, то есть не просто было праздное позирование, а виден сюжет, как называл это работник Архип. Композиция и сюжет — вот основные факторы того, что картина будет нравиться людям.

Через неделю Степан собрался на ярмарку в Деревянковку. Загрузил в телегу свои горшки, несколько мешков с рыбой и повёз с собой Настеньку к пономарю. Дорога в поселение была накатана, переправа через речку Мигута была вполне удобной, недаром много лет вместе с соседями-хуторянами Степан выезжал и засыпал болотистую низину в нижнем течении реки землёй и камнями, а сверху гатили хворостом. За несколько часов добрались до Деревянковки, даже успели заехать на хутор Галки, узнать новости и спросить, не надо ли чего купить в лавке.

Первым делом Степан отвёл Настеньку в церковь, передал пономарю, а сам поехал на площадь продавать свой товар. Рыбу по договорённости сдал сразу перекупщику, а горшки потихоньку люди покупали, знали, что у Степана самые прочные горшки, молоко в них хранилось долго, да и выглядели они красивее, чем у остальных продавцов. Сами горшки были не просто коричневые, а расписанные разными цветами, обычно зеленых и жёлтых оттенков — из-за охры, которую Степан добывал в верховьях балки около залежей кремня.

Ближе к вечеру Степан распродал весь свой товар. К этому времени и Настенька прибежала из церкви. Она притащила целый ворох разных пакетиков с красками, кисточками, под мышкой держала две небольшие заготовки — доски для икон. С задней части доски были скреплены клиновидными поперечинами. Настенька похвасталась деду, что пономарь ей показал, как смешивать краски и как разбавлять конопляным маслом. Что сначала надо карандашом нанести контуры изображения на доску, а потом рисовать красками. Показала несколько листов бумаги с рисунками святых.

Настенька была очень довольна, что ей доверили такое большое дело. Её иконы будут теперь стоять в церкви, и все будут через них молиться Богу.

Степан угостил внучку конфетами, что купил в лавке. Ещё раз вместе зашли в лавку, чтобы прикупить немного чая и сахара для Наталки. Эти припасы у неё закончились недавно, но поехать самой в поселение не было времени.

Добрались до хутора Галки уже на закате. Порадовали Наталку покупками и отправились дальше. К своему хутору ехали молча. Устали за день, и каждый думал свою думу — слишком много впечатлений выпало на сегодня.

Арина с нетерпением стала расспрашивать, как у Настеньки получилась беседа в церкви, но дочка чуть перекусила и заснула тут же у стола. Пётр бережно перенёс Настеньку в спальню и вышел к жене:

— Бидна дивчинка, зовсим прытомылася. Можэ, дарма мы погодылыся, щоб вона малювала иконы, усэ-такы цэ вэлыка праця, и зв'язок з цэрквою видсунэ йии вид мырського жыття. Не хотилося б, щоб Настенька з малых рокив стала сэбэ мучыты посадами так молытвамы.

— Ни, нэхай спробуе, мы ж поруч, завжды можэмо пидтрыматы у важку хвылыну, — ответила Арина и прижалась к мужу.

Сколько лет они вместе, а нежность и тепло друг к другу не остывали, даже казалось, что с годами они ещё больше стали близкими и родными, эта близость была уже связана с огромным уважением. Арина тоже понимала, что их с Петром любовь была особой, не такой, как у других. Она даже говорила, что эта любовь от Бога, ангелы-хранители оберегали их отношения в любых испытаниях.

С этого дня Арина частенько присматривалась к Настеньке. Вот она рисует лики святых, вот теперь сидит, сосредоточившись, и о чём-то думает, потом молится. Арина понимает, что Настенька вошла в новый мир, возможно, это мир взрослых целеустремлённых возвышенных людей. И Арине как матери было тревожно: лишь бы Настенька не утратила земного понимания жизни, не стала чересчур серьёзной, пожила бы ещё немного в беззаботном детстве. Оцерковление дочери немного её пугало.

Прошло две недели. Настенька нарисовала икону Божией Матери «Неувядаемый Цвет».

На иконе Богоматерь держит на правой руке младенца Христа, а левой рукой держит белые лилии. Лилии — символический цветок Девы Марии, чистоты и непорочности Пречистой Девы, к Которой так и обращается Святая Церковь: «Ты еси Корень девства и Неувядаемый Цвет чистоты». Именно их преподносит Архангел Гавриил Богоматери в день Благовещения. Роза как царица цветов и универсальный символ любви также является цветком Богородицы.

Перед иконой «Неувядаемый Цвет» молятся прежде всего о том, чтобы сохранить себя в чистоте и праведности, а также о вразумлении при выборе будущего супруга, о том, чтобы выйти замуж. Обращаются с молитвой и при горестях в семейной жизни. Молитва перед иконой «Неувядаемый Цвет» помогает людям в «нашествии печали», при потере близких, в состоянии одиночества. Во всех этих случаях Божия Матерь помогает обрести духовные силы для преодоления испытаний, продолжения жизни, исполнения христианского долга.

Празднование в честь иконы в Православной Церкви совершается 16 апреля.

Значение иконы и её описание Настеньке рассказал пономарь, сама она ни разу не видела такую икону и теперь очень боялась, что получилось не так, как надо. С нетерпением она ждала, когда дед или отец поедут в Деревянковку и возьмут с собой её с написанной иконой. Каждый вечер Настенька проводила в молитвах, она действительно стала набожной, читала Библию, знала много молитв и часто матери говорила:

— Мамо, мэни було бачэння, що Господь Бог прыходыв до мэнэ и дав благословэння на пысання иконы. Як ты думаеш, мэни простяться грихы мои, я потраплю в рай?

— Так яки в тэбэ грихы, донэчка? Хиба можна про цэ думаты, якщо ты щэ майжэ нэ жыла на свити? За тэ, що пышэш иконы, ты и потрапыш у рай. Бог простыть, — отвечала Арина и грустно смотрела на дочку. Всё же большой груз она взвалила на себя.

Степан собрался в Деревянковку. Скорее всего, он тоже переживал за внучку и ускорил свой визит, чтобы порадовать Настеньку и показать её творение пономарю, что тот скажет. Загрузил рыбой полную телегу, усадил на передок внучку и отправился рано поутру в поселение. Настенька завернула в тряпки икону и держала всю дорогу её у себя на коленях. Внутри, в душе, она дрожала от ожидания слов пономаря. Её настолько потрясло его поручение, что последние несколько ночей она просто не могла заснуть.

Первым делом Степан в поселении поехал в церковь. Шла служба, и пономарь был занят. Он увидел Степана и Настеньку и сделал знак, чтобы чуть подождали. После завершения службы пономарь подошёл к ним и попросил показать, что Настенька привезла. Развернули тряпки, и пономарь взял в руки икону.

Икона Божией Матери «Неувядаемый Цвет».

Пристально смотрел сначала на лик Богоматери, а потом с удивлением на Настеньку. Он подошёл совсем близко, обнял Настеньку и поцеловал её в лоб:

— Яка ж ты умныця, як тонко уловыла чыстоту выгляду Богородыци! Я докладу про тэбэ батьку Сэрафимови. Вин прыймэ вас через час. Писля ярмарку заижджайтэ знову в цэркву, — сказал пономарь.

Настенька, счастливо улыбаясь, всё время поворачивалась к деду и не могла наговориться, щебетала обо всём, что видела вокруг, мечтала, что и отец Серафим её похвалит.

Сдали рыбу перекупщику, в лавке купили конопляного масла, чтобы разводить краски для икон. Степан купил кулёчек конфет Настеньке, а себе табаку для трубки.

Через время заехали в церковь, там их уже ожидал священник. Отец Серафим подозвал к себе Настеньку, внимательно посмотрел на неё и достал из кармана серебряный рубль.

— Ты дужэ талановыта дивчынка. Дай Боже тоби здоров'я и щастя в житти. Будь ласка, продовжуй малюваты иконы, мы их будэмо вставляты в иконостас. Твои старання нэ пропадуть, чэрэз твои иконы люды будуть звэртатыся до Господа.

Настенька смутилась и поцеловала руку священнику. Тот перекрестил её и сказал Степану, чтобы берегли талантливого ребёнка.

Степан заехал к старому другу Ивану Вовку. Пообедали вместе, разговорились. Степан поделился новостью, что внучка стала рисовать иконы, и это одобрил отец Серафим. Иван порадовался этой новости, потом принёс из второй комнаты несколько цветных лент и подал Настеньке:

— Носы на здоров'я, красуня! Нэхай свитлой будэ твое жыття. Богоугодну справу ро-

биш для общэства. Добра справа завжды повынна заохочуватыся.

Иван и Степан выпили «на коня» по чарочке терновки. Ещё засветло добрались домой. Вся семья с нетерпением ждала, что скажет Настенька по поводу иконы. Но по её лицу стало ясно, что икона понравилась священнику, и он взял её для церкви. Настенька похвасталась лентами и серебряным рублём, что получила за работу. За ужином Настенька подробно рассказала о посещении церкви, что говорили пономарь и священник, и что теперь ей поручили рисовать другую икону.

День был очень насыщенным, и Настенька ложилась спать, наполненная радостными мыслями, — теперь её икону будут видеть много людей. Радовало и то, что получила за работу целый рубль: на него можно было купить много разноцветных лент и сделать венок, кроме этого, оставались деньги на монисто из жемчуга и маленькое серебряное колечко с бирюзой. Всё это Настенька видела в лавке, но постеснялась потратить сразу все деньги, решила посоветоваться с матерью. Арина сказала, что Настенька вправе распоряжаться своими первыми деньгами, как ей заблагорассудится.

Настенька две недели постилась перед тем как приступить к написанию иконы Николая Чудотворца. Молитвами и воздержанием готовила себя к настроению. Каждый день её начинался с молитвы:

— Просымо Тэбэ, Господи, наповны мэнэ Твоею благодаттю, щоб я, як чэрэз ангэльськэ благовищэння, пизнала втилэння Хрыста, Сына Твого, чэрэз страждання и хрэст Його осягнула славу воскрэсиння. Чэрэз того ж Хрыста, Господа нашого. Аминь.

Лицо её было в эти минуты как бы освещённым изнутри чистым светом. Глаза были устремлены в одну точку и в конце молитвы наполнялись слезами. Настенька искренне верила в Бога, и помыслы её были чистыми.

Якима в очередной раз вызвали в Деревянковку, на этот раз отправили на сборы в Казачьи лагеря под Каневской. Пробыл он там около двух месяцев. Вместе с такими же молодыми казаками проходил обучение ведению боя на пересечённой местности. Излучина реки Челбас и многочисленные протоки служили хорошим полигоном для тренировок. Казаки учились устраивать засады, переправляться через реку, отражать рукопашные нападения, владеть шашкой и кинжалом. Из Якима вырос умелый и храбрый казак. Он лучше многих владел оружием. Смышлёный, ловкий и сильный Яким явно выделялся среди казаков своего призыва.

Конь, в своё время добытый отцом в походах за Кубань, продолжал служить в настоящее время и Якиму. Ещё в то время, как пригнали его на хутор, назвали Громом. Конечно, возраст коня был уже критическим, не так резво скакал, но Гром был очень умён и сам выполнял многие команды, не ожидая принуждения. Казалось, он понимает человеческую речь, во время учений ему достаточно было крикнуть то или иное слово, и Гром безукоризненно выполнял команды. Сейчас на хуторе подрастали молодые жеребята, потомки Грома, к следующему году они уже будут готовы для службы. Пётр помогал сыну обучать их верховой, строевой службе. Ни отец, ни сын ещё не знали, которого из жеребят выбрать для службы на Линии, но видели, что это были особенные кони, умные, послушные, слушались только Якима.

Вернувшись из Казачьих лагерей, Яким сказал, что весной следующего года десять молодых казаков уйдут на кордоны. Пока ещё не известно, куда именно попадёт Яким, но к службе в любом месте он был уже готов.

Ещё два года назад Яким получил земельный пай в тридцать десятин. Прирезали ему участок земли рядом с полем, что принадлежало деду и отцу. Через два года после Якима получил пай и Миша. Земли было много, не хватало только рабочих рук, и Степан нанимал работников на сезонные работы. Жили работники в нескольких хатках ниже по балке, недалеко от хозяйского хутора.

Якиму и Мише, как только они подросли, была изготовлена форма согласно принятым нормам. Полностью одеты, с оружием и при конях, братья готовы были к службе. Только Якиму придётся уходить на Линию в следующем году, а Миша подлежал призыву через два года, но и сейчас был готов встать в строй.

В семье Терентия и Наталки подрастали трое детей. Старшему сыну Грише было уже четырнадцать лет. Он вытянулся в росте, стал очень похож на отца и был главным помощником во всех делах, что затевали взрослые. Сильный по природе, Гриша постоянно ходил в поле с отцом, где иногда ему доверялось пройти за плугом. В такие дни Терентий за обедом шутливо говорил:

— Сьогодни нашому пахатарю трэба побильшэ шматок м'яса. Трэба сылы пидтрыматы, щоб до вэсилля выстачыло.

Гриша с гордостью поглядывал на брата и сестру: слышат ли они, что он настоящий мужчина, сегодня даже за плугом шёл? Утром он вставал одновременно с родителями, помогал им управиться со скотиной, наносить воды на весь день для матери, нарубить хворосту для печки. Да мало ли работы в доме…

Терентий давно задумывал научить детей грамоте, но отправлять их в станицу не было возможности. Не было у него там ни родни, ни близких друзей, у кого можно жить на время учёбы. Единственный друг Трофим Вовк уехал из станицы несколько лет назад. Да и лишаться помощников в самые горячие дни тоже не хотелось. Изредка, когда дети бегали на соседний хутор к Обломиям, Пётр показывал им, как писать и читать буквы, как вести счёт. За несколько лет Гриша и Фрося научились читать по слогам и считать до ста. На этом их обучение и закончилось. В хате не водилось книжек, не было даже клочка бумаги, на котором можно было бы писать слова.

Недалеко от хутора Галки, ближе к Сладкому лиману, поселились новые люди, сербы по

происхождению. Приехали они из-под станицы Уманской, где располагалась целая сербская слобода. И прозвище их было Сербины.

Построили они несколько круглых хаток и стали заниматься огородами. Выращивали замечательные арбузы, лук, сладкий перец, вдоль берега сажали много капусты и помидоров. На пологих солнечных склонах балки высаживали картофель. Соседи-хуторяне удивлялись обильным урожаям, что снимали сербы с грядок. На протяжении веков они занимались огородами и знали секреты выращивания овощей. На Кубань сербы попали при переселении запорожцев из Слободзеи. Да и в войске запорожском на службе было много сербов. Многие из них занимали видное место в войске. Всегда отличались храбростью и отвагой. Но в мирное время таланты их выражались в овощеводстве.

Так рядом с хуторами Обломий и Галки поселилась семья сотенного есаула Терентия Сербина. У него было два сына. Василий и Павел Терентьевичи Сербины служили в Кубанском казачьем войске в чинах хорунжих. Их семьи располагались в двух хатах вдоль ручья.

У старшего сына, Василия, росли три дочери. Старшей дочери Марте исполнилось уже семнадцать лет, была она красавицей и рукодельницей. Ирина и Мелания тоже отличались красотой и кротостью. Все смуглые, чернявые, издалека они напоминали цыганок, но вблизи поражали тонкостью черт лица, красивыми глазами и стройностью фигуры.

Однажды зимой Яким Обломий охотился в низовьях балки и провалился в полынью ручья. До своего хутора нужно было идти около трёх километров, а рядом, за горкой, располагался хутор Сербиных. Никогда Яким не был на этом хуторе, поверхностно был знаком со старшим из братьев, Василием. К нему и обратился Яким за помощью, попросился обсушиться в тепле. Войдя в хату, Яким оторопел: прямо перед ним стояла красивая девушка. В руках она держала корзину с мокрым бельём, видимо, хотела вывесить постирушку на улице. Яким в полумраке хаты всматривался в красавицу и понимал, что теряет рассудок. Чуть продолговатое лицо, красивый с небольшой горбинкой носик, пухлые губы и конопушки на носу мгновенно пленили его, и показалось, что комната всколыхнулась. Никогда не любивший и не знавший даже симпатий к какой-нибудь девушке, Яким вдруг понял, что это его судьба. Никогда до этого не мечтавший о семейной жизни, он почувствовал, что покой его рухнул, что теперь весь мир перевернулся перед ним.

Девушка, стоящая перед ним, смутилась и боком проскользнула на улицу.

Хозяин пригласил Якима к печке. Сняв кожух и сапоги, растирая обледенелые руки и лицо, Яким прошёл в комнату и припал всем телом к горячему боку печи. Хозяин крикнул, чтобы в комнату никто не заходил, и подал Якиму сухие шаровары и рубаху:

— Пэрэодягныся, нэ соромся, нихто сюды нэ зайдэ. А в мокрому нэ зигриешся. Нэ дай Божэ, занэдужаеш. Ни до чого цэ.

Яким переоделся в сухое и сел на лавку. Невольно он поглядывал в сторону двери, ждал, что сейчас зайдёт в хату красавица. Василий Сербин заметил взволнованные взгляды парня и, усмехаясь, сказал:

— Дывыся, нэ зачэпыся, щоб потим нэ шкодуваты. Прыдывлялыся хлопци, так ото що заглядалыся. Ни на кого Марта нэ звертае увагы. Горда занадто.

Яким смутился и закутался в кожух хозяина. В это время стукнула дверь, и в хату вбежала Марта. Стараясь не смотреть на Якима, она скинула телогрейку и убежала в другую комнату. Через минуту из этой комнаты раздались шорохи, шёпот и приглушённый смех. В дверь выглянули ещё две девушки, одна другой краше. Они закрывали платками лица и давились от смеха. Яким совсем засмущался. Хозяин цыкнул на девчонок и приказал накормить гостя. Из комнаты вышла Марта. Раскрасневшаяся, но уже серьёзная, она стала готовить на стол. Яким не мог оторвать глаз от её лица. Смуглая даже зимой, Марта от смущения была более красивой, чем при первом взгляде.

Накрыв на стол, Марта так же быстро ушла в комнату. Оттуда снова раздались смешки.

— Ну, козак, ты сподобався Марти. Николы вона нэ выходыла до гостей, завжды на стил готувалы йии молодши сэстры.

Недолго сидел Яким в хате у Сербина. Высохла одежда, он переоделся и вышел на улицу. Солнце зашло на вторую половину дня. Яркие лучи отражались на снегу тысячами искорок. Вдруг из хаты донеслось пение. Чистый звонкий голос негромко выводил:

Чэкаю свого коханого
Я биля ричкы сама,
Нэмае мого жаданого,
И писня моя сумна.
Вэрба тыхо лыстям шэпочэ,
Сумнэ мэрэхтиння зирок,
И мисяць свитыты нэ хочэ,
Навить нэ плэщэ струмок.
Кохання мое!
Кохання мое нэстрыманэ,
Кохання для тэбэ отрыманэ,
Воно — дэ калына цвитэ.
Кохання мое!
Кохання мое, нэсы мэнэ.
Дай крыла мэни, просты мэнэ.
Кохання, кохання мое!

У Якима замерло сердце, потом застучало, как сумасшедшее. Он ещё раз оглянулся на окошки и вышел за калитку. Улыбка на его лице говорила сама за себя — влюбился Яким. Охота не получилась, не добыл никакого зверя, зато, кажется, нашёл свою судьбу.

С тех пор, куда бы не шёл Яким, все дороги проходили мимо сербского хутора. Хотелось хоть издалека увидеть стройную фигурку Марты. Яким не мог понять, что с ним происходит; ощущение постоянной радости, нарастающей силы ему нравилось. Он приходил к сербским хуторам, и ноги отказывались уходить. Если доводилось увидеть Марту или даже поговорить с ней, ночами потом не мог

заснуть, сидя за столом, не ел, а улыбался и смотрел в одну точку. Родители заметили явные перемены в поведении старшего сына и сразу догадались, что все ниточки тянутся к Сербиным — больше нигде в округе не было молодых девушек. Ясно, что причиной любовных страданий Якима могла быть только Марта, красивая и работящая девушка, подходящая ему по возрасту.

Арина и Пётр издалека навели справки, познакомились, вроде ненароком, с родителями Марты и остались довольны. Марта была воспитана в строгих канонах, религиозна, работы не боялась, была грамотная и отличалась развитым умом.

Обсудив между собой свалившееся увлечение Якима, Пётр и Арина пришли к выводу, что надо засылать сватов к Сербиным до отправки сына на службу, сыграть свадьбу, всё в доме помощница будет. Яким пока ничего не говорил родителям, и они молчали, не выдавали, что знают о Марте и даже присматривают её в качестве невестки.

На самом деле Яким даже не познакомился поближе с Мартой. Ограничивался тем, что, встретив её возле хутора, здоровался и, смущаясь, не находя больше слов, уходил по своим делам. Марте Яким очень понравился. Высокий, стройный, со стороны чувствовались его сила и природный ум. Марте хотелось, чтобы Яким как-то проявил себя, своё отношение к ней, ведь она видела, что очень нравится парню. Она тоже впервые в жизни влюбилась. Каждый день высматривала вверх по балке, не покажется ли Яким, и когда вдруг видела его верхом на лошади или шедшего пешком, старалась найти себе работу во дворе.

Однажды Марта не выдержала и сама заговорила с Якимом, спросила, куда он так торопится. Яким смутился, как всегда, но остановился, подошёл к Марте и стал рассказывать, что идёт на охоту: ниже хутора Сербиных видел волчью стаю и хочет истребить, так как участились нападения на овец. Их овцы находятся ночью в сарае, но днём их выгоняют в загон, и волки несколько раз, именно днём, залетали в загон и резали молодых ярочек. Яким стоял совсем близко, и Марта, вроде испугавшись волков, взяла его за руку и спросила:

— Якщо вовкы нападуть на нас, ты зможэш захыстыты, аджэ в нас навить рушныци нэмае?

Якима как кипятком окатили, он чувствовал на морозе жар руки Марты и сразу даже не сообразил, что надо сказать.

— Звычайно, ты тилькы поклыкай, и я стрылою буду тут, у мэнэ багато пороху и патронив, обов'язково оборону, хоч вид вовкив, хоч вид будь-якого ворога.

Ещё долго говорили молодые, забыв обо всём на свете. Отец Марты несколько раз пытался окликнуть дочь, но его жена просила не трогать Марту, пусть поворкует, пришло её время. Стало приморáживать. Яким заметил, что Марта уже замёрзла и попросил:

— Марта, йды додому, нэ дай Божэ, занэдужаеш. Якщо дозволыш, я прыйду завтра в той час, що скажэш.

Только тут Марта вспомнила, что она вышла из хаты за дровами. Она всплеснула руками и бегом убежала в сарай. На полдороге, оглянувшись, крикнула:

— Прыходь писля обиду, блыжчэ до вэчора. Я буду тэбя чэкаты.

Яким пробежал вдоль балки с ружьём наперевес, но какая тут охота, если в душе птицы поют и бабочки порхают. Вернулся впервые домой ни с чем. Дед удивился: неужели даже зайцы попрятались, если такой охотник как Яким приходит с охоты пустым?

Яким не мог усидеть на месте. Управившись в сарае с уборкой навоза, он ходил по двору и, пока ещё позволял день, перебирал инвентарь — плуги, бороны; брал в руки лопату и чистил снег даже там, где он никому не мешал. Когда сели вечерять, Яким не стал есть ни варёное мясо, ни пирог с сыром, только молоко выпил с краюхой хлеба и снова вышел на улицу. Он стоял у плетня и смотрел на звёздное небо. Бездонная глубина, бесчисленное количество звёзд завораживали, кружилась голова, и ему казалось, что совсем недалеко, в двух километрах ниже по балке, стоит его Марта и тоже смотрит на небо, на звёзды. От тех слов, что сказала ему Марта, на душе у Якима было тепло и замирало сердце. Ему хотелось, чтобы поскорее наступило завтра, снова увидеть Марту, говорить с ней. Якиму казалось, что завтра он скажет Марте самые красивые, самые главные слова.

И закружились дни, словно в вихре. Яким работал по хозяйству, ездил с отцом на рыбалку, ходил на охоту, но всё время его мысли были на хуторе Сербиных, возле Марты. По вечерам Яким бежал туда и, встретившись с Мартой у плетня, уводил её в затишек за сарай. Долгие часы, стоя друг перед другом, говорили обо всём и не могли наговориться.

Яким рассказывал о своей семье, о том, как готовится к службе на Линии, о том, как нравится ему Марта. Он мог даже молчать так, что не было тяжко от молчания. Влюблённые смотрели друг другу в глаза, держась за руки, чувствовали своё дыхание, тепло рук, и у обоих кружилась голова. Необъяснимо было таинство любви, но оно было сладким и волнующим. Как только выдавались особо морозные дни, выходил к ним отец Марты и зазывал молодых в хату. Сидели за столом, пили чай, родители расспрашивали Якима о его семье, о его планах на будущее. Когда узнали, что Якиму весной идти на Линию служить, опечалились: мало ли что случится, горцы не успокаиваются, хоть и не много, но приводят с Линии лошадей убитых казаков, передают их со всей амуницией родичам. Кто знает свою судьбу?.. Не хочется родителям Марты, чтобы их дочь осталась вдовой.

В феврале Степан побывал на лимане и поразился обилию крупной рыбы. Ловилась в основном красная, царская рыба — осетры, стерлядь. Даже белуга зашла в одну из кот. Разворотила ловушку полностью, но чудом удержалась, и Степан с помощью соседа багром вытащил двухметровую рыбину на лёд.

Потом пилой распиливал белугу на куски и грузил в сани.

Через несколько дней Степан уговорил Петра, Якима и Мишу поехать тремя санями за рыбой. Загодя зарядил ловушки и ожидал увидеть их полными. Действительно, только приехали на лиман, Пётр пошёл посмотреть, есть ли что-нибудь, и поразился увиденному. Все ловушки были буквально забиты рыбой. Помимо осетров и стерляди, набилось очень много угря. Похожие на змей, угри извивались на льду и пищали, как мыши. Степан уже ловил раньше такую рыбу и знал, что мясо её очень вкусное. Костей в угрях, кроме хребта, не было. Каждая рыбина достигала почти килограмма и отличалась отменным вкусом, как в жареном, так и в вяленом виде. Сразу же включились в работу. Степан и Пётр черпали рыбу сетками из ловушек и тут же бросали на лёд. Яким с Мишей ехали следом на санях и грузили уже замёрзших осетров и угрей в сани. Пока про-шли весь ряд ловушек, в первые снова набилось много рыбы. Степан удивлялся величине улова, он никогда не видел, чтобы рыба шла вдоль берега сплошным потоком. Буквально за полдня нагрузили трое саней до верха и отправились домой. Потом два дня занимались обработкой, разделкой, засолкой и копчением.

На предыдущей ярмарке рыба продавалась успешно, севрюжьи и белужьи балыки шли по цене пять рублей пятьдесят копеек за пуд, то есть по четыре копейки серебром за фунт. Цена на икру была четыре рубля пятьдесят копеек за пуд или три с небольшим копейки за фунт, тысяча тарани стоила один рубль пятьдесят копеек ассигнациями или сорок три копейки серебром. И на этот раз Степан думал выручить за рыбу большие деньги. В эти дни, буквально по два раза на неделе, ездили Обломии на лиман и заготавливали рыбу. Остановились только тогда, когда в сараях уже не было места для складирования готовой продукции.

К весне думал Степан прикупить немного племенного скота. Хорошая молочная корова стоила на ярмарке от пяти до двенадцати рублей. Овечку можно было купить от двух до четырёх рублей. А вот строевая лошадь стоила дорого — до трёхсот рублей. Та пара, что добыл Пётр в своё время у черкесского князя, дала потомство, которое по цене было значительно дороже обычных лошадей. Ахалтекинской породы лошади стоили до пятисот и более рублей.

Все деньги, что добывались охотой, рыболовством, изготовлением горшков и продажей скота, уходили на расширение хозяйства. Пётр задумал построить новые хаты для себя и сыновей. Для этого уже заготовлены были брёвна из акации, на следующий год собирались делать саман для хат. Старая турлучная хата, в которой они жили, пришла в ветхое состояние и была тесной. Даже учитывая, что сыновья будут жить в отдельных строениях, всё равно хотелось для себя светлой просторной хаты с большими застеклёнными окнами, с большой русской печкой. Тем более что Степан ещё мог помочь в обустройстве разных хитростей для удобств проживания в хате. Степан сам мог построить печь, в которой можно было готовить и одновременно обогревать помещение. Арина ещё при жизни Олеси научилась ткать холсты и дерюжки на станке и просила отдельную комнату для рукоделия.

Яким всё чаще встречался с Мартой. Влюблённые научились понимать друг друга без слов и были счастливы от взаимных чувств. Они могли часами смотреть друг на друга, и те эмоции, что были в душе, выражались глазами. Яким, наконец, решился и рассказал родителям о Марте. Те посмеялись и сказали, что давно всё видят и знают про Марту ещё с осени. Яким попросил родителей, чтобы они помогли сосватать Марту, чтобы до ухода на службу справить свадьбу. Долго обсуждали эту тему — кого позвать сватами, когда идти свататься. Решили, что сватом будет дед Степан, поскольку он умеет складно говорить, да и доверять такое дело чужим было несподручно, а свахой пусть будет Наталка. Замужняя женщина, тоже умела красиво слово сказать и могла с женской точки зрения уговорить будущую невестку, хотя уговаривать особо не было нужды: Марта даже во сне видела, как её сватает Яким. А по времени решили ехать к Сербиным сразу после Святок. Раньше свататься не позволяли дела. Съездил Яким на хутор к тётке, рассказал про свою заботу и, конечно же, этим порадовал Наталку. Она давно мечтала погулять на свадьбе у племянника.

После Нового года запуржило, насыпало много снега, потом всё стихло и мороз ударил, да такой, что на улице приходилось всё время растирать ладонями лицо, чтобы не обморозиться. Яким ходил на охоту, помогал во всём по хозяйству и ждал с нетерпением, когда же наступит день сватовства. Ему казалось, что самое главное — это получить официально согласие Марты и благословение её родителей.

Пётр с Ариной съездили на предновогоднюю ярмарку и купили Якиму новый кожух, сапоги и новую форму для службы — из старой он просто вырос. Обновы получили и Миша с Настенькой. Кроме одежды и обуви, родители купили дочке краски для рисования и стопку плотной бумаги. Они видели, что у Настеньки очень красиво получались портреты людей, и старались поощрять её талант. Мише отец тоже присмотрел новый кожух, сапоги и белую папаху. Дед подарил ему на Рождество свой кинжал, с которым он воевал с турками, а потом Пётр в первый срок службы в Тамани носил на поясе. Теперь Мишаня ходил важно, в то время, когда надевал форму на выход, надевал и кинжал и постоянно трогал его рукой. Очень ему нравился дедовский подарок.

В один из воскресных дней после Святок приехали на хутор Терентий с Наталкой. Празднично одетые, с хорошим настроением, они заполонили хату Обломиев. Пока одевался, готовился к сватовству Степан, Наталка расспрашивала его, что нужно говорить и что

делать, когда придут в дом невесты. Степан рассказывал из своей жизни, что мог вспомнить, о сватовстве, о свадьбах. Решили, что Степан будет вести основной разговор, а Наталка подхватит беседу в нужный момент, по ситуации.

Арина залюбовалась сыном, когда он, одевшись в новые одежды, вышел в большую комнату. Сейчас Яким был очень похож на того Петра, что встретился Арине ещё в молодости на Украине. Высокий, чернобровый, он был красив мужской красотой. Сели на дорожку за стол. Степан помолился за всех перед иконой Николая Чудотворца, и все притихли. Красивые люди, в праздничных одеждах, с подобающим событию настроением, они представляли собой настоящую казачью семью, с той внутренней силой, которая давала им возможность идти всё время вперёд и осваивать новые земли. Судьба каждого была наполнена историей.

— Ну вси! Настав час йты свататы нашому королэвычу нарэчэну. Якым, ты на порози своей симэйной доли, запам'ятай цэй дэнь.

Для сватовства приготовили красивые сани с молодыми жеребчиками. Сваты прихватили с собой четверть терновой настойки и большой свежий хлеб. Поехали к Сербиным только втроём: Степан, Наталка и Яким. По дороге Степан поучал внука, как вести себя во время сватовства: стоять всё время в стороне, не разговаривать и, главное, не волноваться.

— Куды вона динэться, ця Марта. Так такого парубка на сто вэрст навколо нэ знайдэш. Нэхай тилькы гарбуза вынэсэ, нихто йии тоди замиж нэ визьмэ, — хорохорился Степан, хотя тут же спрашивал у Якима: — А точно миж вамы коханье? Може, ты усэ прыдумав, а красуня нэ збыраеться замиж. От ганьби будэ, якщо гарбуз пиднэсэ.

Пока доехали до хутора Сербиных, переволновались и нагнали страха на Якима. Подъехали к хате Марты, и тут Яким вдруг совсем засомневался. Ему показалось, что не всё они с Мартой обговорили, а вдруг она опомнится и не согласится выйти за него замуж, или родители её будут против. Видя, что внук боится идти во двор, Степан шлёпнул его пониже спины и пошутил:

— А ну, козак, упэрэд, николы нэ видступай, нэ стало нашому Роду боятыся.

Сватов заметили из окошка, открылась входная дверь, и хозяин пригласил их зайти в дом. В сенях уже чувствовался запах пирогов. Вошли в светлую комнату и остановились у дверей. Степан прошёл дальше и поставил на стол бутылку с водкой, и положил хлебину — особый пирог, который готовят всегда к сватовству. Сербин пригласил всех к столу. Это уже было хорошим признаком — если бы хозяева не пригласили к столу, это значило бы отказ в сватовстве.

Сваты приглядывались тем временем к хозяину, Василию Сербину. Высокий рост и смуглый цвет лица, чёрные с редкой проседью волосы, чёрные проницательные глаза, большой, но правильный нос выдавали

принадлежность его к нации. Его жена Анна была небольшого роста, круглолицая, тоже смуглая, всё время улыбалась, быстро двигалась, и по поведению было видно, что она частенько командует мужем. Общим обликом Анна могла бы прослыть красавицей, но всё портил небольшой шрам на подбородке. Заметив пристальный взгляд Степана, Анна с улыбкой сказала, что это отметина от турка, который пытался в молодости её украсть из дома, но Василий вовремя подоспел и оборонил любимую от басурманина.

Пока раздевались, пока согревались у печки, в комнате собралась вся семья. Марта, красная от смущения, появилась в комнате, накинула на себя кожух и убежала в коридор. Её сестры залезли на печку и смотрели оттуда на гостей с любопытством. Временами оттуда слышались хихиканье и шёпот. Жена Василия Анна захлопотала, накрывая на стол.

— Васыль Тэрэнтийовыч и Ганна Трохымивна, дозвольтэ сказаты слово. Нас прывэла до вас доля. Наш сокил выглядив на вашому краю голубку, без якой нэ можэ тэпэр жыты, нэ йисть, нэ п'е, сохнэ вид любови. Нэ дайтэ пропасти соколу, дайтэ йому голубку, нэхай жывуть у згоди и коханьи, — сказал Степан, встал из-за стола и поклонился хозяевам в пояс.

— Що ж Вы нас запытуетэ? Кого хочэ любыты Ваш сокил, у тией и запытаетэ, — спокойно ответил Василий. Он уже давно наблюдал за Якимом и Мартой и был готов к сватовству.

Анна накрывала на стол, шутила и пыталась скрыть замешательство от того, что Марта убежала из хаты. Девчонки на печи хихикали, всё больше нагоняя страх на Якима. Ему вдруг почудилось, что Марта сейчас принесёт в хату гарбуза. Анна не выдержала и вышла из хаты в поисках дочери.

Василий тем временем неспешно разговаривал со Степаном о жизни в этих местах. Сербины относительно недавно поселились в этом краю, и Василию было любопытно узнать, какие условия жизни для казаков в юрте Стародеревянковской станицы. Пока земли в окрестностях было много, бери сколько обработаешь, но, учитывая Порядок общей пользы, которым руководствовались как основным законом при выделении земельных наделов, у Сербиных было мало возможностей разбогатеть. В семье только один мужчина, на которого выделялся пай, на женщин землю не давали.

Пришла с улицы Анна, ведя за руку Марту. Яким не спускал глаз с лица любимой. Ему хотелось узнать, о чём она думает, что скажет сейчас. Марта стала к печи спиной и молчала, не поднимая глаз.

Теперь уже Наталка стала говорить:

— Прыйшлы мы до вас тому, що наш молодэць занудьгував, засумував, побачыв красуню и полюбыв йии, и як тэпэр жыты йому, якщо на сэрцэ трывога и сум?

— Що, дочка, скажэш? До тэбэ прыйшлы, тоби и выришуваты, — спросила Анна у Марты.

Та ещё больше покраснела, немного помолчала и сказала, что должна подумать. Василий тем временем налил сватам по стакану вишнёвой настойки. Анна подала на стол пироги и варёное мясо. Выпили наливочки, закусили. Марта молчала. Степан стоял у двери и нервничал. Видно было, что он весь дрожит, лицо то краснело, то бледнело. Василий снова стал разговаривать со Степаном о погоде, видах на урожай, рассказывал разные случаи про охоту. Марта подошла к матери и что-то прошептала ей на ухо. После этого ушла в другую комнату. Все вопросительно посмотрели на Анну.

— Марта сказала, що покы нэ зважылася иты вид нас, вона хочэ подуматы. Прыходьтэ в иншый раз.

Василий налил ещё по стакану вина. Молча выпили.

— Ну спасыби, що нэ видмовылы, и тэ добрэ, — промолвил Степан и, надев кожух и шапку, вышел на улицу. Видно было, что он очень обижен.

А каково Якиму… Ведь сколько раз они с Мартой встречались, вроде, уже обговорили, что любят друг друга, и вот такое отношение. Наталка вышла вслед за мужчинами и, подбадривая Якима, сказала, что раз не было отказано, а просто отложено сватовство, даже хлебину не вернули и гарбуза не вручили, значит, не всё потеряно. Придут в другой раз, когда у Марты настроение будет.

Вернулись домой грустные, с мрачными мыслями. Пётр, Арина и Терентий тоже удивились, почему не смогли сосватать невесту.

— Можэ, вы мовчалы и слова доброго нэ сказалы? Чи в Марты нарэчэни в ряд коштують?

Потом Яким узнал, что у сербов такой обычай: когда приходят свататься, нельзя отдавать невесту в первый раз. Вот Марта и решила соблюсти обычай и проверить чувства жениха, сделав ему испытание.

Яким был настолько расстроен, что неделю не мог есть и заниматься каким-либо делом. Он слонялся из угла в угол по хате, потом внезапно брал ружьё и уходил на охоту. Ему надо было как-то развеяться, убрать из головы печальные мысли. Яким вспоминал, как они с Мартой встречались, целовались, говорили друг другу ласковые слова, и не мог понять, что случилось, что она отодвинула сватовство. Единственное утешение, что не отказала, взяла хлебину со стола и унесла в другую комнату.

Прошло около двух недель, и Степан решил ещё раз попытаться сосватать внука. Его тоже тяготила неопределённость. Степан постариковски ворчал и обращался ко всем с одним вопросом:

— Що цэ вона носом крутэ, начэбто в окрузи нарэчэни в чэрзи коштують? Мы тэж горди, и якщо пошукать, у станыци знайдэмо кралю по души.

Съездили за Наталкой и в том же составе поехали снова к Сербиным. Издалека видно было, что Василий и Анна хлопочут во дворе. Увидев сватов, они поспешили в хату. Когда сваты подошли к хате, дверь открылась и навстречу вышли родители Марты с хлебом в руках. Гостеприимно пригласили сватов в хату. Степан приободрился и стал шутить ещё с порога:

— На вас нэ напасэшься горилкы и хлэбын, якщо будэтэ ганяты нас вид ворот поворот.

— Так мы нэ розбагатиемо вид ваших дарункив, було б що побогаче запропоновано, а тэ хлэбины. Горилкы в нас у самых багато, — отвечал, усмехаясь, Василий.

Сваты прошли в хату. На столе уже стояли угощения. На печке скворчали колбаса и мясо. Сестрички метались по хате, выставляя на стол всё новые и новые угощения. Стоя у двери, сваты поклонились в пояс, приветствуя хозяев.

Василий и Анна радушно пригласили сватов за стол. На этот раз беседа велась уже в другом русле. Степан с Наталкой стали расхваливать достоинства жениха, перечислили всё, что он мог делать. Рассказали, что весной Яким уходит на Линию служить, а его отец за время службы построит хату для будущей семьи.

— Нэ вирымо мы вашым казкам, можэ, нарэчэный лэдачый, можэ, в родыни його доидають останний шматок хлиба, и наша дочка будэ бидуваты, — шутливо отвечал им Василий.

Наталка особо рьяно продолжала хвалить племянника, шутками, прибаутками перемежая свою речь.

Яким стоял на пороге, не присаживался за стол и неотрывно смотрел на Марту. Та уже чуть увереннее вела себя при сватах, тоже изредка поглядывала, улыбаясь, на любимого. И когда сваты попросили дать ответ, она пригласила Якима за стол, и когда тот сел на лавку,

Картина Андрея ЛЯХА.

подошла к матери и шепнула ей что-то на ухо. Анна подошла к столу, усадила Марту рядом с Якимом и разломила над их головами хлебину. Все поняли, что она таким образом дала своё согласие на свадьбу. Яким взволнованно вскочил, уже никого не стесняясь, обнял Марту и на глазах у всех крепко поцеловал. После этого Анна попросила Якима и Марту выйти в другую комнату, а сама села за стол к мужу. Василий налил наливки в стаканы, чуть приобнял Анну и, держа руку на её плече, попросил провести их в хату Якима. Они должны познакомиться с родителями жениха и посмотреть, как они живут. Тут же собрались и двумя санями поехали на хутор к Обломиям. По дороге пели песни, как украинские, так и сербские, которые по языку были понятны всем.

Пётр издалека увидел приближающийся санный поезд. Он предупредил Арину, а сам пошёл в погреб за разносолами. Зная свадебные обычаи, родители Якима подготовились заранее к приезду сватов. Арина накрывала на стол, ей помогали Настенька и Миша. Все были взволнованы, не терпелось узнать, как прошло сватовство.

Сани со сватами заехали во двор, их вышли встречать Пётр с Ариной. В руках на рушнике они держали хлеб и соль. С поклоном пригласили гостей в хату. Арина спросила шёпотом у Наталки:

— А дэ ж Якым з Мартою?

— Их залышылы знайомытыся в нэвэстыной хати, пизнишэ прыйдуть, — отвечала Наталка.

На почётные места за столом усадили Василия и Анну. Обломии всячески подчёркивали уважительное отношение к родителям Марты. Пётр и Арина знали, что от первой встречи, от первого знакомства зависят дальнейшие отношения с новой роднёй. Пока знакомились, рассказывали, кто откуда приехал на Кубань, в хату вошли Яким с Мартой. Лица их были счастливыми, улыбчивыми. Арина посадила молодых в торце стола, подала на их край самые вкусные блюда. Миша и Настенька впервые видели Марту и теперь разглядывали её во все глаза. Настеньке невеста очень понравилась и, приблизившись к Якиму, она прошептала на ухо:

— Братык, ты молодэць, що знайшов таку красыву дивчыну! Вона будэе мэни подружкою.

Тем временем сваты приступили к обсуждению основного вопроса — когда будут играть свадьбу. Учитывая работы по хозяйству и праздники, решили назначить веселье на Масленицу. После всех разговоров нужно было сделать рукобитие, то есть взять гарантии на случай, если кто передумает играть свадьбу. Договорились, что штраф будет символическим, но обозначили цену — сто рублей серебром. Такая сумма гарантировала, что ни жених, ни невеста не откажутся от свадьбы. Обычай был шутливый, и в душе каждый надеялся, что все планы осуществятся и ничто не сможет разлучить молодых. Пётр первым положил свою руку на стол ладонью вверх. На его руку положил так же свою руку Василий, потом Арина и Анна. Сверху свои руки приложили сваты, Степан и Наталка. После этого договор о свадьбе был закончен.

На следующий день родители Якима и Степан с Наталкой и Терентием поехали в дом к невесте. Такое посещение родителями жениха называлось помолвкой или сводами. Марта на пороге вручила каждому по рушнику, самолично вышитому. У неё на голове был венок

из восковых цветов, украшенный цветными лентами. Теперь этот венок Марта по обычаю должна носить до самой свадьбы.

Кроме родичей Якима, пришли к невесте и её родичи: Павел Сербин с женой Ульяной и детьми, Дмитрием и Александром.

Теперь у невесты в доме все будущие родичи обговаривали, кого надо приглашать на свадьбу, сколько продуктов готовить на стол, какое приданое дадут Марте её родители.

После помолвки в хате Марты собиралась молодёжь из окрестных хуторов. Девушки помогали невесте доделывать приданое к свадьбе. Марта вышивала Якиму и Петру кисеты, Настеньке пошила сарафан к лету, вышила его по краям орнаментом. По вечерам парни и девушки пели песни про долю казачью, про любовь и просто под настроение.

За день до свадьбы в домах Якима и Марты пекли из пшеничной муки калачи, каравай и шишки; разливали вино в бутылки, затыкая горлышки колосьями пшеницы или проса, чтобы нечистая сила не забралась, и перевязывая их розовыми лентами. Испекли очень много шишек, так как их подносили каждому, кого приглашали на свадьбу, и во время одаривания молодых в знак благодарности за подарки.

В доме жениха Арина испекла большой пирог с начинкой, в середину которого положили монету на счастье. Пирог должны были подавать в конце свадьбы, причём серединку сохраняли для молодых.

В доме Сербиных испекли свадебный каравай. Для этого пригласили замужних женщин: звали таких, у которых были дружная хорошая семья и работящий муж. Каравай богато украсили шишками из теста, птичками-жаворонками, солнцем, месяцем. На каравай поставили гильце — ветку дерева, перевязанную красной лентой. Удачный и красивый каравай предвещал хорошую жизнь молодым. Он считался символом счастья и плодородия в новой семье. Готовый каравай поставили в красный угол, откуда подруги невесты накануне венчания торжественно перенесут его в дом жениха.

В канун свадьбы в хате Якима и в хате Марты устроили вечеринки. Марта, повязав троим подружкам платочки, отправила их с подарками — кисетами для Петра и Якима, платками и рубашками для Арины и Настеньки.

Яким встретил девушек у себя дома, угостил вином, подарил им по платочку и послал через них Марте свадебный подарок — платье для венчания, туфли и украшения. Девушки с песнями вернулись назад.

Яким ещё накануне просил у родителей совета, кого выбрать дружкой, свахой и прочими свадебными чинами. Дружку надо было выбирать из холостых родственников. Решили, что для этой роли подойдёт Гриша Галка. На язык он был бойкий, мог красиво говорить при людях, не стеснялся пошутить. В помощь ему выбрали сваху — его мать Наталку.

Вечером пришли из дома Марты её родичи и повели Якима к невесте. Жених с товарищами, дружкою, свахой, с песнями, стрельбой и факелами отправились в дом невесты.

Впереди процессии шёл Яким с дружкою Гришей, за ним товарищи с родичами невесты. Позади несли ведро вина и закуску. Приблизились к хате Сербиных и стали стрелять в воздух из ружей. В хате тут же закрыли на запоры все окна и двери. Гриша не терял времени зря, он остановился под окном невесты и крикнул:

— Пустытэ обигритыся?

— А вы що за люды?

— Так мы купци. Прыйихалы и почуялы, що у вас е «товар».

— Е «товар», е. Що ж, увийдить, подывытэся, — разрешили из хаты.

Дружка, сваха и другие родственники жениха зашли в хату, ласково здоровались с хозяевами. Яким с товарищами в это время оставался во дворе — там продолжались веселье, песни, пляски.

Дружка занёс в хату ведро вина, а сваха — закуску. Перекрестившись, дружка со свахой, указывая на вино и закуску, спросили: «Дозвольтэ хлиб-силь на стил поставыты, гостэй почастуваты?» Получив разрешение, Гриша взял поднос со стаканами и трижды обнёс всех собравшихся вином, начиная с родственников невесты. За ним шла Наталка, целовала каждого сваточка и вручала по шишке, что означало приглашение на свадьбу.

Покончив с этим, дружка снова завёл разговор о «товаре»:

— Тому що ж «товару»? Купэць у нас отут е, вин бы купыв. Подывытыся, йому «товар» трэба.

— Так, ужэ потрибно впэрэд подывытыся, якый ваш купэць. Можэ, в нього и грошэй нимае, проходымэц якой-нэбудь.

Дружка, как мог, принялся разуверять сваточков, расхваливать жениха, и тогда сваточки позволили: «Уводь!»

Ввели Якима, он поклонился на четыре стороны, перекрестился, поздоровался. Начались долгие шуточные расспросы — кто да откуда, имеет ли деньги, зачем пожаловал. За Якима всё время отвечал дружка. Наконец, сваты решили, что купец ничего, подойдёт, и послали «за товаром». В комнату подруги ввели невесту и поставили её рядом с женихом. Все дружно начали расхваливать «товар». Тем временем подружки невесты запели величальную песню. Под эту песню Яким и Марта прошли в соседнюю комнату, за ними молодёжь, и началась вечеринка. Пели песни, танцевали украинские танцы, со стороны невесты родственники показали национальные сербские танцы. В конце вечеринки на ужин остались самые близкие друзья и подруги молодых. Яким угощал их вином, а Марта ужином. После угощения Яким с товарищами ушёл домой, а девушки остались ночевать у Марты.

Рано утром мать разбудила Марту, а она своих подружек. Все встали, оделись, стали завтракать, точнее, завтракали подруги, а невеста их угощала. После завтрака стали собираться в церковь. Марта надела алую шёлковую длинную, до самой земли, юбку, алую рубашку с длинными узкими рукавами, отделанными кружевами, чёрный длинный

Картина Андрея ЛЯХА.

шёлковый кафтан с отворотами на рукавах и серебряный поясок. Подруги помогли надеть украшения: серебряные серьги и бусы. Брови и ресницы насурьмили, лицо подрумянили специально приготовленным бурачным соком, немного подвили волосы, навели локоны. Подруги особым способом крепко-накрепко заплели невесте косу, чтобы свахе, которая должна расплетать косу в церкви перед венчанием, пришлось бы немало повозиться.

Тревожно и радостно было на душе у невесты. У Марты было ощущение, что она накануне длинной дороги, вот сейчас заедет Яким и повезёт далеко-далеко, конца дороги не видно. Она буквально так и понимала, что её замужество — это длинный путь в жизнь, дорога в будущее.

Марта разобрала свой венок и отдала подружкам по ленте. Сваха, её тетка Ульяна, перед самым венчанием переплела ей волосы, сделала женскую причёску — наколку, то есть уложила две косы венцом вокруг головы и покрыла шёлковым платком.

Перед поездкой в церковь Марта переоделась в белое длинное платье, украшенное приколотым с левой стороны красным восковым цветком, и длинную фату, прикреплённую к веночку из белых восковых цветов. На ноги надела свадебные туфли с каблуками.

Когда Марта была одета, она вышла в общую комнату и, кланяясь родителям в ноги, попросила благословения сначала у отца, потом у матери. Она причитала:

Ох, так ты, ридный, ты мий батько,
Нэ прошу я у вас ни злата, ни срибра.
А прошу я у вас вид свиту благословэння.
Ох, благословытэ вы мэнэ, ридный батько,
До Божой цэрквы пийты.
Ох, до Божой цэрквы пийты,
Злат винэць надягты.

Родители, держа в руках икону, благословили невесту. Она же стала плакать, целовала их и всех родственников, подруг и, как бы прощаясь, продолжала голосить.

После благословения невесту посадили в передний угол. Девушки-подружки сели вокруг неё и стали петь песни.

А в это время в доме Якима шли последние приготовления к поездке за невестой. Сходились товарищи-бояре: вместе с дружкой и свахой они составляли свадебный поезд жениха. Жених нарядился в полную парадную казачью форму: брюки-галифе тёмно-синие с кантами, лёгкие сапоги, белую рубашку с высоким стоячим воротом, парадный бешмет, тоже с высоким воротом, с застёжками-крючками до пояса и длинными узкими рукавами. Поверх бешмета он надел чёрную черкеску с газырями, в которые были вложены пустые гильзы — для украшения. Из рукавов черкески, широких, с отворотами, выглядывали рукава бешмета. Подпоясав черкеску наборным кавказским серебряным пояском, Яким привесил посередине на пряжку, рукояткой вправо, кинжал в ножнах, по правому бедру — наган в кобуре. На черкеску с левой стороны приколол красный восковой цветок.

Обрядившись, жених попросил у родителей благословения. Отец и мать перед отъездом по очереди перекрестили Якима и благословили иконой. Выехали со двора жених, дружка и их товарищи на конях, все в полной парад-

ной казачьей форме. Хвосты и гривы лошадей были оплетены лентами и цветами. За верховыми следовали на санях сваха Наталка и другие родственницы и родственники Якима.

Поезд жениха остановился у ворот дома невесты. Ворота были закрыты и тщательно охранялись родственниками Марты. Поперёк ворот лежало несколько брёвен, и всё было перетянуто верёвками. Пока дружка «покупал ворота», началась весёлая перебранка. В конце концов дружка выставил собравшимся водку, после чего ворота открыли, поезд жениха въехал во двор. Жених с товарищами остановился перед домом, и в который раз устроили весёлые пляски — танцевали лезгинку и гопака. Из музыки — дудка и бубен, но на этих нехитрых инструментах играли настоящие музыканты. Мелодия дудки была настолько осязаемой, что казалось, слышны даже слова песни.

В хату вошли сваха Ульяна и родственники невесты, которые охраняли ворота. Около невесты сидела её дружка, одна из родственниц невесты, и это место прибывшим предстояло выкупить для жениха. Справа от невесты сидели сёстры, каждая из них держала в руках хворостину — охраняла подступы к невесте. Гриша и сваха Наталка просили у родителей позволения выкупить место около невесты. Наталка торговалась с дружкой невесты, сговорились копейках на десяти и поменялись местами. После этого торговались, сговаривались с сёстрами Марты, и сёстры, получив по серебряной монете, тоже освободили место.

Дружка в это время ввёл жениха и посадил на место, освобожденное сёстрами. Наталка, не теряя времени, обносила присутствующих вином. В комнату набилось много народу, всем хотелось полюбоваться на красивых жениха и невесту. Через время родители благословили молодых, все помолились, и жених с невестой, взявшись за концы носового платка, вышли из хаты.

Во дворе при виде молодых снова заиграла музыка, раздались выстрелы, и все стали садиться в сани, чтобы ехать в церковь. С молодыми поехали сваха, дружки, подружки и вся молодёжь. Всего набралось трое саней. В каждые запряжено по тройке лошадей. И лошади, и сани украшены лентами и колокольчиками.

Мать и отец Марты с большей частью родни остались дома. Они выдали своим родственникам приданое невесты, все её вещи, а родственники торжественно понесли их в дом жениха. Приданое невесты составили сундук для постели, постель, десять подушек, два одеяла, тюфяки, сундук, набитый одеждой, обувь летняя и зимняя, два кожуха из овчины мехом внутрь, немного посуды: медный котёл, оловянные тарелки, чумичка, стеклянные стаканы, два медных кувшина.

За два часа добрались до Деревянковки. Когда въехали в поселение, молодые казаки стали стрелять из ружей и пустили коней вскачь. С гиканьем, шумом и стрельбой добрались до церкви, всполошив жителей ближайших улиц.

На церковной площади спешились. Яким подошёл к Марте и взял её под руку. Так они и вошли в церковь. Здесь их уже ждали. Священник стал читать молитву, потом дал дружкам венцы, и они держали их над головами жениха и невесты. Священник спросил у молодых, согласны ли они вступить в брак. Марта сказала три раза своё согласие, после неё, также три раза, подтвердил своё согласие Яким. Молодые обменялись кольцами и поцеловались. После этого священник взял невесту и жениха за руки и обвёл их трижды вокруг аналоя. Перед выходом из церкви сваха забрала венчальные свечи — их потом хранили в семье и зажигали в случае тяжёлых родов. В это время присутствующие смотрели, чья свеча, жениха или невесты, короче — какая больше сгорела, тот первым и умрёт. Если на свечах были заметны оплывы воска, новобрачных ожидали удовольствия и богатство.

После венчания жених ехал с невестой в одних санях, за ними скакал конь Якима. Их сопровождали товарищи жениха верхом на конях и девушки в санях. Парни джигитовали, стреляли в воздух из ружей, девушки пели песни. Шумным поездом проскакали по Деревянковке. Иногда останавливались, угощали горилкой встретившихся прохожих. Иные любители выпивки, зная обычаи, завидев издалека свадебный поезд, выходили на дорогу пожелать молодым счастья и благополучия. Это приветствовалось, во время свадьбы все были добрыми и не скупились на угощения.

Родители жениха встретили новобрачных, стоя в дверях своей хаты; они держали высоко над их головами надрезанный посредине хлеб. Как только Яким и Марта переступили порог дома, родители сообща переломили хлеб: одна половина оставалась в руках матери, другая — в руках отца.

Родственники ещё во дворе обсыпали новобрачных хмелем, мелкими деньгами, конфетами. Перед дверьми в хату образовалась толчея: дети возились на земле, поднимая конфеты и мелочь. Арина и Пётр после преломления хлеба благословили жениха и невесту, ввели их в хату и посадили в передний угол. Подали на стол молодых лёгкую закуску и чай — с утра молодые ещё ничего не ели, но пить и наедаться в этот день им не положено.

Потом усаживались за стол родичи, и дружка угощал их вином; каждому из них Арина повязывала на руку носовой платок и большие платки через плечо. Выпив по три стакана вина, молодые родственники невесты, дружка Гриша, сваха Наталка и часть родственников жениха пошли «с донесением о благополучии новобрачных» — это называлось «идти с радостью». По дороге пели песни и, часто останавливаясь, танцевали.

В доме невесты пришедших посадили за стол и поднесли угощения. Всем гостям Анна повязала на руку платки, а Гришу и Наталку крест-накрест через плечо перепоясала рушниками. После небольшого угощения теперь уже все вместе отправились в дом жениха, и снова по дороге — шутки, песни, пляски. В хате у жениха всех с радостью ждали, рассадили за столом. Родители жениха подарили

родителям невесты подарки: Василию Терентьевичу — кожу на сапоги, а Анне — ситец на рубаху.

Молодёжь, немного перекусив, перешла в соседнюю комнату, где устраивали игры и танцы, пели песни. Старики остались за столом. Гриша с шутками-прибаутками обносил гостей вином. Кроме того, на свадьбе обязательно должен был быть мёд, чтобы молодым сладко жилось, чтобы они «тонули в счастье». Родственники невесты, которым вообще всё разрешалось на свадьбе, кричали: «Давай тэ, у чому мухы тонуть!»

Ближе к вечеру родственники начали одаривать молодых. Первыми к молодожёнам подошли родители Марты. Сваха с дружкой поднесли Василию и Анне поднос, на котором были рюмки с водкой и шишки. Василий поднял рюмку и сказал:

— Даруемо молодым тэлку стэльную и лошаты, крим цього тры ягнычкы и молодого поросяты, щоб жыття их була багатой и щаслывою.

— А щэ даруемо глэчыкив тры штукы и посуд на пэршый час, щоб Марта господаркою була гарною, — добавила Анна.

Яким и Марта подошли к её родителям, поклонились в пояс и угостили каждый своим караваем, она — круглым с гильцем, он — пирогом и водкой.

После вышли к молодым Пётр, Арина и Степан. На широком подносе они поднесли молодым шкатулку и попросили открыть её. Марта открыла крышку, внутри лежали две ассигнации по сто рублей каждая, до половины шкатулка была наполнена серебряными рублями. На такие деньги можно было купить целое стадо коров.

— Щэ мы хочэмо допомогты вам у будивныцтви, лис ужэ заготовлэный, якщо родычы допоможуть, тэ злипымо саман, и як тилькы прыйдэ Яким зи службы, видразу поставымо хату, — сказал Пётр.

Молодые поклонились родителям и деду. Марта поцеловала Арину; она по рассказам Якима знала, насколько добры его родители, и сейчас убедилась, что это действительно так.

Степан ласково обнял внука и невестку и подарил им куклу:

— Покы своей дытыны завэдэтэ, пограйтэ покы циею лялькою, алэ нэ бильшэ року, а то дитьмы залышытэся на все жыття.

Остальные родичи дарили кто поросёнка, кто телёнка, а чаще просто деньги. Родители и близкие родственники внимательно следили за тем, кто сколько дарит. После дарения дружка и сваха увели новобрачных, а пир и веселье продолжались заполночь. Снова пели песни, танцевали лезгинку, гопака, стреляли во дворе из ружей в честь новобрачных. За столом царила демократия — рассаживались, кому где удобнее, старики вели неторопливые беседы про урожаи, про жизнь на Кубани — почти все были родом из Малороссии. Молодые забегут на несколько минут за стол, чуть перекусят, да снова танцевать, выплясывать. Утомившись, пели песни задушевные.

Утром дружка вывесил на ворота красный флаг — так объявляли, что невеста была непорочной. Собрались гости к столу, и снова пошёл пир. Родителей Марты с утра не было: они по обычаю на второй день свадьбы находились дома. Перед обедом Яким, Марта, дружка, сваха и родичи жениха сели в сани и поехали к дому Сербиных. Всю дорогу вокруг саней джигитовали молодые казаки, то пускались вскачь, то стреляли из ружей. Впереди саней скакал Мишаня с красным флагом в руках.

Прибыв во двор Сербиных, Яким и Марта, теперь уже муж и жена, сопровождаемые дружкой и свахой, вошли в хату. Яким поклонился родителям Марты, поблагодарил их за честь дочери и крепко расцеловался. Василий и Анна усадили гостей за стол и выставили угощения.

Пока сидели за столом, под окна хаты пришли ряженые. Они потребовали на улицу молодых. Яким с Мартой вышли к «цыганам», их усадили в сани, сами ряженые сели в другие и понеслись в Деревянковку. Сопровождали санный поезд разукрашенные верховые. По пути заезжали во все хутора, требовали выкуп за право посмотреть на молодых. Кто пытался возмущаться и не давал выкуп, того брали на заметку, и потом у этих людей ночью затыкали трубу в хате, или воровали кур, или уводили собак со двора. Но в основном все знали обычаи и не сопротивлялись проделкам «цыган». В каждом доме жениха и невесту одаривали.

В Деревянковке заезжали к знакомым, но больше ездили по улицам, задевая прохожих, угощая их вином и пирогами. Под вечер свадебный поезд угомонился, все разъехались по домам. Яким с Мартой в сопровождении дружка и свахи поехали к себе на хутор.

На следующий день в хате у Обломиев созвали заключительный обед. Это называлось «концы хоронить». Третий день прошёл скромнее. Собрались родичи и близкие друзья, посидели за столом немного и снова поехали кататься на санях — как положено, с песнями и стрельбой. Ещё долго по окрестностям вспоминали шумную свадьбу Якима и Марты.

Потекли обычные рабочие будни. Марта легко вошла в семью, подружилась с Ариной и Настенькой. Вместе хлопотали у плиты, по очереди работали у ткацкого станка. Марта очень хорошо разбиралась в огородных делах и сама разводила рассаду для посадки. Яким по характеру был похож на отца и, конечно, был таким же однолюбом. Наблюдая, как Марта хлопочет по дому, он любовался красотой любимой жены. Её ловкость и работоспособность поражали его. Оказалось, что Марта за день делает так много дел, что другому человеку было бы просто не под силу. Даже Арина заметила, Марте как-то сказала, что хоть на минутку надо присесть отдохнуть, нельзя так себя загружать работой.

Первое время для молодых отвели дальнюю комнату в хате, но учитывая, что скоро Яким уедет на Линию, планировали поселить Марту после отъезда мужа в комнату Настеньки.

Продолжение следует.

Фото старого парка, 1964 год.

Татьяна ГРЕЧАНАЯ

СТАРЫЙ ЛЕТНИЙ САД

Наш добрый старый летний сад,
Тенистые аллеи...
Как много лет тому назад
Мы все в нём повзрослели!

У входа из цветов число
Менялось каждым утром.
Наверно, всем нам повезло,
Что жили мы так мудро.

Направо — танцы, карусель
И песен всех разливы,
А слева, в тишине аллей –
Три братские могилы…

Все помнят, много лет подряд
Здесь митинг проводили,
И пионеров наш отряд
На праздник приводили.

Гулянье, песни и кино
Для разных поколений...
В нём много времени прошло
В любви и вдохновении.

Сюда ходили все гулять
И в праздники, и в будни,
На танцплощадке танцевать
И просто встретить друга.

Там старый духовой оркестр
Всех созывал на танцы,
И не хватало даже мест –
Держались мы за пальцы.

Но время шло, и всё вокруг
Менялось по генплану;
И старый парк, наш верный друг,
Был изменён, как надо…

Погибших прах перенесли —
Всех в братскую могилу.
Срубив деревья, разгребли
И сделали равнину.

На ней, разметив новый парк,
Всё чинно посадили.
Но был тот парк тенист и стар,
И мы его любили…

В прохладе вековых дубов
И многолетних клёнов —
Энергия прекрасных слов,
И множество влюблённых

Оставили свой след в веках
На лавочках в аллеях,
И хоть прекрасен новый парк,
О старом мы жалеем…

Ольга ЗОРИНА

МАЙКА

Рассказ

Майка родилась в мае, потому и имя ей такое дали. Не было в ней никакой породы — обычная дворняга, каких легион. Но ушки торчком, хвостик крючком, рыжая, пушистая, как белка. Хозяева нашлись сразу, на местном рынке — симпатичная супружеская пара за пятачок «на удачу» взяла забавного щенка в подарок любимой дочурке на шестой день рождения.

Пока Майка была маленькой, жилось ей прекрасно. Малышка её любила, большие люди кормили вкусно, сытно. С ней много играли, её ласкали, тискали, обнимали. А малышка даже чмокнула её однажды в рыжую усатую морду. Но собачье детство короткое…

В семь месяцев Майка понесла. Родила семерых щенков всевозможных мастей. Малышка была в восторге. Большие люди поохали, повздыхали, а через месяц отняли у неё детей и раздали их на том самом рынке, где взяли Майку.

Ещё через полгода Майка родила восьмерых — один другого краше. Большие люди не охали, не вздыхали, в их сердитой речи она разобрала: «стерилизация» и «денег нет». Щенков снова отняли, унесли. А саму Майку посадили в машину и долго везли куда-то. Всю дорогу она мечтала о купании в реке, беготне по тёплому непаханому полю… Но машина остановилась, Майку высадили в каком-то незнакомом месте и уехали.

Невдомёк ей было, что на этот раз большие люди поленились пристроить её деток в добрые руки. Что разбросали их — кого где: на автобусной остановке, в больничном дворе, в парке, просто на улице — якобы «разберут». Из восьми щенков выжили только двое, подброшенные во двор станичного храма.

…Майка осмотрелась: незнакомая улица, чужие дома, чужие запахи, лица. Есть хочется. Но уходить нельзя: за ней вернутся, обязательно! Майка так любит свою малышку, своих больших людей, свой дом, свой двор! Она должна оберегать их покой, охранять жилище, согревать любовью, радовать трюками и ужимками, дарить ласку…

День, другой, третий не уходила Майка с той обочины, где высадили её из машины. Пила из лужицы. Внимательно вглядывалась в лица прохожих: а вдруг они?.. Если кто-то казался похожим, бежала нюхать. Но люди шарахались от неё, а иногда и замахивались. Несколько раз бросали камнями. А один вкусно пахнущий человек вдруг ударил палкой.

Правда, были и те, кто ласково заговаривал с Майкой, что-то спрашивал, сочувственно выслушивал её жалобный скулёж, гладил, кормил. Таких было немного. Добрее были дети, но идущие рядом большие люди не разрешали малышам подходить к несчастной бродяжке.

Однажды она увидела большого человека на высоких каблуках, ведущего за руку её малышку! Не помня себя от счастья, повизгивая и виляя хвостом, со всех лап рванула к ним Майка. Малышка радостно потянулась к ней, но большой человек вдруг завизжал тонким голосом и ударил Майку большим пятнистым зонтом. От обиды, боли и страха Майка рванула, куда и глаза не глядели. Единственное, что успела учуять — это не её малышка, другая.

А потом у Майки опять приключилась течка. Со всех сторон сбежались к ней лохматые, хвостатые, зубатые. Осадили её, позабыв о хозяйских дворах, изобильных мусорных баках, ничего и никого не замечая, кроме неё, Майки.

…Собачья стая пугала людей. И кто-то написал в соцсети. И люди лаяли и грызли друг друга грязными жестокими словами. И пуще всех лаялись и грызлись те, кто не любил и боялся собак. А ненависть к животным они неуклюже прятали под елейной кисеёй фальшивой любви к людям. А кто-то не тратил время на свару в интернете, а позвонил «куда надо».

Однажды утром, едва забрезжил рассвет, появились люди с особыми палками, из которых вылетали жужжащие мухи, кусавшие больно, безжалостно. Бездомные, домашние — все без разбору — бились об асфальт в мучительных корчах.

Большой человек на каблуках пробегал мимо, таща за руку малышку. Малышка пронзительно взвыла — так жаль ей было лохматых, хвостатых, зубатых! И это страшное утро навсегда врезалось в сердце малышки, превратив его в чёрствый камень — ведь только так можно было унять злую боль и запредельную жалость.

Майка металась в поисках укрытия. Течка кончилась, и в её пока ещё поджаром чреве — она чувствовала это — зарождалась новая жизнь. Но скрыться было некуда. И смертоносная муха, вылетев из безжалостной палки, ужалила её в рыжий мохнатый беличий бок.

…Вся короткая собачья жизнь пронеслась в угасающем Майкином сознании. Все запахи и звуки. И ласки, и вкусный корм, и малышкин поцелуй в усатую щёку. И предательство больших людей, и голод, и камни, и палки, и большой пятнистый зонт.

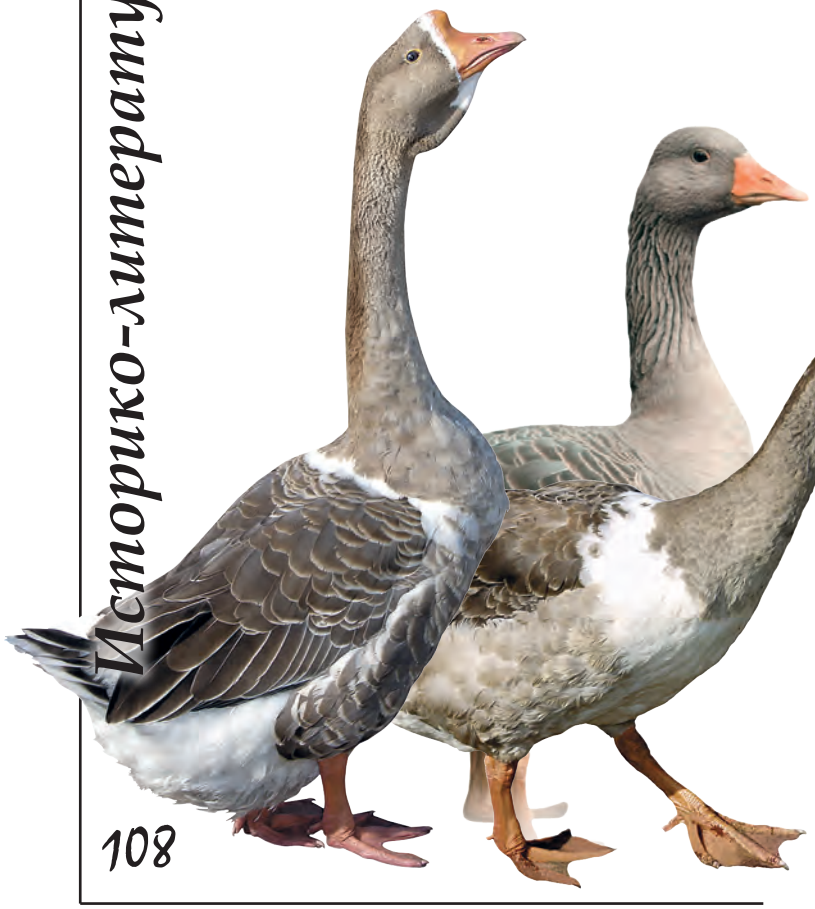
Майка лежала на боку. Пышный хвост безвольно поник на сером росяном асфальте. Дыхание становилось всё реже, она утихла — даже на судороги не было сил в отравленном теле.

А в последний миг она увидела распахнутые глаза своей малышки, услышала звенящий голосок, почувствовала на шее тёплые ручонки. Майка попыталась шевельнуть пересохшим языком, лизнуть перепачканную, пахнущую молоком ладошку... И сердце её, полное любви и преданности, остановилось.

Татьяна КУН

ГУСИ-ЗАБИЯКИ

Рассказ



Был тёплый день лета 1962 года, солнце ласкало лучами деревья, цветы, травы. По голубому небу плыли пушистые белые облака. Во всей природе ощущались безмятежность и спокойствие.

Я перешла во второй класс. Летние каникулы. Выполнив все мамины поручения и наносив вёдрами воды из колонки, которая была в ту пору на углу улиц Уманской и Партизанской, а это от нашего дома примерно 130 метров, я решила сходить к бабушке.

Моя бабушка Надя — Анастасия Калиновна (по паспорту) — жила на самом краю станицы. От нашего дома до дома бабушки было три квартала. Вдоль заборов, извиваясь в зелёной траве неровной змейкой, пролегла протоптанная дорожка. По центру улицы шла обыкновенная грунтовая дорога, по которой лишь изредка проезжали машины да велосипедисты.

Я шла по дорожке, любуясь новой красной юбочкой, которую мама сшила мне накануне. Ситцевая лёгкая юбочка была собрана на поясе двойной резинкой и ложилась мягкими складками. Слабый ветерок теребил края моей юбки, и я, придерживая их руками, напевала себе под нос какую-то песенку.

На лавочке под забором на противоположной стороне улицы сидел дедушка Кандыба. Стая гусей щипала траву вдоль дорожки, по которой я шла. Не обращая на них внимания, я продолжала свой путь. Вдруг самый большой гусь, видимо, вожак, громко зашипел на меня, ущипнул за ногу и попытался ухватить за подол моей красной юбки. Я, испугавшись, громко вскрикнула и бросилась бежать со всех ног вдоль по улице. Громко хлопая крыльями, вытянув длинные шеи, гуси погнались за мной. Не ожидая от гусей такого коварства, я в ужасе прибежала к бабушке за пять минут, хотя до её дома оставалась ещё половина пути.

Бабушка была во дворе. Нежно обняв меня, она стала успокаивать ласковыми словами, поглаживая по голове. С трудом переведя дух, всхлипывая, я рассказала ей о том, что меня напугали гуси, такие большие, серые, злые… На ноге ныла ссадина, вздувшаяся красным бугром. Бабушка помазала ссадину зелёнкой, подула, подула, приговаривая при этом: «До свадьбы всё заживёт!» Я молча кивала головой, стараясь перетерпеть боль.

Всё также ярко светило солнышко, тихо шелестел лёгкий тёплый ветерок, и я, позабыв о боли, уже вертелась вокруг себя, показывала бабушке новую красную юбочку из ситца. Бабушка порадовалась вместе со мной моей обновке и посмотрела на меня как-то по-новому, подметив при этом, что я так подросла и повзрослела с тех пор, как она видела меня недавно.

Мы зашли с бабушкой в хату. В саманной хате было прохладно и чисто. Бабушка напоила меня вкусным компотом и угостила пирожками, которые лежали в тарелке на столе, накрытые белоснежной салфеткой.

Бабушка уже успела напечь сдобных пирожков с вишнями в печке, которая была у неё во дворе. Летом бабушка всегда готовила на ней еду — варила, жарила, пекла. Особенно вкусными были жареные пирожки с картошкой и выжарками, тёплое молоко с пенкой… Молоко бабушка покупала у соседки Ивановны и всегда кипятила его, делала закваску с румяной корочкой.

Огород бабушки выходил к берегу реки. Густые заросли камыша подходили прямо к краю огорода и всё ближе и ближе подступали к бабушкиной хате. Приходилось глубоко перекапывать землю, вырывая корни камышей.

Летом на огороде бабушка выращивала всё, что могло расти там: раннюю крупную розовую картошку, капусту, помидоры, огурцы, морковь, лук, чеснок, щавель, укроп, петрушку, фасоль, горох, перец, дыни, тыквы и прочие, не перечисленные мною, огородные культуры… Для полива грядок в самом конце огорода была вырыта «копань» — неглубокий колодец, в котором собиралась грунтовая вода. К копани бабушка нас не подпускала. Сама зачерпывала воду из неё ведром с длинной верёвкой и поливала грядки. Все овощи были самыми вкусными, но для этого бабушке приходилось очень много трудиться. Пока мы с братом были маленькими, из нас помощники были неважные, а когда подросли, то брат Санька носил воду маленьким ведёрком, которое наполняла бабушка, а я поливала большой алюминиевой кружкой рассаду весной под присмотром бабушки. Она рассказывала, что нужно воду лить под самый корешок, аккуратно. Рассада подрастала с каждым днём всё выше и пышнее. Буквально росла на глазах. Интересно было наблюдать, в детской памяти всё запоминалось до мелочей.

Бабушкин пёс Шарик был огромного роста, добродушный, лохматый, белый с чёрными пятнами. Летом он изнывал от жары, и бабушка каждое лето стригла его обыкновенными большими ножницами. Вот и в этот день она попросила меня помочь остричь Шарика. Шарику, конечно, эта процедура не нравилась, он вертелся, потому стрижка получалась неровная. Бабушка его просила постоять спокойно. Я обнимала Шарика за шею, придерживая его, и тоже ласково уговаривала потерпеть. После стрижки он выглядел смешным, но летнюю жару переносил гораздо легче. К зиме его шубка отрастала. Бабушка Надя остриженную шерсть стирала с хозяйственным мылом и сушила на солнышке.

Полуденная жара ушла, и бабушка, посмотрев на будильник, стоявший на окошке, сказала, что мне пора идти домой. Осмотрев мою ссадину, удовлетворённо покачала головой. Ссадина на ноге уже не болела.

На обратном пути бабушка пошла вместе со мной, чтобы проводить до дома. Дедушка Кандыба по-прежнему сидел на лавочке, но гуси были уже во дворе, и мы, когда подошли поближе, с дедушкой поздоровались. Стерев невидимую пыль с лавочки и подвинувшись, он пригласил присесть к нему. Кивнув в мою сторону, уважительно спросил: «Калиновна, так это твоя внучка?» Чувствуя свою вину, стал извиняться за то, что не успел отогнать гусей, и, приподняв штанину, показал мне деревянный протез — от колена вниз, вместо ноги.

После Великой Отечественной войны дедушка Кандыба остался без ноги и медленно, с трудом ходил на самодельном протезе, опираясь на палочку. Я впервые увидела близко человека без ноги, мне стало его так жалко, что я начала извиняться за причинённое ему беспокойство… Дедушка попросил меня не бегать, а ходить спокойно, тогда гуси не будут обращать на меня внимания.

Открылась калитка, и на улицу вышла внучка деда — Ира, с которой мы раньше ходили в детсад в одну группу. Ира подошла к деду и обняла его за шею. Глаза его засветились лучистыми искорками, и он ласково сказал: «Вот, егоза!!!»

Ира подошла ко мне, и мы стали рассказывать друг дружке последние новости. Я рас-

сказала про гусей, которые напугали меня, показала ногу в зелёнке, покружилась, показывая новую красную юбочку. Ира с интересом потрогала её — ткань была немного шелестящей.

Бабушка, поговорив ещё немного с дедом, напомнила, что меня дома уже заждались и пора идти домой. Попрощавшись с дедушкой и Ирой, мы ушли.

По дороге домой бабушка подсказала мне, чтобы в следующий раз, когда буду идти к ней, брала с собой хворостинку от гусей. С тех пор я и стала ходить к бабушке с палочкой-хворостинкой, смело проходила мимо гусей, не подпуская их к себе близко.

Зимой бабушка Надя садилась за прялку и пряла из собачьей шерсти пряжу, добавляя в неё простую нить. И так ловко у неё всё получалось, казалось так просто, но когда я сама попробовала повторить то же самое, у меня ничего не вышло. Требовались навык и терпение. А вот в клубочек перематывать нитки — это у меня получалось лучше. Из этих ниток бабушка Надя вязала нам носки, теплее которых я никогда не носила. Носки были чуть-чуть колючими, но тёплыми и имели замечательные лечебные свойства.

Мне нравились наши зимние посиделки с бабушкой Надей. Тихо и загадочно потрескивали дрова в печи, создавая уют и тепло. Бабушка часто рассказывала какие-то интересные истории, при этом не выпуская из рук веретено и прялку.

Бабушка Надя была очень умной, грамотной, она окончила четыре класса церковно-приходской школы. Что это было за образование, можно судить по тому, как она с лёгкостью помогала брату решать задачки за седьмой класс, если он просил её об этом.

Бабушка была большой рукодельницей. Была у неё ручная швейная машинка в коробке, напоминающей сундучок с ручкой. Машинку можно было переносить в любое удобное место. Бабушка шила всё, что было необходимо для жизни: платья, халаты, рубашки… Перешивала из старого в новое, собирала из лоскутков ткани и ваты одеяла (сейчас её одеяла были бы в большой моде…)

Помню, как, расстелив на полу основу под одеяло, мы с бабушкой раскладывали по ней рулонную вату ровными слоями, всё это — стоя на коленях. Потом, накрыв сверху тканью, аккуратно совместив края, бабушка прошивала стежками насквозь всю эту конструкцию. Одеяла получались мягкие, тёплые и очень красивые. У каждого из нас, внуков, было небольшое своё.

А однажды соседка попросила бабушку сшить красивое атласное одеяло для её дочери, которая собиралась выходить замуж. Принесла всё для этого: отрез вишнёво-алого атласа для верха одеяла, отрез ситца вишнёвого цвета на нижнюю часть и огромный рулон ваты. Бабушка недели две колдовала над таким ответственным шитьём и всё переживала, чтобы получилось красиво… Одеяло вышло на славу: атлас переливался, стежки были прошиты, образуя контуры пятилепестковых цветов. Я с восхищением смотрела на бабушку и на творение её рук…

С юмором бабушка рассказывала, как однажды она подшивала свою плюшку — так называли в то время плюшевое пальто. Бабушка была маленького роста, новая плюшка была длинной, и она решила укоротить её немного. Подрезала, подшила, померяла — оказалось коротко. Отпустила, пришила обратно то, что отрезала, и снова подшила — оказалось в самый раз. После этого случая бабушка говорила мне: «Танёчка, семь раз отмерь — один раз отрежь». «Танёчка» — почему-то так она называла меня ласково… Кроме неё, больше никто меня так никогда не называл.

Однажды и у меня произошёл довольно смешной случай. Как-то, войдя к бабушке в комнату, я увидела на подоконнике небольшой розовый кусочек, вкусно пахнущий клубникой. Позвала бабушку, но её не оказалось в комнате. Повертев в руках душистый кусочек, я решила, что это конфета, и сунула его в рот. Но вместо сладкого вкуса конфеты я вдруг ощутила вкус мыла, а изо рта поплыли разноцветные мыльные пузыри. Выплюнув этот кусочек на пол, я выбежала на улицу к колонке с артезианской водой, которая была напротив двора бабушки (тогда такие были на каждом квартале). Долго полоскала во рту, пока не перестала ощущать мыльный привкус. Вернулась в комнату, подняла кусочек и положила на место. Оказалось, что это был кусочек мыла, которым бабушка чертила выкройки на ткани. Вскоре бабушка вошла в комнату и, услышав мой сбивчивый рассказ-оправдание, долго смеялась вместе со мной. Она не ругала меня, но для меня это был своеобразный урок — не трогать ничего без спроса.

Зимой, когда вставал лёд, мальчишки выходили на реку на коньках, вооружившись самодельными деревянными клюшками. И тогда на льду разгорались спортивные баталии. Речка была рядом, и мой брат крепил к валенкам коньки и тоже выходил на лёд. Бабушка строго-настрого наказывала — далеко не уезжать. Но разве мальчишки слушаются... Чтобы видеть далеко брата, бабушка подвязывала его пальто красным кушаком, с которым он выделялся на фоне других мальчишек. Не раз проваливался брат в проруби. Чтобы просушить одежду, мальчишки разжигали костры на острове. Бабушка очень сильно волновалась, когда долго не видела Саньку, и тогда она шла его искать, сокрушаясь при этом: «Опять за мост уехали!»

Санька часто оставался у бабушки на ночь, особенно во время школьных каникул. Она его очень сильно любила, а он её всегда ласково называл Бабунечкой…

Татьяна КУН

* * *

Зачарованно смотрю в огонь,
Что сжигает листьев дар осенний.
Ты меня, пожалуйста, не тронь,
Не исчезнет тень моих сомнений.

Осознав метанья чувств своих,
У огня покой я обретаю.
Будущего нет у нас двоих —
Это поняла я, это знаю…

Ни к чему теперь твои слова —
В них отсутствуют тепло и нежность.
К сожаленью, я опять права,
И не будет ничего, как прежде…

Отгорели чувства, отцвели,
Как цветы любви той сумасшедшей.
Мы свою любовь не сберегли.
Я жалею о любви ушедшей…

Угольки тихонько шевелю,
Огоньки потрескивают звонко.
Уходи печаль моя, велю!
Не окликну я тебя вдогонку…

Догорит огонь — печаль уйдёт.
Незаметно вновь подкралась осень,
Каплями дождя вниз упадёт,
И о чём грущу, никто не спросит...

Звёздный свет

Далёких звёзд волшебный свет
Всегда загадочен и ярок
И через сотни тысяч лет
Приносит всем нам свой подарок.

Как странно: глядя в вышину,
Я все заботы забываю,
Величье неба, глубину
Как будто вновь я открываю.

Плывут по небу облака –
В ночи причудливы виденья,
И трудно нам понять пока
Творца великие творенья.

Движенье звёзд — полёт в степи
Над нивами моей Отчизны.
Как бесконечен символ «ПИ»,
Так бесконечна вечность жизни!

Зоя СИЗОВА

* * *

Самое главное — просто дождаться весны,
Даже когда валит снег и стучит непогода.
Буду беречь свои светлые тёплые сны,
Летом — скучать о зиме как о времени года.

Самое главное — просто дожить до весны:
Просто дождаться подснежников первых цветенья,
Щебета птиц и журчания речек лесных,
Радости жизни и счастья земли пробужденья,

Синего неба и первой весенней грозы,
Кипенно-белых садов, разнотравья томленья,
Чистых хрустальных ручьёв, что прозрачней слезы...
Нет ничего в мире краше, чем Бога творенье!

Самое главное — просто дожить до весны!

Ива

Рыдает осень дождями стылыми,
А ива косы слезами вымыла.
Стоит над речкой, грустит-качается,
О лете красном опять печалится.

О лете красном, о тёплом солнышке,
Когда ночами гулялось вволюшку,
На ухо ветер шептал ей шалости,
И ей хватало для счастья малости,

И звёзды в небе, краснея, ахали,
Когда на зорьке ей пелось с птахами.
Теперь над речкой грустит-печалится,
Седые пряди отмыть пытается.

Август

До края — поле и река,
Где крик ночной тревожный птицы,
И, словно перья, облака,
И запах скошенной пшеницы.

Там звёзды падают с небес,
И дарят сполохи зарницы,
А сердце жаждет вновь чудес,
И до утра никак не спится.

Там ночь и лето — благодать.
К утру — желанная прохлада.
Наутро праздник — Спас опять.
На сердце — тихая отрада.

Жанна ОМЕЛЬЧЕНКО

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Рассказ

С возрастом понимаешь, что важно не количество друзей, а их качество.

Вот уже месяц, как я нахожусь на родине, в родной сердцу станице, и всё никак не могу согреться. Хочется как можно дольше находиться под лучами жаркого южного солнца. Горьковатые полынные запахи степи заполняют меня до состояния блаженства, и не хочется никуда торопиться…

В один из солнечных дней августа раздался телефонный звонок, и друзья пригласили меня поехать с ними на Должанскую косу. Я всегда легко откликалась на предложения друзей, а тем более одноклассников, и уже через полчаса была готова к новым приключениям.

Дорога на станицу Должанскую идеальная. Слева — лиманы со сверкающими на солнце водами. Где-то там в них впадает река нашего детства Челбас. Справа — золотистые поля созревшей кукурузы и серые — подсолнечника, с поникшими от тяжести шляпками. Мимо пролетают зелёные оазисы хуторов с красивыми названиями: Трудовая Армения, Ударный, Раздольный, Добровольный, Сладкий Лиман. На душе легко и радостно, я еду на встречу с Азовским морем.

Нас уже ждут. Знакомимся. С первой же минуты общения появилось ощущение, что мы давно знаем друг друга, что мы близки по духу, что у нас единая религия — БОГ и единая национальность — ЧЕЛОВЕК, хотя мы все разные. Общение очень интересное, и как хорошо, что у нас есть место встречи — берег Азовского моря, свой «Дом с привидениями», как ласково называют мои новые друзья старенький двухэтажный коттедж с облупившимися от морских ветров, солнца и времени наружными стенами, но очень уютный, знакомый ребятам по прежним ежегодным традиционным встречам.

Улыбки, шутки, смех. Складываем в один угол сумки, пакеты с продуктами, запасы воды — такое впечатление, что мы собираемся здесь жить неделю, а то и больше. Общая доброжелательность вписывается в энергетику пространства, и эта гармония человека и природы рождает ещё больше улыбок на лицах и в сердцах людей, приехавших на встречу из разных концов Кубани и не только: Ейск, Щербиновка, Новая Деревня, Каневская, Адыгея и… Урал.

17 часов. На небе ни облачка. Лёгкий перекус, и мы устремляемся на пляж, навстречу склонившемуся над морем солнцу.

Море встретило нас лениво набегающей на берег волной. Весь пляж до самого горизонта покрыт ракушками. Ходить по ним без тапочек больно, но зато мы получаем хороший массаж стоп. Смотрю под ноги, разглядывая это разноцветье даров моря. А ведь это самоцветы Азовского моря: жёлтые и оранжевые, голубые и чёрные, большие и маленькие, плоские и винтообразные, они напоминают сердечко, ноготь, палец, шуруп. А ведь когда-то это были «домики» для моллюсков, которые жили и живут в этом водоёме, замерзающем зимой.

Вода в море тёплая, немного мутная. Очень приятно заходить в неё. Людей мало. Нет городской суеты и шума. Тихое, спокойное место без кучи ларьков — одним словом, «дикий» пляж. Иногда здесь проходят местные бабульки, предлагая варёную кукурузу. На мой взгляд, вид портит множество беседок со столиками и лавочками, но, наверное, их наличие оправдано при плохой погоде. В общем, здесь можно уединиться с Природой и наслаждаться тихим шелестом волн о ракушечный берег.

Возвращаемся в коттедж и сообща готовим праздничный ужин. Во дворе ещё жарятся шашлыки, а на столе уже дымится варёная картошка под тараньку, ставятся на длинный стол привезённые из дома заготовки. Настроение прекрасное. В сервировке стола принимают участие все. Нас девять человек, все помогают друг другу, дают рекомендации.

Но вот шашлык готов, и мы садимся за заполненный деликатесами стол. Какое счастье проводить время с теми, кто хочет проводить его с тобой! Когда все немного успокоились, как-то сами собой зазвучали стихи. Не передать моего волнения, когда Василий начал

читать наизусть поэму Пушкина «Полтава». А потом мы по очереди читали стихи Расула Гамзатова, Фазу Алиевой, Шекспира, Роберта Рождественского, Ларисы Рубальской… Энергетика зашкаливает. Пытаемся вытащить из кладовой своей памяти всё новые и новые стихи, в том числе и те, которые сами сочиняли в юности. Конечно же, это стихи о любви. Ах, как давно это было: неповторимые годы учёбы в школе, в институте, влюблённости, юношеские мечты и стихи, стихи…

После ужина выхожу на крыльцо, вглядываясь в темноту южной ночи. Надо мной чистейшее, расцвеченное звёздами небо. Цвет ночного неба глубокий, бархатный, таинственный. Говорят, если долго смотреть на звёздное небо, нормализуется ритм сердца, снижается давление, успокаивается нервное напряжение, способствуя вдохновению… И я смотрю… Где-то там летают космические корабли и с землянами, и с инопланетянами. Луны ещё не видно. Но я знаю, что она где-то рядом и скоро появится, чтобы нарисовать на поверхности моря лунную дорожку.

А в коттедже ребята, возраст у которых — «за», вспоминают свою молодость, когда они решали грандиозные задачи во имя светлого будущего. Звучат тосты: «Слово предоставляется Старейшине», «Слово предоставляется Президенту, организатору и вдохновителю нашей встречи»… Смотрю со стороны на этих молодых душою мужчин, и сердце наполняется нежностью и гордостью за наше поколение — поколение детей войны.

Это они восстанавливали разрушенное войной хозяйство и верили в коммунизм. Это они в составе производственно-механизированной колонны края налаживали производство строительных материалов, возводили колхозные фермы и другие производственные помещения любой сложности. Они были молоды и амбициозны, и любая задача была им по плечу. И сейчас, вспоминая каждый СВОЁ прошлое, они становились мальчишками, молодыми людьми тех далёких невозвратимых годов.

Три дня пролетели быстро. И я говорю на прощанье:

— благодарю судьбу за каждый миг жизни, за новые встречи и за каждый подаренный рассвет;

— любите жизнь и ничего не откладывайте на потом;

— мир всегда выглядит чуточку светлее, если мы делаем что-либо доброе друг для друга.

Владимир ПОЛТОРЖИЦКИЙ

Поздней осени свойственна грусть

Изначально в осени кроется печаль.
Летних дней ушедших бесконечно жаль.
Лето канет в Лету быстротечных дней,
Ставших для поэта ближе и родней.

Облетают листья, не вернуть назад
Поезд уходящий и прощальный взгляд...
По листве шуршащей я брожу один.
Сердце бьётся чаще, провожая клин

Перелётной птицы и печальный крик...
К этому прощанью так и не привык.
И воспринимаю каждый год острей
Грусть воспоминаний и осенних дней.

Я вернусь!

Аквамариновый закат,
Ультрамариновое море...
Аквамарина полный взгляд,
Во взгляде — горе.
У моря отдых завершён,
Какая жалость!
Всего лишь несколько минут
Осталось.
Уже давно убрали трап,
И от причала
«Ах, этот белый теплоход...»
Отчалит.
Обряд прощанья завершён,
А это свято:
Блестит монетка за бортом
В лучах заката...

Невосполнимых нет утрат,
И вечным не бывает горе:
Я через год вернусь назад —
В аквамариновый закат,
В ультрамариновое море!

Ольга ЗОРИНА

КОШАЧЬИ ЛАПКИ

Сказка

Мышонку было очень страшно: невесть откуда объявилась хитрая и злая Кошка. Вот уже несколько дней подряд она набрасывалась на него каждый раз, как он выходил на улицу. Стоило ему отойти подальше от норки, — а Кошка уже тут как тут! У неё были огромные хитрые глаза, белые острые когти и такие же острые зубы. Она страшно мяукала и пыталась поймать Мышонка.

— Мамочка, — спросил Мышонок, — что же это за зверь такой? Что ей от меня нужно?

Мама-Мышка грустно вздохнула:

— Ой, сыночек, не хотелось тебе раньше времени об этом говорить… Но Кошки не едят зёрнышки, плоды и траву.

— Что же они едят? — удивился Мышонок.

— Не что, а кого, — ещё больше опечалилась мама-Мышь, — они едят нас, мышей!

После этого разговора Мышонок стал очень осторожным: он не бегал и не прыгал, а тихонечко крался в траве. Но Кошка всё равно выслеживала его.

— Как она меня находит? — спросил Мышонок своего друга-Ёжика, когда тот пришёл узнать, почему Мышонок больше не заходит к нему в гости.

— По запаху, — ответил Ёжик, — твои лапки оставляют на земле следы, а следы всегда пахнут тем, кто их оставил.

— Что же делать? Может быть, вымазать лапки клубничным вареньем?

— Нет, так ничего не получится, — сказал Ёжик, — тогда получится ещё аппетитней — мышка с вареньем…

Мышонок долго думал, как ему перехитрить хитрую Кошку. И придумал! В саду рядом с норкой жила стайка птиц, которых Мышонок очень любил за их весёлые песенки. И птицы его тоже любили, потому что в снежные зимы Мышонок всегда насыпал им в кормушку вкусное зерно. И птицы с радостью согласились помочь своему другу.

Однажды утром, когда Кошка сладко нежилась на солнышке, на неё вдруг налетела целая стая птиц. С весёлым щебетом они стали выщипывать у Кошки шерсть.

«МЯЯЯУ!» — закричала Кошка и убежала. Но птицы уже успели нащипать немало шерстинок. Мышонок отнёс кошачью шерсть своему другу-Паучку, и тот сплёл из неё четыре чудесных носочка — на каждую лапку. Мышонок так и назвал их: «кошачьи лапки».

С тех пор Кошка больше не появлялась перед Мышонком каждый раз, когда он выходил гулять. Она просто не знала, что он вышел из норки. Потому что следы за Мышонка теперь оставляли его «кошачьи лапки». И пахло от них совсем не аппетитно — кошкой.

Рисунок автора.

Андрей НИКИФОРОВ

* * *

Казалось, кончилась весна,
но так и не настало лето —
Земля, туманами одета,
вошла в оцепененье сна.

И слишком долгие ненастья
промокший город обложили,
и люди в нём уже не жили,
увлёкшись поисками счастья.

И были улицы пустынны,
а дни печальны и скучны,
и было много тишины,
и думы были беспричинны.

И обветшалые дома
смотрели окнами в просторы,
и некому завесить шторы,
чтоб не зияла в окнах тьма.

* * *

Всего лишь намёк...
Лишь прикосновенье...
Всего лишь стремление
осуществить
какое-то краткое,
как мановенье,
мгновенье,
в которое хочется жить...
Всего лишь надежда,
всего лишь обман...
Наверное...
Но, как рассветный туман,
он делает всё
слишком зыбким
и странным...
И что-то во мне
покрывалось туманом...
И что-то хотело
во мне просто
Быть...

* * *

Пусть смоет все воспоминанья
осенний дождь…
Опавшею листвой
промозглый ветер заметёт
следы, ведущие вглубь парка…
Деревьев арка
в сером небе
ажурным кружевом ветвей
чернеет…
В мире нет теней,
есть только сумерки ненастья…
Воспоминания о счастье,
приснившемся мне этим летом…
Теперь с билетом
в никуда
иду, ногою разгребая
сугробы сброшенной листвы,
до одинокой остановки…
И жду последнего трамвая,
чтобы уехать на вокзал…

* * *

Просто ветка. Лист зелёный.
Просто, жизнью умудрённый,
я поверил в простоту,
данную тому листу.

Просто лёгкий ветерок
шевелил листок, как мог,
вместе с веткою качая.
Цепь явлений продолжая,

ветками качался лес...
Муравей по ветке лез
вверх куда-то, прямо в небо —
он там не был

никогда.

* * *

Я ходил за вдохновеньем
по осенним по лесам,
наблюдал листопаденье
и с ветвей срывался сам.

И кружился на ветру
долго-долго, понимая,
что сегодня я умру,
в глушь лесную улетая,

что сегодня я исчезну,
я — упавший в бездну лист,
что сегодня я воскресну,
словно лист тетрадный, чист.

Я смотрел на это небо
в чёрных линиях ветвей,
я ушёл туда, где не был
по аллее тополей.

Я писал себя сначала,
снова — за строкой строка,
я искал в себе начало
для весеннего ростка.

* * *

Так медленно качалось время
на маятнике часов.
Закрыты двери на засов,
и темноты ночное бремя
сползло, легло на все предметы.
Минуты, будто километры,
из далека ползут куда-то...
Часы ни в чём не виноваты —
они подсчитывают только,
нам до утра осталось сколько
минут тягучих пережить.
Часы не могут поспешить.
И время тянется упрямо —
так медленно, но неизменно прямо.

* * *

На лица идущих мимо
смотрю я и понимаю,
что время не обратимо,
и я навсегда упускаю

вот этот миг настоящего –
он прошлым становится всё же,
и мимо теперь проходящего
я больше не встречу тоже.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МОЯ КУБАНЬ!

Стихи участников ансамбля авторской песни и поэзии «Осторожно, дети!» под руководством Елены Мужиченко

Саша САФАНЮК

* * *

Прабабушке
Анне Григорьевне Кузнецовой
посвящается

В должности шофёра,
Несмотря на раны,
Везёт на фронт майора
Военводитель Анна.

А с неба самолёты
Безжалостно бомбят.
Тревожно Аня смотрит —
В неё попасть хотят.

Но Аня не боится,
За бомбами следит.
Вот — впереди взорвётся! —
Возьмёт, притормозит.

А если бомба прямо
На них с небес летит,
На «газ» нажмёт упрямо —
Вперёд машина мчит.

Девчонке не по росту
Военный китель сшит,
Но всё-таки не просто
Она на фронт спешит:

Из главной ставки в папке
Приказ майор везёт;
Готовится к атаке
Стрелковый храбрый взвод.

Максим КУЦЕНКО

Ветерок

Ветерок-воришка,
Шустрый и проворный,
Подружился слишком
С врединой вороной.

Листья жёлто-яркие
Обрывал с берёзы,
А вороны, каркая,
Их таскали в гнёзда.

По двору гонялись,
Даже не устали.
В кучи зарывались —
Листья разбросали.

Крикнул дворник внятно:
«Кто там, хулиганит?»
Только не понятно —
Кого же он ругает?!

Евгений КАСАП

Моя Кубань

Поля, луга, озёра и равнины,
Леса, моря и горные долины,
Цветочные поляны, ширь степей,
Ряды высоких стройных тополей...

Кубань моя, ты всех сплотила —
Народов много разных собрала,
Величием и силой поразила,
Людей красивых, гордых родила.

Моя Кубань, тебя я восхваляю
И буду восхвалять всегда!
Ведь лучше места я не знаю
Для счастья, жизни и труда.

Анна АЛЕКСЕЕНКО

В окопах

Устало шагает редеющий взвод.
Приказ — вперёд и только вперёд!
Охрипшие пушки нещадно палят,
Под натиском враг отступает назад.

В боях подо Ржевом и под Сталинградом,
Под вой миномётов, под огненным градом
Из вражеских пушек, немыслимой силой
Жестоко, безжалостно смерть их косила.

Но били врага наши славные деды,
Сражались они за Большую Победу,
Чтоб нас не настигла нещадно беда,
Чтоб не было войн на земле никогда!

Милана БЕСПАЛОВА

* * *

Морковный чай без сахара,
вода с сухой горбушкой.
У Сашки, брата младшего —
патрон вместо игрушки.
А на уроке в школе
«на раз», с одной попытки
Делили апельсины
в уме и без ошибки.

На фронтовых дорогах,
в окопах и траншеях
Отцы стояли насмерть
в простреленных шинелях.
И к ним спешили матери
в вагонах медсанбата,
Их провожали взглядами
суровые ребята.

В спецовке не по росту,
в большой отцовской кепке —
Снаряды бронебойные
точили руки детские.
И у станка на ящике,
как будто постаменте,
Стояли наши мальчики —
давно уже не дети.

Елизавета НИКИФОРОВА

* * *

Ангел нёс благую весть,
Что Христос родился здесь,
На заснеженной земле,
Утопающей во мгле,
Чтобы воцарился Свет —
Лучше этой вести нет!!!

Звёзды — алмазная россыпь,
Ярко сияют в ночи.
Ангела слышать так просто —
Радостно сердце стучит.

Мы приходим в Божий дом,
Чтоб Младенца встретить в нём,
Чтоб увидеть этот Свет —
Ярче не было и нет!
Словно маленькая свечка,
Вдруг засветится сердечко.

Ясной рождественской ночью
В храм я войду и пойму:
Любит Христос меня очень.
Что подарю я Ему?

Наш гость

Первые стихи Ирина Хананина написала в одиннадцать лет. Первая подборка стихов Ирины появилась в московском журнале «Мир женщины» в 1999 году, затем в сборнике «Прелюдия» В. П. Стеценко. В 2004 году был издан сборник «Музыка и слово». Ирина принимает активное участие в творческих вечерах, литературных гостиных, встречается со школьниками. А недавно она участвовала во Всероссийском литературном конкурсе «Поэзия русского слова», на котором стала лауреатом.

Ирина ХАНАНИНА

Лет двести назад

Так бы, наверное, было…
Я б, подоткнувши подол,
В хате с усердием мыла
Свежеоструганный пол,

Ставен сомкнув половинки,
Зыбку качнув, у икон
Скорбно сдувала пылинки
С жёстких казачьих погон,

Плача, коня выводила,
Вывязав стремя платком…
Так бы, наверное, было
В давешнем времени том…

Пряча тяжёлые вздохи,
Бабье ненастье своё,
С шатких мостков у протоки
Я б полоскала бельё,

С горькою вспомнив усмешкой
В жаркой траве васильки,
Ветром затронутый нежно
Маковый цвет у щеки,

В счастье «до одури» веру,
Нежность в родимых очах…
Пахли б уснувшею вербой
Косы мои на плечах.

За полночь травы остыли,
С неба скатилась звезда…
Так бы, наверное, было,
Если б мы жили тогда.

* * *

Сверчки стрекочут. Август на исходе.
Соседский за окном кричит петух.
Наверно, счастлив он, что солнце всходит,
И гребешок от радости набух.

И слышно в воздухе, как поездов колёса
Устроили там мерный перестук.
Сливаясь с рельсами, многоголосо,
Протяжно в вышину уходит звук…

И я парю над собственной кроватью,
Над кружевом подушки в полусне,
И чувствую, что крепкие объятья —
Твои, надёжные — вот-вот приснятся мне.

Шкатулка

Мчатся кони расписные
Грациозной поступью,
И цветёт густой рябинник
Палехскою росписью,

Жёлт бубенчик под дугою,
Треснул лак от древности...
Я в шкатулку дорогую
Собираю ценности:

Не звенящие мониста,
Не колечки с бирюзой,
А пьянящий воздух чистый
Вместе с майскою грозой;

Не брильянты с их каратами,
А алмазы светлых рос,
Полевых соцветий запахи
В летний пряный сенокос.

Не беру серёг серебряных —
Только иней на ветле,
Да снежинок танец медленный,
Да узоры на стекле.

Ожерелий нет жемчужных —
Нет, шкатулка не для них:
Бисер в ней капели дружной
И улыбки лиц родных.

Не звенят браслеты стильные.
Положу для утешенья
Сумерек сапфиры синие,
Янтари листвы осенней.

Вместо змеек бус искристых
Помещу я в центр веру,
Силу, счастье материнства
И любовь — всё полной мерой!

Не для собственной услады,
Лишь себе — красавице,
Собираю эти клады…
Разбирай, что нравится!

Вера моя
православная

Ольга ЗОРИНА

ПАХЛО ЁЛКОЙ И ЛАДАНОМ

Рождественская сказка

Снеговичок вдохнул колкий морозный воздух: пахло ёлкой и ладаном… Эти запахи были хорошо знакомы, ведь мальчики сделали ему нос из еловой шишки. А шишка — от ели, украшавшей храм в минувшее Рождество Христово.

Дети сделали Снеговичку глаза из лесных орешков, и он увидел храм. Снежинки весело кружили над куполом, увенчанным Крестом. Торопливо входили люди с радостными лицами. Вскоре загудел большой колокол, донеслось пение: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума…» Снеговичок понял, что снова наступил прекрасный праздник.

Еловая шишка, ставшая теперь частью Снеговика, побывав год назад на Рождественском богослужении, сохранила память об этом. И Снеговичку очень хотелось оказаться в храме, чтобы вместе со всеми славить Христа! Но он не мог тронуться с места: морозец крепко держал за ноги.

Вдруг с ближайшего дерева на снег прыгнула пушистая Белка. Она выглядела грустной, и Снеговик понял, что Белка голодна. «С Рождеством Христовым!» — сказал он Белке и уронил ей прямо в лапки лесные орехи, служившие ему глазами. Обрадованная Белка унесла праздничный ужин на верхушку дерева.

Вскоре рядом со Снеговичком приземлилась пёстрая Сойка. Она тоже была голодна, и Снеговик отдал ей свой нос — шишку, полную еловых орешков. «С Рождеством Христовым!» — крикнул он вслед упорхнувшей с угощением птице.

После снежной морозной ночи пришло тёплое дождливое утро — такие на Кубани зимы… Снеговик растаял. Но не исчез бесследно, а напоил водой дремавшие в земле семена. Весной они проросли, и к Светлому Христову Воскресению у храма, где Рождественской ночью стоял Снеговичок, распустились прекрасные цветы. Дети сорвали их и украсили праздничную икону.

Так маленький Снеговик восславил Рождество и Воскресение Христово, накормив голодных, напоив жаждущих, подарив радость всем прихожанам.

Пред Рождеством

Пред Рождеством на землю сыпал снег,
Затейливо сшивая с небесами
Стежками колкими ту твердь, что под ногами.
И даже время замедляло бег,

Любуясь первозданной белизной
Как будто новорожденной планеты.
Притихли ёлочки, невестами одеты.
Как свечи — огоньков фонарных строй…

Земля была невинна и чиста,
От суеты неправедного века,
От всех деяний горьких человека
Омытая Рождением Христа.

И пел самозабвенно человек,
Христа встречая чудное Рожденье,
И пели Ангелы, и всякое творенье.
Открылись небеса, и сыпал снег…

Анна КУЛИК

Сила

И откуда в этом теле сила?
Нет, не та, что гнёт тугую сталь.
И не та, что сердце покорила,
Сделав из него всего деталь.

Силы этой, много или мало,
Всё одно — обретено в пути.
Сотни раз от многих бед спасала
И давала чью-то жизнь спасти.

Сила эта — яркий светоч ночью —
Освещает, греет и хранит,
Помогает там, где уж невмочь нам,
Лечит душу, если заболит.

Сила эта больше силы жизни.
Сонмы за неё ушли на смерть.
От сомнения очисти свои мысли;
Знай, не каждому даётся эта твердь.

Знаю я, откуда эта сила
(больше той, что гнёт тугую сталь)...
Долго нынче Господа просила:
«Милостивый, дай нам веру. Дай».

Вера внутри

Рано на рассвете
начался пост.
Сразу показался
целый мир прост.
Сразу показался
целый мир чист.
Вновь перед тобою —
в белый снег лист.
Вновь перед тобою
карты, две — в масть:
Быть самим собою
или в грех впасть.
Россыпь наслаждений?
Постные щи?
Верность рассуждений —
Правду ищи.
Правильность формата:
нас теперь — три.
Вера расцветает.
Вера внутри.

Андрей ЛЯХ

Троица Святая

На листочках дрожащих
луч солнца зарёй заалеет,
В чаще ландыш прощальным соцветьем
своим зацветёт;
Ветерочек душистою мятой
тихонько повеет,
И петух-розбышака
горласто с плетня запоёт.

На рассвете станица
росою алмазной умоется.
Нежный звон колокольный
над речкой степной проплывёт.
На казачьей земле нынче праздник —
Пресветлая Троица,
И стекается в храм православный
нарядный народ.

Славят Троицын день
наши нивы казачьи привольные,
Птицы славят с небес,
песней радуя сердце и слух,
Славят реки, журча,
славят ветры и степи раздольные
Триединство Святое —
Бог Сын, Бог Отец и Бог Дух!

А потом — Духов день;
затем песни, венки и покосы,
Зацветут и закружат
седую метель тополя...
О, вечерние зори!
О, тёплые летние росы!
О, хранимая Господом
наша святая земля!

На Спас

В саду, под яблонькой, в прохладе
Своим мирком пчелиный рой
Гудит. К реке коровье стадо
Пастух ведёт на водопой.

Макая яблочною долькой
В янтарный, чуть горчащий мёд,
Моменты жизни, как осколки,
Выстраиваю я в черёд.

Всё было: праздники, утраты,
Большая жизнь — большой рекой
Уносит годы безвозвратно,
А сердце требует покой.

Отброшу этих дум поклажу,
Тряхнув седою головой,
И на груди своей поглажу
Прадедов крестик сечевой.

По глянцу яблока стекает
Медовой капельки слеза,
И от себя не отпускают
Спаса печальные глаза.

Наталья ДУЛЕНКО

БОГ ДАЛ ХУДОЖНИКУ КИСТИ И КРАСКИ

Тот, Кто создавал этот Мир, был счастлив. Улыбка светилась на Его Лице, когда Он творил горы, моря, леса, облака... Последним был создан человек. И, наверное, Создатель вдохнул в него немного своей радости от сотворения Мира. Иначе как объяснить, что человека непреодолимо тянет создавать Мир своими руками? А если хорошо получается, — откуда такое ощущение счастья? И почему всё это называется ВДОХНОВЕНИЕМ?..

Вдохновение посещает не каждого. Таких людей легко распознать. Они смотрят на облака — и видят кудрявых слонов. Они месят глину, смешивают краски, сшивают, обрезают, наклеивают — одним словом, ТВОРЯТ. И если получается хорошо, то часть радости творца обязательно передаётся его творению. А потом её почувствуют те, кто будет на это творение смотреть.

Выходит, что творчество — это когда людям по цепочке передаётся радость того главного Творца, который пишется с большой буквы. Это радость от того, что Мир получился прекрасным. Вот и сегодня мы встретимся с творцом, который делится с нами радостью и вдохновением.

Искусство — оно всегда едино и неразделимо… Искусство объединяет людей, дарит красоту и радость. И сегодня мы делимся радостью творчества, которую дарит людям талантливый, замечательный, увлечённый художник — руководитель творческой студии «Вдохновение» Наталья Ильина.

Родилась она в станице Каневской. В 1993 году окончила с золотой медалью школу № 7. Рисовала с детства, а потому её отдали в Детскую художественную школу, где её преподавателем была Майгурова Дина Андреевна. Художественную школу Наталья тоже окончила на «отлично». И поступила на художественно-графический факультет Кубанского государственного университета, который окончила с отличием в 2002 году.

...Куратором её дипломной работы в университете был Кравченко Григорий Устинович — преподаватель живописи, Заслуженный деятель искусств Кубани, член Союза художников СССР. Зарубежные специалисты называют его работы «жемчужинами реализма». Дипломная работа Натальи Ильиной — «Натюрморт с пионами в вазе на столе с чайным сервизом и фруктами». Картина наполнена светом. Узор белых занавесок придаёт ей нежность, необычайную воздушность.

После окончания обучения Наталья Владимировна посвятила себя преподавательской деятельности в Детской художественной школе станицы Каневской.

В 2010 году создала авторскую образовательную программу «Юный художник», одобренную Краснодарским краевым институтом дополнительного профессионального педагогического образования.

В том же году стала победителем регионального этапа IX Всероссийского конкурса авторских образовательных программ дополнительного образования детей в номинации «Художественная».

В 2013 году стала лауреатом I степени краевого конкурса «Преподаватель искусств Кубани».

Имеются грамоты за подготовку победителей различных художественных конкурсов.

Участвовала в реставрации надвратных икон и витражей в каневском Свято-Покровском храме.

В жизни Натальи Ильиной наступил момент, когда ей захотелось достичь чего-то большего. Вот тогда-то и возникла идея создания творческой студии «Вдохновение». Её активно поддержал муж; помогал во всём. Конечно, было сложно: и оформление документов, и финансовые вопросы…

5 октября 2014 года мечта сбылась — студия, где она могла преподавать своё умение, делиться творческим опытом, была открыта.

Необходимо было время, чтобы люди узнали о студии, о человеке, который её возглавил, доверили ему свои чада. Так, потихоньку, стали набираться группы.

Практически в одно время возникли и детская группа, и взрослая. С детьми, отмечает Наталья Владимировна, очень интересно работать: наблюдая за ними, можно что-то новое у них почерпнуть. Таким образом происходит двустороннее обучение — живой процесс, процесс совершенствования! Благодаря наблюдениям за детьми, программа обучения Натальи Ильиной постоянно развивается с учётом деталей в общении с учениками, их реакции на ту или иную тему и т.д.

Во взрослую группу идут люди без какого-либо художественного образования, не знающие основ. Приходят после работы, за плечами — жизнь, семья, дети, заботы... А в студии — раскрепощение, работа для души, отдохновение и самосовершенствование, общение в близком кругу творческих друзей, своя «семья». В студии они постепенно всему учатся, одновременно общаясь, обмениваясь опытом, слушая и критику, и похвалу…

Дело это сложное и трудное, но, как говорит Наталья Ильина, случайных людей в студии нет. Изначально сюда идут те, кто чувствует в себе потенциал — им нужно лишь помочь раскрыться. Скороспелых успехов Наталья Владимировна не поощряет: работа над собой должна быть основательной. Преподаватель очень бережно относится к индивидуальности каждого из учеников и стремится к развитию той самой индивидуальности.

Работы коллектива творческой студии «Вдохновение» уже были представлены публике в районном Дворце культуры, в парке имени 300-летия Кубанского казачьего войска. А в январе 2017 года состоялось открытие первой выставки работ Натальи Ильиной и её подопечных в районном историко-крае-ведческом музее, которая определённо вызвала интерес каневчан. И в полку «Вдохновения» прибыло: некоторые посетители выставки почувствовали желание — нет, потребность! — посещать и уроки Натальи Владимировны Ильиной.

Все картины Натальи Ильиной пронизаны светом, солнечными лучами. Даже если это зима, на картине обязательно видна игра красок, света и тени на снегу под закатным солнцем. На творчество Наталью Ильину вдохновляет, как поясняет она сама, красота Божьего мира. Ей хочется передать эту красоту такой, какой она её видит. Любимое направление в живописи — русский и французский импрессионизм. Ближе по духу живопись маслом и акрилом.

В настоящее время Наталья Ильина вместе с учениками и взрослой, и детской групп работает вплотную с анималистическим жанром, но планирует прикоснуться к самым разнообразным жанрам и техникам.

Желаем Наталье Владимировне творческих успехов, раскрытия новых талантов в её учениках и, конечно же, ВДОХНОВЕНИЯ — во всех смыслах этого слова.

«Пионы на окне». Холст, масло.

«Одуванчик». Холст, масло.

«Маки». Холст, масло.